

INSPIRIA

КРОВАВАЯ КЛАРК ГОВАРД ЛЮБОВЬ

18+

INSPIRIA

Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года

Кларк Говард

**Кровавая любовь. История
девушки, убившей семью ради
мужчины вдвое старше нее**

«ЭКСМО»

1993

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Говард К.

Кровавая любовь. История девушки, убившей семью ради мужчины вдвое старше нее / К. Говард — «Эксмо», 1993 — (Tok. True Crime Story. Главный документальный триллер года)

ISBN 978-5-04-184236-9

Шокирующая реальная история 15-летней девушки, готовой убить всю свою семью ради мужчины вдвое старше нее, — от классика американской тру-крайм литературы. Когда бизнесмен Фрэнк Коломбо, его жена Мэри и их 13-летний сын Майкл были жестоко убиты в своем доме в пригороде Чикаго, у всех в голове пронеслась одна мысль: кто расскажет их дочери Пэтти? Но Пэтти уже все знала. Пятнадцатилетняя девушка была сексуальной рабыней взрослого женатого мужчины Фрэнка Делуки, отчаянно, слепо преданной ему. Когда родители узнали шокирующую тайную жизнь дочери, разгневанный отец пригрозил убить их обоих. Но любовники нанесли удар первыми, оставив после себя сцену ужасающей бойни... Осужденная на многие годы за убийство отца, матери и брата, в тюрьме Патрисия рассказывает писателю Кларку Говарду о том, что привело их с Делукой к трагической развязке. Но, как и бывает там, где замешаны большие страсти, это не только история о семейных скелетах в шкафу и зависимости от манипулятивного социопата, но и история о ненадежном рассказчике — и Говарду самому предстоит анализировать улики и показания, чтобы докопаться до истины... «Эта глубоко захватывающая история о подростке, который, возможно, помог убить своих родителей, является образцом беспристрастного тру-крайм повествования». — Kirkus Reviews «Захватывающее повествование и загадочная Патрисия Коломбо приклеят читателей к страницам. Эта интригующая книга действительно рекомендуется для всех любителей реальных криминальных историй». — Library Journal В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-184236-9

© Говард К., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Примечание автора	7
Предисловие	8
Часть первая	9
1	11
2	19
3	30
4	35
5	39
6	44
7	48
8	55
9	59
10	63
11	66
12	72
13	77
14	81
15	86
16	88
17	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Кларк Говард

Кровавая любовь. История девушки, убившей семью ради мужчины вдвое старше нее

Clark Howard

LOVE'S BLOOD: THE SHOCKING TRUE STORY OF A TEENAGER WHO WOULD
DO ANYTHING FOR THE OLDER MAN SHE LOVED- EVEN KILL HER WHOLE FAMILY

Copyright © 1993 by Clark Howard

© Мордашев Е. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Эта книга ошеломляет обилием откровенных сцен – и это заслуга писателя, убедившего главную героиню рассказать свою историю без купюр. Интригующий тру-крайн, в котором читатель вместе с автором определяет степень виновности каждого из героев в жестоком убийстве.

Яна Логинова, редактор

* * *

*Памяти хорошего друга и особенной леди
Элеанор Салливан*

Примечание автора

Щупальца убийства тянутся ко многим людям, одних беря в удушающий захват, других доставая легким касанием. Однако сколь бы кратким ни было их прикосновение, его никому не забыть. Люди, события и разговоры, представленные в этой книге о тройном убийстве, воссозданы на основе всестороннего исследования, разворачивающегося перед читателями по мере развития нашего повествования. Многие из описанного взято из открытых источников и следственного досье, которое вели полицейские, другая информация основана на воспоминаниях людей, находившихся как в самом эпицентре, так на отдаленнейшей периферии трагического преступления. Отдельные детали, такие как конфиденциальные сеансы психотерапии одной из исполнительниц преступления, явно могли исходить только от пациентки, хотя в некоторых случаях информация подтверждается и внешними источниками. Как и в любой другой научной работе, бывают моменты, когда ради логики и последовательности от автора требуется интерпретировать и даже экстраполировать известные факты. Кроме того, для защиты частной жизни определенных лиц автор изменил их имена и другие данные, по которым их можно опознать. Однако я считаю, что по своей сути история настолько правдива и полна, насколько это возможно.

Предисловие

В этой книге читатель познакомится с подробностями одного из самых странных и самых бессмысленных убийств в истории. Это преступление, основанное на любви и похоти, порожденное сексуальной энергией в самом широком ее диапазоне.

Поскольку преступление совершено почти два десятилетия назад и поскольку одна из его исполнительниц рассказывает свою историю впервые, в первой части книги повествование потребовалось структурировать так, чтобы читатель переносился назад и вперед по времени. Некоторые детали из рассказа преступницы подтверждены следствием, некоторые нет. Вставки в текст, обозначенные инициалами автора – «К.Г.», – представляют собой его личные воспоминания, а также хронологию проведенных им обширных исследований. Мало-помалу все это собирается воедино – история преступницы, известные и новые факты, а также извращенность людей, поощрявших убийства, – впервые создавая полную картину преступления, *которого не должно было произойти*.

К тому времени, когда читатель доберется до второй части книги, повествующей о судебном процессе, у него скорее всего сложится мнение о женщине, чья история, по сути, и есть эта книга. Суд и его последствия могут это мнение изменить – или оставить неизменным. Однако независимо от этого читатель, самостоятельно решая, во что ему верить, а во что – нет, впервые получит возможность узнать многие неизвестные аспекты и не обнародованные ранее факты этой долгой и странной истории.

Часть первая Преступление

К. Г.¹

МАЙ 1976 ГОДА

Я был в Чикаго, проводя заключительные исследования к книге, которую в конечном итоге назвал «Шестеро напротив скалы», эта книга посвящена состоявшейся в 1946 году наиболее отчаянной попытке побега с легендарного острова-тюрьмы Алькатрас. Я исколесил всю страну, опрашивая старых преступников, которые были на Скале во время осады.

Это была долгая и утомительная исследовательская поездка, и я поехал в Чикаго на пару дней отдохнуть и привести в порядок все свои записи. Так я себе сказал. По правде говоря, Чикаго периодически притягивал меня к своей бетонной груди. Я не жил там почти двадцать лет, но время от времени мне требовалось возвращаться, я бродил по улицам нижнего Вест-Сайда, как призрак по кладбищу. Возможно, потому что в возрасте с восьми до четырнадцати лет я провел на этих улицах словно бы сотню лет в поисках отца, бывшего заключенного, который на самом деле уже был мертв, или потому, что моя мать скончалась там от передозировки героина, или потому, что самые первые мои настоящие друзья были, как и я, детьми улицы, и всех их – кроме меня – затянуло в водоворот убийств, уголовщины, тюрем, наркотиков, алкоголя. Свой единственный «срок» я отбыл в «учебном заведении штата» для мальчиков – читай, исправительной школы, – а единственное совершенное мною убийство санкционировал Корпус морской пехоты. Я уже давно самостоятельно выбрался из своей тюрьмы, и это был успех. Остальным детям сбежать не удалось. Может быть, именно поэтому меня время от времени тянуло вернуться. Хотелось узнать: «Почему именно я?»

Я окопался в маленьком отеле на Раш-стрит, через реку от района Луп², когда впервые увидел фотографию Патрисии Коломбо. Снимок поместила «Трибьюн», и на нем была изображена симпатичная, но напряженная девятнадцатилетняя девушка с густой копной темно-русых волос, входящая в похоронное бюро с красивым мужчиной, названным всего лишь ее неопознанным сопровождающим.

Статью «Трибьюн» написала журналистка Митчелл Локин. Хорошо написано, подумал я.

Она собрала силы, чтобы преклонить колени перед тремя гробами – всей своей семьей.

¹ Инициалы автора – Кларка Говарда. (Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.)

² Центральный деловой район Чикаго.

Патрисия Коломбо была единственной выжившей из семьи Фрэнка Коломбо из Элк-Гроув-Виллидж, семьи, которую называли «идеальными соседями».

Девятнадцатилетняя девушка вошла в похоронное бюро «Гейлвуд», Норт-Гарлем-авеню, 1857, и поприветствовала родственников, друзей и знакомых слабой улыбкой. На вопрос, готова ли она пойти в часовню, она тихо ответила: «Не хочу, но должна».

Она преклонила колени перед сизовато-серыми гробами, в которых покоились останки отца Фрэнка, сорока трех лет, матери Мэри, сорока лет, и брата Майкла, тринадцати лет.

Все трое были убиты предположительно в прошлый вторник в своем доме по адресу Ист-Брэнтвуд, 55, но полиция обнаружила их тела только в полдень пятницы. Власти утверждают, что их избили дубинками, нанесли им от 40 до 50 ножевых ранений, выстрелили им в голову и перерезали горло. Миссис Коломбо изнасиловали.

– Патти похожа на Майка, – пробурчал один из родственников, наблюдая за переходящей от гроба к гробу мрачной процессией.

– Не понимаю. Не понимаю, – бормотали многие.

Преподобный Дж. Уорд Моррисон, священник католической церкви Королевы Святого Розария в Элк-Гроув-Виллидж, сказал, что за тридцать два года служения не знал более печального случая. Коломбо ходили в его церковь одиннадцать лет.

Тем временем полиция продолжала поиск убийц.

Следователи Элк-Гроув-Виллидж дежурили внутри и снаружи часовни, их интересовало, есть ли здесь посторонние.

Их гипотеза состояла в том, что, возможно, банда профессиональных грабителей перешла от грабежа к пыткам и убийствам под действием наркотиков.

Грабители? Что за безумное предположение? Грабители, которых я знал, заходили в дома, чтобы украсть, а не убить. И они никогда не употребляли наркотики во время работы.

Позже тем же вечером я услышал новость по телевизору:

«...Тела обнаружены поздно вечером в пятницу после обычного звонка в полицию по поводу обнаруженного бесхозного автомобиля. Неясная поначалу причина смерти трех жертв теперь установлена – огнестрельные ранения в голову, хотя всем троим также перерезали горло, а их тела сильно обезображены. Следователи сообщили репортерам, что изнутри дом напоминал скотобойню в южной части Чикаго. Среди сотрудников правоохранительных органов распространена версия, что убийства – дело рук грабителей, таких как последователи начавшегося в 1969 году культа Мэнсона или годом позже убившего семью бывшего врача «зеленых беретов» Джеффри Макдональда. Подобные преступления происходят в Америке все чаще и чаще, о чем в последние годы сообщают из Оклахомы, Джорджии, Калифорнии, Виргинии и Техаса...»

Я снова посмотрел на фотографию в «Трибьюн», на красивое молодое лицо под копной волос, большие темные глаза, невероятно высокую стройную фигуру...

«Девятнадцать лет, – подумал я. – Малышка, тебе повезло, что тебя там не было».

1

Май 1976 года

Маленького пуделя звали Джиджи.

Он прижался к телу мертвой женщины. Время от времени он неконтролируемо вздрагивал, хотя температура в доме была комфортной – двадцать один градус. Иногда пудель несколько минут скулил, порой поворачивал голову, чтобы лизнуть неподвижную руку женщины. Лицо ей он не облизывал, потому что на нем было слишком много крови.

Песика охватил страх. Почти три дня он не ходил в туалет, еда в его миске засохла и затвердела.

Наступил день, затем ночь, снова день. Иногда песик подходил к другим мертвым телам и какое-то время стоял, пища и скуля. Или подходил к приоткрытым входным дверям и подвывал через выходящую на крыльцо узкую щель. Однако неизменно возвращался к телу женщины.

Еще одна ночь, еще один день.

Песик продолжал скулить.

В пятницу днем, 7 мая 1976 года, чикагские полицейские Джо Джулиано и Эдди Козловски приняли вызов и отправились осмотреть подозрительный автомобиль, припаркованный на Саут-Уиппл-стрит, 140, в западной части города. Они встали у обочины за бордовым «Тандербердом», доложили о своем местонахождении и вышли, чтобы разобраться. Джулиано говорил, а Козловски записывал.

– Итак, это «Тандерберд» 1972 года, темно-бордовый, номерной знак EG 5322, правое переднее стекло выбито и зажигание вырвано, – произнес Джулиано, указывая на то, что вся система зажигания машины выдернута. Обычно угонщики, в особенности автомобилей «Форд», пользуются специальным инструментом, именуемым «съемщик замка». Он предназначен для быстрого и легкого запуска автомобилей без ключа.

– Салон машины завален битым стеклом, – продолжил, обходя машину, Джулиано.

– Покрышки отсутствуют, багажник закрыт, – он вернулся к передней части машины. – На лобовом стекле есть наклейка об уплате налога в Элк-Гроув-Виллидж.

Он стер грязь, чтобы посмотреть на идентификационный номер автомобиля на приборной панели.

– ZY87N111090 – идентификационный номер автомобиля.

Джулиано связался по рации с компьютерным отделом полиции. Ответ отрицательный, машина с таким идентификационным номером в угоне не числится. Проверка регистрации показала, что машина принадлежит некоему Фрэнку П. Коломбо, проживающему по адресу Брэнтвуд, 55, в западном пригороде Элк-Гроув-Виллидж.

В тот день Джо Джулиано несколько раз пытался дозвониться до Фрэнка П. Коломбо, чтобы сообщить ему о местонахождении его машины. Ближе к концу смены Джулиано передал имеющуюся у него информацию полицейскому диспетчеру и попросил ее отправить в Департамент полиции Элк-Гроув уведомление: кто-то должен лично заехать к этому человеку и попросить его позвонить в полицию Одиннадцатого района города.

В 16:45 в пятницу днем полицейский Кеннет Квидера из Департамента полиции Элк-Гроув-Виллидж совершал обычное патрулирование Арлингтон-Хайтс-роуд, когда диспетчер передала по рации запрос чикагских полицейских. Обычный звонок, диспетчер даже не сказала Квидере о содержании уведомления, которое нужно было передать Фрэнку П. Коломбо. Это не имело никакого значения, полицейских Элк-Гроув часто привлекали в качестве посыльных.

Квидера, в форме и за рулем черно-белой патрульной машины, записал имя Фрэнка П. Коломбо и адрес: Брэнтвуд, 55, пока ждал зеленый на бульваре Джона Ф. Кеннеди. Затем, свернув на обочину бульвара, он достал карту. Элк-Гроув-Виллидж находится прямо на

запад от огромного чикагского международного аэропорта О'Хара. Этот городок с примерно двадцатитысячным населением представляет собой запутанное переплетение улиц с одинаковыми названиями, которые извиваются во всех направлениях. Брэнтвуд, например, может означать Брэнтвуд-авеню, Брэнтвуд-лейн или даже Брэнтвуд-корт.

Изучив карту улиц, Квидера увидел, что находится практически на самом западном конце Брэнтвуд-авеню, не исключено, что нужное место всего в трех кварталах. Он поехал. В Лонсдейле полицейский повернул на квартал налево, в Ланкастере на полквартала направо, потом налево на Брэнтвуд, и – какое везение – справа был номер 55, третий дом от угла. Хотя подъездная аллея была пуста, Квидера припарковался на улице.

Дом был типичным для этого пригородного квартала, заселенного верхушкой среднего класса, – со средней ценой в районе шестидесяти пяти тысяч долларов, некоторые дома двух-уровневые, некоторые с кирпичным первым этажом, все легко поддается перестройке, участки небольшие, хозяева в основном пары среднего возраста с подростками или взрослыми детьми. Большинство домовладельцев долго и упорно трудились, чтобы переехать сюда и выбраться из маргинальных кварталов в центре города, далеко не идеальных для семей с детьми. Жизнь в Элк-Гроув-Виллидж безопаснее.

Квидера вышел из патрульной машины и прошел около шести метров по подъездной аллее к крыльцу. Подойдя к входным дверям, он внезапно ощутил беспокойство и нерешительно остановился. Что-то здесь не так. В почтовом ящике слишком много писем. На крыльце три номера ежедневной газеты «Элк-Гроув геральд». Вторые двери в дом (за входными дверями) приоткрыты. Изнутри слышится собачий скулеж. Квидера очень тихо попробовал повернуть ручку наружных стеклянных дверей – не заперта. Он постучал и стал ждать. Без ответа.

«Отойди, – подсказал ему инстинкт. – Немного осмотришь».

Квидера медленно отошел от крыльца и обошел дом, внимательно осматривая двери и окна. *Внешне* все хорошо...

Квидера вернулся к патрульной машине и позвонил диспетчеру.

– Запрос о помощи в Брэнтвуд, 55.

– Помощь для передачи уведомления? – недоверчиво спросила диспетчер. – Квидера, шутишь?

– Никак нет, – тихо ответил Квидера, прижимая микрофон ко рту. – Тут что-то странное. Место кажется каким-то неправильным. Запрашиваю помощь.

– Десять-четыре, – сухо подтвердила диспетчер. Она что-то услышала в голосе полицейского Кеннета Квидеры...

В патрульной машине молодой полицейский, служивший в полиции третий год, с нарастающим напряжением ждал помощи.

Не прошло и двух минут, как к дому Брэнтвуд, 55 подъехала вторая полицейская машина Элк-Гроув-Виллидж, из нее вышел полицейский Джером Макулитис. Он патрулировал всего в двух кварталах оттуда.

– Что происходит?

– Я не знаю, – ответил Квидера. – Входные двери открыты, внутри собака скулит, на крыльце газеты за три дня, почтовый ящик переполнен. Что-то тут не так.

– Давай посмотрим, – сказал Макулитис.

Квидера тихонько открыл входные двери и жестом приказал Макулитису их придержать. Толкнул вторые двери и заглянул внутрь. Небольшая прихожая, две лестницы – на первый этаж дома и в подвал. Выскочил маленький пудель и облаял их. Квидера, держась за пистолет, вошел в прихожую и махнул Макулитису – следуй за мной.

– Боже правый...

Макулитис из-за спины Квидеры смотрел сквозь кованые перила в гостиную и видел лежащее на спине тело мужчины в брюках и носках, лицо и живот страшно распухли, голову и грудь покрывает корка засохшей крови, уже началось разложение. На фольгированных обоях наверху лестницы большие пятна крови. На полу рядом с телом пропитанная кровью диванная подушка. Полицейские остановились, ощутив гнилостный запах смерти, постепенного разложения.

– Господи, еще один!

В холле справа – тело женщины, тоже на спине, светлые волосы окровавлены, халат расстегнут, ночная рубашка задрана до талии, трусы спущены до колен.

Аккуратно вышли из дома. Макулитис, чья машина была ближе, позвонил диспетчеру: двойное убийство или, возможно, двойное самоубийство, нужна группа следователей и криминалистов.

Значит, Квидера был прав, подумала диспетчер, помощь ему *действительно* требовалась.

Немного после пяти Рэймонд Роуз, ветеран, открытый и спокойный брюнет с черными висячими усами, прослуживший в Департаменте полиции Элк-Гроув-Виллидж восемь лет, возвращался на свое рабочее место из прокуратуры штата в Найлсе, еще одном западном пригороде Чикаго.

Большинство уголовных дел Элк-Гроув вел этот офис, и большинство подозреваемых, которым предъявляли официальные обвинения, привлекались к ответственности в одном из отделов здания суда Найлса.

Ранее в тот же день Роуз повез в Найлс полицейского-новичка Гэри Кино, познакомил его со всем и провел через процедуру получения ордера на обыск. Это был первый день возвращения Роуза к исполнению обычных обязанностей после пятимесячного участия в тайной операции по борьбе с наркотиками, проводимой несколькими ведомствами. Многие считали Роуза крутым, хотя на самом деле он был хладнокровен, компетентен и внимателен. Сын полицейского, он был безоговорочно предан правоохранительным органам.

– Рэй, езжай на Брэнтвуд, 55, прямо сейчас, – Рэя Роуза вызывал по рации заместитель начальника полиции Уильям Конке.

– Понял, – ответил Роуз. – Что происходит?

– Просто езжай, – оборвав его, повторил Конке.

Роуз добрался за семь минут. На месте уже были три патрульные машины. Квидера и Макулитис стояли между своими машинами и проезжей частью. У крыльца был заместитель начальника полиции Конке с лейтенантом Фредом Энгельбрехтом, командиром смены, и еще один следователь в штатском, Джон Ландерс. Подъехал репортер из «Элк-Гроув геральд», начали собираться соседи.

– У нас внутри мертвые мужчина и женщина. Рэй, ты за главного, – сказал Конке. – Патрульные говорят, что картина жуткая. Повсюду кровь. Там был маленький пудель, мы его вытащили.

– Хорошо. Готовы войти? – спросил Роуз.

– Да.

Ничего похожего Рэю Роузу и Джону Ландерсу никогда прежде видеть не доводилось. Это была картина кровавой бойни.

Лежащее на спине в гостиной на верхнем, основном, уровне дома тело мужчины впоследствии было опознано как Фрэнк Коломбо. Тело в клетчатых слаксах, белой футболке и носках, без обуви. Футболка сверху и внизу справа пропитана уже разлагающейся кровью. Кровь также покрывает лицо мужчины. Раны на виду: две почти черные полосы поперек горла и

несколько глубоких рваных ран прямоугольной формы, проникающих в череп на пять сантиметров или глубже. Вокруг тела множество осколков стекла. Часть стекол зеленая, часть прозрачная. Рядом лежит абажур, расколотый и окровавленный.

Лампы к абажуру нет.

Пока они искали газами лампу, они обнаружили на пропитанном кровью ковре кое-что еще, четыре человеческих зуба, и на потолке брызги крови в виде двух пятен, что указывает на отдельные взмахи окровавленным оружием, которым Фрэнк Коломбо били по голове. На стеклянном журнальном столике на нижней стороне стекла брызг, летевших со стороны пола, было больше, то есть раненого и беспомощно упавшего на пол Коломбо добивали.

В убитой женщине в коридоре опознали Мэри Коломбо, жену Фрэнка. Она лежала перед открытыми дверями ванной комнаты, и по всей ее шее, ниже залитого запекшейся кровью лица шла резаная рана шириной около трех сантиметров. В центре окровавленной маски было аккуратное круглое отверстие в том месте, где ей выстрелили между глаз. Похоже, ее голову, как и голову ее мужа, разбили тупым предметом прямоугольной формы. Белая ночная рубашка и красный халат были задраны до талии, белые трусы спущены ниже колен.

Роуз заметил на ее левой руке большое кольцо с бриллиантом. «Не грабеж, – подумал он. – Во всяком случае, не слишком умелый».

В ванной была вторая дверь, ведущая в спальню, там они обнаружили источник подозрительного приглушенного жужжания: радиочасы рядом с кроватью. Будильник установлен на девять часов без указания утра или вечера. Роуз осторожно его выключил одним пальцем.

Пошли дальше по дому. Кровью перепачканы несколько стен и одна дверь с обеих сторон. На участке лестницы, ведущей в подвал, Роуз заметил пустой прозрачный пластиковый футляр с откидной крышкой, явно предназначенный для ножниц. В другом месте на полу валяется белая кожаная сумочка с разбросанным содержимым. У телефона на кухне снята трубка, что странно, поскольку в тот день полицейский Джо Джулиано трижды звонил по этому номеру сообщить Фрэнку Коломбо об обнаружении его «Тандерберда», номер не отвечал. При снятой трубке были бы слышны короткие гудки.

Рядом с телефоном раскрытая личная телефонная книга. На полу небольшая куча мусора. В чулане под лестницей обнаружили большой стеновой сейф, надежно запертый и, похоже, не взломанный. На том же уровне некоторые ящики открыты, их содержимое – принадлежности для шитья – разбросано. На одной из трех полок с трофеями по боулингу и другим видам спорта в пыли темнеет прямоугольник, указывая на то, что отсюда что-то взяли. По столешнице комода разбросаны разрозненные украшения. На полу валяются подушки со стульев, на одном стуле кровь. В одной из ванн лежит номер газеты «Элк-Гроув геральд» за вторник, 4 мая, – трехдневной давности.

Наконец двое полицейских добрались до последней спальни в доме, на верхнем этаже. Еще тело, мальчик-подросток, в итоге его опознали как тринадцатилетнего Майкла Коломбо. Белая футболка, синие спортивные штаны, босой. Голова, как и у двух других жертв, в запекшейся крови. Рядом с телом приз по боулингу: серебряная фигурка на мраморном пьедестале. Фигурка была согнута, пьедестал в крови. Роуз и Ландерс еще раз молча обменялись взглядами: тупой предмет прямоугольной формы найден. Тело лежало на спине, но по пятну крови примерно в полуметре от головы было ясно, что первоначально мальчик лежал лицом вниз и был перевернут, на одном предплечье кровавый отпечаток ладони, сильно размазанный, очевидно, оставленный при переворачивании. На груди мертвого мальчика много мелких порезов, разрезов и колотых ран. Роуз поджал губы и беззвучно присвистнул:

– Сколько их, по-твоему?

Ландерс неуверенно покачал головой:

– Много. Двадцать пять, может, тридцать.

Полицейский ошибся почти в два раза, они еще не видели спину мальчика.

Продолжили осмотр комнаты. Рядом с головой подростка футляр для ключей с двумя вытасченными ключами. На металлической дверце шкафа небольшое углубление, похожее на вмятину от рикошета пули, – если все верно, пуля, скорее всего, где-то в высоком ворсе покрывавшего комнату ковра. На столе швейные ножницы золотистого цвета, окровавленные.

Роуз и Ландерс последний раз обменялись взглядами, понятными только полицейским. Оба были чертовски рады, что им не надо больше осматривать никаких комнат на Брэнтвуд, 55...

Вернувшись на крыльцо, Роуз старался говорить как можно тише, докладывая ситуацию заместителю начальника полиции Конке:

– У нас три тела, Билл. Мужчина, женщина и мальчик-подросток.

Но собравшиеся на примыкавшей подъездной аллее соседи его услышали. Это был шок. Одна женщина в страхе закусил губу:

– Боже мой. Кто сообщит Патти?

Люди качали головами:

– Вся семья...

На крыльце Рэй Роуз повернулся проинструктировать еще двух идущих в дом кровавой бойни сотрудников: Кристофера Маркуссена и Роберта Сальваторе.

– Осторожнее с кровью на ковре, есть места, где она пропитала его до основания, а из-за слабого освещения ее трудно увидеть, – предупредил Роуз криминалистов. Кристофер Маркуссен и Роберт Сальваторе были опытными криминалистами Департамента полиции Элкс-Гроув. Маркуссен проработал на местах преступлений тринадцать лет, Сальваторе – девять, и им предстояло сейчас войти в дом.

– Кроме того, нужно обратить внимание на четыре зуба: два у верха лестницы, а еще два ближе к телу мужчины, – продолжил Роуз. – И осторожнее с разбитым стеклом по всей гостиной и прихожей...

Рэй Роуз понимал, что на самом деле этим людям, профессионалам высочайшего уровня, инструктаж не требуется. Но сегодня вечером он был крайне осторожен по двум причинам.

Во-первых, из-за простых слов заместителя начальника полиции Билла Конке, сказанных Роузу сразу по приезде на Брэнтвуд, 55: «Рэй, ты – за главного». Во-вторых, лежавший в доме зарезанный мальчик был примерно того же возраста и с таким же юношеским лицом, что и его сын.

Рэй Роуз сегодня был очень осторожен, потому что это было дело, которое он очень хотел раскрыть.

Маркуссен и Сальваторе вошли в дом, и началась крайне напряженная пятичасовая работа по сбору улик на месте убийства.

В первую очередь были собраны самые важные вещественные доказательства. Мраморно-металлический приз за боулинг, найденный рядом с телом Майкла Коломбо в его комнате, хоть и был погнут, остался целым, не считая небольшого скола у края пьедестала; кровь была на подставке, а также на металлической фигурке игрока в боулинг.

– Кто-то это использовал, – сказал Маркуссен.

Сальваторе осторожно взял со стола позолоченные ножницы. Помимо того, что они были испачканы засохшей кровью, их деформировали. Острия двух режущих лезвий, которые должны сходиться, оказались сильно разведены, вместо схождения в одной точке два острия расходились на расстояние примерно полсантиметра друг от друга. Из-за этого дефекта отверстия для пальцев немного перекрещивались.

– Думаю, ими и порезали этого ребенка, – отметил Сальваторе.

На голове Майкла было два очень отчетливых огнестрельных ранения: одно слева от левого глаза, другое – на правом виске. В крови вокруг первого виднелись небольшие следы черного пороха.

– Я думаю, где-то здесь должна быть пуля, – сказал Маркуссен. – Мне кажется, что пуля вошла с одной стороны головы и вышла с другой.

На металлической раздвижной дверце шкафа они обнаружили ту же вмятину от рикошета, которую несколькими минутами ранее заметили Роуз и Ландерс.

– Ага, – сказал Сальваторе, – когда в парня стреляли, он стоял. Пуля вышла из его головы с правой стороны, попала в двери и срикошетила.

Они встали на четвереньки и начали пальцами прощупывать ковер, как два пекаря, замешивающих тесто. Несколько минут спустя Маркуссен выпрямился.

– Есть.

Осторожно передвигаясь по месту убийства, полицейские приступили к кропотливому сбору как открытых (видимых), так и скрытых (невидимых) отпечатков пальцев. Один отпечаток был на лестничных перилах, еще один – на дверном косяке, частичный отпечаток ладони обнаружился в подсобке, а еще – на телефонной трубке. Потом взялись за сбор образцов крови: с многочисленных мест ковра, с подушек стульев, с трех участков обоев, из кухонного линолеума они вырезали тридцатипятисантиметровый квадрат. На некоторых из изъятых ими предметов никакой крови не было, но они, возможно, были значимы для преступления в других отношениях: например, рецептурные лекарства из аптечки, включая четыре таблетки малеина, сорок шесть таблеток перматина и неопределенное количество валиума, по паре черных шерстяных и кожаных перчаток, которые мог оставить убийца, и черный кожаный футляр для ключей с дюжиной ключей, который почему-то лежал у головы мертвого подростка. Почему?

Маркуссен терпеливо собирал множество осколков битого стекла вокруг тел Фрэнка и Мэри Коломбо, а Сальваторе начал перепроверять и составлять список уже почти сотни вещей.

Было почти десять часов вечера, шел пятый час их работы. Им обоим казалось, что они провели в доме неделю.

Снаружи Джон Ландерс доложил стоящему на крыльце Рэю Роузу:

– Помимо найденного в городе «Тандерберда», пропал еще один семейный автомобиль Коломбо – «Олдс» девяносто восьмой серии, черный винил, зеленый верх, четырехдверный.

– Выпустите об этом бюллетень, – сказал Роуз.

Крис Маркуссен и Боб Сальваторе вышли из дома.

– Закончили? – спросил Роуз.

– Готово, – подтвердил Маркуссен.

– Это худшее из того, что я когда-либо видел, – сказал Сальваторе.

На лужайке возле крыльца заместитель начальника полиции Билл Конке давал интервью средствам массовой информации.

– Это очень жестокое, странное, бессмысленное убийство, – сказал он позже. – У него нет ни смысла, ни причины.

– Вы знаете, сколько было убийц? – спросил один репортер.

– Это была какая-то банда? – одновременно спросил другой.

– Злоумышленников должно было быть как минимум двое, – ответил Конке. – Было сильнейшее сопротивление, на руках много ран, это указывает на то, что жертвы пытались защититься.

– Женщину изнасиловали?

– Похоже, да.

Из местного похоронного бюро прибыли два катафалка, и к дому подошли служители с мешками для трупов. Крис Маркуссен и Боб Сальваторе переглянулись. Одному из них следовало вернуться в дом, на место бойни, и наблюдать за вывозом тел.

– Я пойду, – сказал наконец Сальваторе.

На верхнем уровне дома рядом с Майклом Коломбо разложили один из мешков для трупов – прорезиненный, с застежкой на всю длину, водонепроницаемый и защищающий от запаха. Когда служители собирались взять мертвого мальчика, Сальваторе внезапно сказал:

– Подождите минутку!

Он встал на колени и внимательно посмотрел на тело. Опытный глаз криминалиста что-то увидел, когда тело уже лежало на спине. В одном из пятен крови на ткани футболки, примерно посередине туловища был единственный волос. Волос Майкла? Скорее всего. Но также, возможно, волос с головы убийцы.

Сальваторе очень осторожно закатал футболку до подмышек мертвого мальчика, сохранив волос внутри свернутой части одежды.

Когда мешок с телом Майкла несли к катафалку, Сальваторе сказал Рэю Роузу:

– Мне придется поехать с ребенком. На его теле волос, и я не хочу *порвать цепочку доказательств*.

Роуз кивнул в знак согласия. Сальваторе имел в виду юридическую цепочку доказательств, которая потребуется, если ему когда-нибудь придется свидетельствовать об обнаружении волоса в суде. Он должен физически сопровождать эту прядь волос, пока ее не снимут с тела и не зарегистрируют как вещественное доказательство. Если Роберт Сальваторе хотя бы на мгновение упустит мешок с трупом из виду, цепочка доказательств будет прервана, и он не сможет поклясться под присягой, что представленный в суде в качестве доказательства волос – это *тот же самый* волос, который он впервые увидел на месте преступления. Правило, касающееся цепочки доказательств, было очень конкретным, а закон очень строгим.

Пока Сальваторе шел с трупом Майкла, Крис Маркуссен наблюдал за выносом тел Фрэнка и Мэри Коломбо. Мэри положили в катафалк вместе с мертвым сыном, тело Фрэнка поместили во второй катафалк.

– Ты едешь с телом этого мужчины, – сказал Рэй Роуз Ландерсу. – Увидимся в больнице.

Два катафалка с тремя убитыми членами семьи Коломбо уехали с Брэнтвуд, 55 незадолго до 23:00. Десять минут спустя они уже сворачивали на подъездную аллею отделения неотложной помощи Медицинского центра Алексанского братства, пятиэтажной больницы из красного кирпича, обслуживающей западные пригороды Чикаго.

Дежурный врач отделения неотложной помощи один за другим расстегнул резиновые мешки для трупов и одну за другой осмотрел трех жертв убийства на предмет признаков жизни. Тем временем к Рэю Роузу подошел крупный седой римско-католический священник падре Уорд Моррисон.

– Добрый вечер, Рэй, – сказал он.

– Здравствуйте, падре, – сказал Роуз. – Коломбо были вашими прихожанами в церкви Королевы Святого Розария?

– Да, – сказал отец Моррисон печально. – Рэй, что с ними теперь будет?

– Их отвезут в окружной морг, падре, – почти виновато ответил Роуз. – На вскрытие.

– Понимаю. – Падре Моррисон посмотрел на два катафалка с открытыми дверями. – Вы не будете возражать против того, чтобы я здесь провел над ними последний обряд? Я бы хотел провести его до того, как тела подвергнут дальнейшему осквернению при вскрытии.

– Разумеется, падре, – сказал Роуз. – Пожалуйста, приступайте.

Когда врач отделения неотложной помощи закончил официальную констатацию смерти каждой жертвы, священник совершил соборование: из маленькой бутылочки святой воды он

помазал каждое тело и произнес краткую молитву о спасении души усопшего. Когда и доктор, и священник закончили, а Фрэнк, Мэри и Майкл Коломбо были официально признаны мертвыми и духовно спасенными, двери двух катафалков снова закрыли и задействованные для сопровождения полицейские отправились в последнюю поездку с потерпевшими. Они ехали в город, в Чикаго, в Институт судебной медицины Фишбейна, более известный как морг округа Кук.

Ехать было пятнадцать миль. Так Фрэнк Коломбо оказался примерно в двенадцати городских кварталах от своего бордового «Тандерберда» 1972 года выпуска, все еще припаркованного в 100-м квартале Саут-Уиппл-стрит. Поскольку теперь выяснилось, что машина принадлежала жертве убийства, четверо чикагских полицейских, находившихся в разных местах квартала, держали ее под пристальным наблюдением на случай, если кто-то вернется, чтобы узнать, не нашли ли ее.

По иронии судьбы убийца Фрэнка Коломбо даже не знал, что машина находилась там.

2

Май 1976 года

Плачущая, дрожащая Патти Коломбо сидела в комнате для допросов в Департаменте полиции Элк-Гроув и честно пыталась помочь следствию.

– Мисс Коломбо, где работал ваш отец?

– На складе снабжения «Вестерн Ауто» в Чикаго. Это 47-я Вест-стрит, 525, – попыталась улыбнуться она. – Когда я была маленькой девочкой, он иногда брал меня с собой на работу, и дамы в офисе делали вид, что позволяют мне им помогать.

Офицер откашлялся.

– Мать работала?

Патти отрицательно помотала головой.

– Нет, она никогда не работала. Папа ей не позволял.

– Сколько лет было Майклу?

– В прошлом месяце исполнилось тринадцать.

– Можете ли вы рассказать мне о каких-либо ценностях, которые хранились в доме?

Она снова помотала головой.

– Я не знаю. Я не жила дома больше года. Я знаю, что у матери было несколько бриллиантовых колец и несколько пар бриллиантовых серег. И у нее был палантин из меха чернобурки.

– Ваш отец хранил в доме большие суммы денег?

– Не думаю. Если он и хранил, то никогда об этом не говорил. Думаю, все деньги были в его сейфе. Он находится в чулане внизу, в самом конце коридора.

– Да, мы знаем. У вас есть код?

– Нет.

– Тогда нам придется его взломать. В доме было какое-то оружие?

Патти пожала плечами.

– Только духовое ружье Майкла – это все, о чем я знаю.

– Когда вы в последний раз разговаривали с родителями?

– Или в понедельник, или во вторник, я точно не помню. Папа мне позвонил, чтобы обсудить мои свадебные планы. Какое-то время мы были в ссоре, он не одобрял моего парня, потому что тот раньше был женат. Мой папа... – у нее сорвался голос, но она, запинаясь, продолжила: – Я имею в виду, что отец *был* воистину старомодных взглядов, понимаете, а я его единственная дочь. Но в конце концов он смягчился и принял моего парня, и он и мама действительно с нетерпением ждали свадьбы.

Прежде чем следователь смог сформулировать новый вопрос, Патти спросила:

– Могу я рассказать вам о получаемых мною дурацких звонках?

– Что за дурацкие звонки?

Это было интересно.

– Это продолжается уже две или три недели. Я беру трубку, и какой-то парень спрашивает: «Это Пат?» Потом он начинает тяжело дышать, как будто задыхается. Я об этом особо не думала, но теперь, после того... что произошло...

– Мисс Коломбо, звонки могут быть связаны, а могут и не быть связаны с тем, что случилось с вашей семьей, но мы можем установить прослушивание вашего телефона, чтобы узнать, кто звонит.

– Да, пожалуйста, я бы хотела, чтобы вы установили прослушивание. А вы можете мне сказать, когда собираетесь взламывать отцовский сейф?

– Зачем? Мисс Коломбо, вас что-то особенно интересует?

– Я думаю, там есть письмо, где сказано, какие похороны они хотели бы организовать. Мой дядя Марио, брат моего отца, пытается взять все на себя, но я думаю, что в письме сказано, что организовывать должна я.

Полицейский снова откашлялся.

– Мисс Коломбо, если мы найдем такое письмо, мы сразу же позаботимся о том, чтобы вы его получили.

После допроса в полиции Патти дала интервью репортерам чикагских и пригородных газет. На вопрос, есть ли у нее лично какие-то подозрения относительно убийства ее семьи, она покачала головой:

– Я не знаю. Единственное, о чем я могу подумать, что тот или те, кто это сделал, явно были под действием наркотиков или чего-то в этом роде. Или это очень больные люди.

– Мисс Коломбо, полиция изъяла из дома вашей семьи личную телефонную книжку, и там несколько имен, которые могут быть фигурами чикагского преступного мира. Вам что-нибудь известно о связях вашего отца с преступным миром?

– Нет, – твердо заявила Патти, – и это самое ужасное, что можно было бы сказать о моем отце. Он был настолько честен, что даже не лгал.

– Мисс Коломбо, вы боитесь за свою жизнь?

– Да, я поменяла дверные замки. И сейчас у меня в квартире большая немецкая овчарка.

Из ее слов выходило, будто собаку она купила только что, но на самом деле еще шесть месяцев назад.

Расспрашивая стройную ладную девятнадцатилетнюю девушку с дерзким детским личиком, безупречной фигурой и копной волос Фарры Фосетт, даже привычные к насилию и жестокости криминальные репортеры понимали, что этой молодой леди очень повезло...

В то утро один из газетных заголовков гласил:

УБИЙЦЫ ПЫТАЛИ ЖЕРТВ

Насколько ужаснее звучал бы этот заголовок, стань эта симпатичная молодая женщина четвертой жертвой.

* * *

Доктор Роберт Штайн уже двадцать лет имел лицензию на медицинскую практику в штате Иллинойс и обладал впечатляющими регалиями: бакалавр биологии, магистр патологической анатомии, доктор медицины. Сейчас он работал главой судебно-медицинской экспертизы округа Кук. Он собирался провести свое сотое судебно-медицинское вскрытие за 1976 год. Всего он провел более тысячи патологоанатомических операций.

В морге на Харрисон-стрит доктор Штайн припарковался на своем постоянном месте и быстрым шагом, даже не заходя в кабинет, направился прямо в раздевалку внизу и переоделся в хирургический халат. В зале для вскрытия его ждал следователь Роберт Сальваторе из полицейского управления Элк-Гроув-Виллидж. Сальваторе уже приходил в морг из-за убийств Коломбо, рано утром в субботу он сопровождал туда тело Майкла, и прежде чем жертву полностью разделить для фотографирования, лично снял с Майкла футболку, стараясь сохранить замеченный им на месте преступления единственный волос. Свернутую футболку Сальваторе запечатал в коричневый бумажный пакет для улик и пометил для последующей идентификации.

– Доброе утро, джентльмены, – сказал, войдя в операционную, доктор Штайн.

– Сэр, – обратился он к Сальваторе, – вам нужно что-то особенное?

– Да, доктор. Если возможно, содержимое желудка, – ответил Сальваторе. – Нам нужно знать, что они ели в последний раз. Мы пытаемся определить, когда они были убиты.

– Хорошо! – Доктор Штайн повернулся к ассистентам. – Продолжим. Пожалуйста, включите микрофон.

Штайн подошел к операционному столу, ассистент снял покров с трупa мужчины; на большом пальце ноги висела бирка.

«Дело номер сто. Тело опознано как Фрэнк Питер Коломбо, мужчина европеоидной расы ростом 180 сантиметров и весом 82 с половиной килограмма. Волосы темно-каштановые, легкое облысение, глаза карие. Имеются явные признаки разложения, раннего гниения и отслоения кожи. Признаки значительного газообразования в теле. Заметный отек полового члена и мошонки. При внешнем осмотре обнаруживаются явные следы насилия, характеризующиеся рваными ранами, пулевыми ранениями и резаными ранами», – говорил врач под запись. Врач сообщил также, что эти раны имелись вокруг и поперек горла. Все рваные раны находились на макушке, сбоку и спереди головы и были нанесены ударом тупого предмета. Кроме того, Штайн обнаружил на левой стороне шеи ряд округлых коричневых пятен, напоминающих ожоги, возможно, от зажженной сигареты.

Далее доктор Штайн приступил к вскрытию черепа.

«Есть четыре входных пулевых ранения и ни одного выходного ранения, – продолжал он. – Пуля номер один вошла в голову с правой стороны лица и извлекается из клиновидной кости, средней кости черепа. Пуля номер два вошла в рот и извлекается из синуса. В верхней и нижней деснах отсутствуют несколько зубов. Пуля номер три вошла в левую часть лица и извлекается непосредственно из-под левой скулы, которая сломана. Эта пуля деформирована. Пуля номер четыре вошла в заднюю часть левого уха и извлекается из височной кости. Эта пуля не вошла в череп. Обследование головного мозга не выявило опухолей или других повреждений, кроме полученных от пуль».

Вскрыв туловище, доктор Штайн осмотрел легкие и сердце, затем органы брюшной полости: печень, желчный пузырь, поджелудочную железу. Из желудочно-кишечного тракта он удалил 250 кубических сантиметров частиц мяса, зеленых овощей и фрагментов картофеля, смешанных с жидкостями организма.

Мясо, зеленые овощи, картофель: это была последняя трапеза Фрэнка Коломбо.

«Идеально», – подумал Роберт Сальваторе, услышав эти данные. За тридцать два часа с тех пор, как тела были доставлены в морг, Рэй Роуз и его следственная группа узнали у тринадцатилетнего друга Майкла Коломбо по имени Гленн Миллер, жившего по соседству с убитой семьей на Брэнтвуд, 53, что во вторник вечером, 4 мая, Коломбо обедали в ресторане «Эраунд зе Клок» в Арлингтон-Хайтс. Мальчишка Миллер видел, как семья ехала из ресторана домой. А официантка в ресторане, Джуди Димартино, вспомнила, как подавала им фаршированный перец, а Фрэнк и Майкл также ели печеный картофель. Если в желудках у Мэри и Майкла окажется то же самое, то вторичный обед был их последней трапезой.

На этом этапе доктор Штайн контролировал забор образцов волос и крови, а также соскобы подногтевого содержимого и взятие мазков из полости рта и прямой кишки.

– Причиной смерти Фрэнка Питера Коломбо, дело номер сто, – заключил, завершая вскрытие, доктор Штайн, – явилось одно или несколько пулевых ранений в голову.

Население Элк-Гроув-Виллидж, в особенности района, находившегося в непосредственной близости от дома 55 на Брэнтвуд, где были совершены убийства, пребывало в состоянии страха, граничащего с ужасом. Насилие, от которого (как казалось большинству жителей пригородов в первом поколении) им удалось бежать, оставив центр города, вдруг шокирующим образом возникло из ниоткуда и обрушилось на их тихий маленький городок, как дуновение из преисподней. Спокойный и живущий полной жизнью Элк-Гроув замер, на смену привычной размеренности пришли поспешность и настороженность. Внимательнее присматривали за детьми, проверяли и перепроверяли дверные замки.

В средней школе Лайвли с одноклассниками Майкла Коломбо работали консультанты Центра психического здоровья, они пытались помочь подросткам преодолеть вызванные убийствами горе и чувство незащитности, а также страх, что то же самое может случиться с ними и их семьями. Многие школьники плохо спали с тех пор, как узнали о гибели Майкла.

Репортеры заходили в маленьком пригороде связи. Ни одно сообщение, ни одна теория или слух не проходили незамеченными. Гипотеза о «вторжении в дом грабителей», изложенная заместителем начальника полиции Элк-Гроув Уильямом Конке, оставалась самой популярной. Три или четыре грабителя проникли в дом, отжав задние двери от косяка или взломав замок боковых дверей. Конке пришел к выводу, что Фрэнк Коломбо уже собирался спать, когда услышал внизу шум и спустился посмотреть, что случилось. Там его побороли, изрезали и искололи, ударили чем-то тяжелым по голове и застрелили. Затем изнасиловали и убили его жену. Сына-подростка убили в его спальне, избавляясь от свидетеля.

Говорили, что в семейном «Линкольне Континенталь» полиция нашла несколько отпечатков пальцев, предположительно оставленных убийцами. Еще говорили, что тело Фрэнка Коломбо обнаружили благодаря звонку в полицию коллег из-за его отсутствия на работе без уважительной причины. Заместитель начальника полиции Конке полагал, что преступление началось как ограбление, а затем, когда на грабителей действовали наркотики, переросло в серию убийств.

Все эти теории не выдерживали критики. Неверны были даже марка и модель машины.

Пока Элк-Гроув полнился слухами о вторжении в дом грабителей, постепенно обретала жизнь и другая теория. Следователи заинтересовались несколькими фамилиями в семейной телефонной книжке – такими как де Стефано, де Бартоли и другими, в прошлом связанными с чикагской организованной преступностью, – и теперь начали внимательно изучать финансовые интересы Фрэнка Коломбо как «теневого партнера» в двух чикагских компаниях, выполнявших значительный объем контрактных работ для прямого работодателя Коломбо, «Вестерн Ауто».

Когда обнаружился интерес Коломбо в этих двух фирмах, заместитель начальника Конке допустил, что «может существовать связь» между теневыми коммерческими сделками и убийствами. Он указал, что, согласно документам из вскрытого полицией сейфа Коломбо, сумма могла составлять до семидесяти тысяч долларов. Копии налоговых отчетов также показали, что Коломбо не сообщил о получаемых от этих фирм деньгах. Конке, проявив редкую сдержанность, отказался назвать эти две компании, однако сказал, что прокуратура штата готовит запрос о представлении суду их финансовых отчетов и вызове в суд их сотрудников.

Новая теория заместителя начальника полиции, основанная на этой последней информации, заключалась в том, что три или четыре злоумышленника проникли в дом, активировав автоматические двери гаража, а затем взломали замок на дверях, соединяющих гараж с гостиной первого этажа. Теперь считалось, что Фрэнка Коломбо пытали, чтобы заставить открыть сейф.

Конке сказал, что его ведомство составило список подозреваемых по этому делу.

В списке значилось девятнадцать фамилий. Ни одна из них обнародована не была.

В зале вскрытия морга доктор Роберт Штайн повернулся ко второму операционному столу.

«Дело номер сто один, – начал он говорить под запись, – опознанная как Мэри Коломбо, женщина европеоидной расы, ростом 167 сантиметров и весом 62 килограмма. Волосы искусственно осветлены, корни темно-каштановые, глаза зеленые». И снова он начал отчет о стадиях разложения: «Дальнейший внешний осмотр указывает на следы насилия, характеризующиеся рваной раной головы, нанесенной ударами тупым предметом, и входным пулевым ранением

на переносице между глазами, резаной раной на шее, нанесенной острым предметом. Резанные раны поверхностные, перерезают только кровеносные сосуды».

Прежде чем вскрыть череп, чтобы извлечь пулю, доктор Штайн с помощью мощного офтальмоскопа глубоко заглянул в каждый глаз: «Чрезвычайно тяжелое кровоизлияние как в правом, так и левом глазу».

Единственная пуля разорвала кровеносные сосуды в голове Мэри Коломбо, ее глаза оказались залиты кровью. Глаза Мэри были широко открыты, зрачки сильно расширены. Мэри Коломбо знала, что с ней произойдет, она видела приближение смерти и смотрела на нее с ужасом.

Добравшись до нижней части туловища Мэри, доктор внимательно осмотрел область промежности и обнаружил до сих пор не высохшую серовато-белую жидкую субстанцию. Он знал о разговорах, что женщину изнасиловали, но тем не менее сказал, что это, похоже, естественные выделения, скорее всего, результат вагинита или другого незначительного вагинального заболевания. Он не обнаружил никаких видимых признаков изнасилования или другого преступления сексуального характера. Кроме того, в ее мочевом пузыре не было мочи.

Оставшаяся часть обследования была ничем не примечательной.

В желудочно-кишечном тракте Мэри Коломбо были обнаружены такие же частицы мяса и зеленых овощей, как и в теле ее мужа. Ломтиков картошки не было. Официантка Джуди Димартино действительно обслуживала семью во вторник вечером.

Перенесенная Мэри Коломбо хирургическая операция по восстановлению толстой кишки в протоколе вскрытия не упоминалась. Данные о состоянии здоровья жертвы убийства значения не имеют.

То, что Мэри Коломбо пережила рак толстой кишки, а затем была убита, могло стать сильным аргументом против обвинения ее убийцы, равно как окажется у нее опухоль мозга и ожидай ее *так или иначе* смерть через шесть месяцев, присяжные могли бы использовать этот факт для смягчения вины обвиняемого. Следовательно, подобные сведения не являются *допустимыми доказательствами*.

– Причиной смерти, – заключил доктор Штайн, – стало единственное пулевое ранение в голову.

Были взяты образцы крови и волос, соскобы подногтевого содержимого, а также по запросу полицейского управления Элк-Гроув-Виллидж мазки из полости рта, прямой кишки и влагалища.

Воскресное утро почти закончилось. Двое есть, оставался еще один.

Две загадочные компании, где Фрэнк Коломбо якобы состоял теневым партнером, опознали как местную автотранспортную фирму, по контракту оказывающую услуги по доставке для «Вестерн Ауто», работодателя Коломбо, и фирму, поденно предоставлявшую для «Вестерн Ауто» грузчиков. Когда комиссия готовилась изучить конфликт интересов Коломбо, исполнительное руководство «Вестерн Ауто» проголосовало за вознаграждение в пять тысяч долларов за информацию, которая приведет к аресту и осуждению убийц семьи.

На следующий день после обнаружения тел в полицию Элк-Гроув позвонила Патти Коломбо. Она говорила с сержантом Роном Иденом.

– Я только что разговаривала с тетей, – сказала Патти, – с сестрой моей мамы. Она мне кое-что сказала, я не знаю, интересно вам это или нет...

– Что это, мисс Коломбо? – спросил Иден.

– Ну, вы же знаете, что мой отец и мой брат были настоящими фанатами-радиолюбителями. У них по всему дому стояли радиоприемники и радиопередатчики гражданского диапазона, они были членами клуба радиолюбителей в Элк-Гроув. Тетя сказала, что ей кажется, что во всем этом мог быть замешан кто-то из радиолюбителей, потому что недавно папа пристру-

нил кого-то в клубе, тот создавал проблемы. Я сама ничего об этом не знаю, а тетя подумала, что вам следует об этом знать.

– Непременно следует, мисс Коломбо, – заверил ее Иден. – Все подобное мы хотим знать, мы хотим знать вообще все. Иногда то, что кажется очень незначительным, становится главной зацепкой.

– Хорошо. Я не знала, стоит ли вас беспокоить...

– Пожалуйста, звоните нам в любое время, – ответил Иден, – и сообщайте любую информацию, которую сочтете важной. Мы ценим помощь.

Это была интересная версия. Рэй Роуз и его группа следователей знали, что через два дня после обнаружения тел мужчина-афроамериканец продал на рынке под открытым небом на Максвелл-стрит в Чикаго дорогую радиостанцию гражданского диапазона, пропавшую из дома, где были совершены убийства. Покупатель передал рацию властям после того, как обнаружил выгравированную на внутренней стороне фамилию «Коломбо».

Это событие добавило в дело еще один аспект: банды *черных* грабителей. В то время в Чикаго действовали две печально известные банды молодых чернокожих преступников: банда Майрика – Уильямса и банда Гилмора. Первой руководили Джон Майрик и Энтони Уильямс, обоих в то время разыскивали за убийство, их банда была известна нанесением ударов ножами. Другая банда, Гилмора, состояла из пяти молодых людей, родившихся между 1949 и 1956 годами, они специализировались на взломах и ограблениях домов в зажиточных белых кварталах. Были и другие, более слабые, банды, например, «Роялс», именно на ее «территории» нашли брошенный «Тандерберд» Фрэнка Коломбо.

На следующий день Патти Коломбо снова позвонила сержанту Идену.

– Добрый день. Я только что снова говорила с тетей, и она рассказала мне еще кое-что. Она сказала, что ее двоюродный брат Микки Данкл звонил моей маме и разговаривал с ней утром в прошлую среду.

– Да? – Иден знал, что в настоящее время существует единое мнение, что семья была убита во вторник вечером. Утренняя газета среды продолжала лежать на крыльце, а дневная почта среды – в почтовом ящике.

– Он уверен насчет дня? – спросил Иден.

– Она говорит, что да. Он зарабатывает на жизнь тем, что забирает и пригоняет школьные автобусы, и в среду утром он был на чикагском автовокзале «Грейхаунд» и собирался где-то забрать автобус. Он позвонил моей маме около шести часов утра.

Патти сказала, что мать, по словам Данкла, говорила «спокойно и нормально». Затем она заговорила о том, что тетя очень тяжело переживает изнасилование и убийство сестры, и попросила полицию не звонить ей и не приезжать к ней без крайней необходимости.

– Если у вас есть к ней какие-либо вопросы, – предложила Патти, – вы можете спросить меня, и я спрошу ее за вас.

– Мы ценим вашу помощь, – сказал сержант Иден.

После обнаружения тел прессе было предоставлено столько ошибочной и противоречивой информации, что начальник полиции Элк-Гроув Гарри Дженкинс в конце концов отдал всем, включая своего заместителя Билла Конке, приказ о запрете на разглашение. Официально назначенного на должность почти одновременно с убийствами Конке обвинили в предоставлении дезинформации, и пресса почувствовала себя обиженной. Дженкинс плотно прикрутил вентиль на выпуск связанной с этим делом информации и выпустил покаянное заявление, в котором в том числе сказал: «Средствам массовой информации – пусть и из лучших побуждений – предоставили слишком много ошибочной, чисто умозрительной и неверной во многих отношениях информации». Далее говорилось о том, что уже установил доктор Роберт Штайн: нет доказательств, что Мэри Коломбо подверглась сексуализированному насилию.

Несмотря на всю эту неразбериху и суматоху, ответственный за дело следователь Рэй Роуз упорно продвигал свою команду вперед в расследовании, которое уже исключило и одурманенных наркотиками вламывающихся в дома грабителей, и наемных убийц мафии, и банды чернокожих молодых грабителей и неуклонно приближалось к настоящим убийцам семьи Коломбо. У команды уже насчитывалось более трехсот часов преимущественно бесплатной переработки, а расследование сосредоточилось теперь на двух мужчинах, которых никто – вплоть до обладающего безграничной фантазией заместителя начальника полиции Конке – даже отдаленно не связывал с преступлением.

* * *

В морге доктор Роберт Штайн подошел к столу, на котором лежало тело мальчика.

«Это дело номер сто два, – говорил доктор Штайн под запись, – белый подросток мужского пола ростом 165 сантиметров и весом 43 килограмма, опознанный как Майкл Коломбо. Волосы черные, глаза карие. Тело внешне в состоянии раннего гниения с заметным отслоением кожи и общим разложением. При наружном осмотре обнаружены множественные ушибы и порезы на коже черепа, а также входные и выходные ранения от одной пули. Входное ранение расположено на внешней стороне левого глаза, а выходное ранение – на правой стороне виска. Вокруг входного ранения видна точечная пороховая татуировка».

Точечная пороховая татуировка – это след несгоревшего пороха от выстрела, свидетельствующий о том, что пуля выпущена с очень близкого к лицу Майкла расстояния – от 7 до 25 сантиметров.

Доктор Штайн подошел к торсу мальчика и продолжил: «Я вижу многочисленные проколы на туловище. На правой стороне груди, – он замолчал, подсчитывая про себя, – сорок восемь резаных ран. На спине, на задней стенке грудной клетки, – он снова сделал паузу, подсчитывая, – тридцать шесть ран. Из тридцати шести на спине восемь – глубокие проникающие раны, а остальные двадцать восемь – порезы. Итого, жертве нанесли восемь глубоких ножевых ранений и семьдесят шесть разрезов или порезов. Ран, полученных при сопротивлении, нет».

Полученные при сопротивлении раны, обычно на руках, запястьях и предплечьях, появляются, когда жертва пытается защититься от нападения. К Мэри и Майклу смерть пришла так внезапно, что у них не было возможности защититься, Фрэнк Коломбо умирал очень тяжело, но сразу получив две пули в голову, вероятнее всего, сопротивлялся скорее инстинктивно, чем сознательно.

В желудке Майкла обнаружилось множество мелких частиц мяса, подобных тем, которые нашли в желудках его родителей.

Единственным неожиданным результатом патологоанатомического освидетельствования тела Майкла Коломбо был вес его мозга. Одна медицинская школа придерживается мнения, что чем крупнее мозг человека, тем больше в нем потенциальных нейронных связей, следовательно, у него *большая способность* к умственному развитию. Хотя автоматической корреляции не существует, у многих выдающихся людей мозг был больше обычного. Мозг среднего взрослого мужчины весит 1409 граммов, или чуть меньше 50 унций, и достигает максимального веса к двадцати годам. Мозг Майкла за шесть лет до полного развития уже весил 1540 граммов. Тем не менее, он мог быть всего лишь средним мальчиком-подростком. Но мир никогда этого не узнает.

Причиной смерти Майкла, как и его отца Фрэнка и его матери Мэри, стало пулевое ранение в голову. По требованию полиции Элк-Гроув был взят образец крови, соскобы подногтевого содержимого и мазки из полости рта и ануса.

Пробы волос у Майкла не брали.

– На этом завершается вскрытие по делам номер сто, сто один и сто два, – сказал доктор Штайн. – Выключите, пожалуйста, микрофон.

После ухода доктора Штайна, его ассистентов и следователя Роберта Сальваторе вошли два санитара, чтобы вернуть трупы в холодильник. Один из служителей горестно покачал головой.

– Брат, не хотел бы я быть гробовщиком, которому придется работать над этими тремя.

– Думаю, над ними не потребуется работать, – ответил его товарищ. – Недавно в офис звонили из крематория. Их кремируют.

Первый санитар посмотрел на бирку на пальце ноги Фрэнка Коломбо.

– Но парень, который опознал тела – его зовут Марио Коломбо, он его брат, – сказал, что они были католиками. Я думал, что католиков не кремируют.

Его товарищ пожал плечами.

– Я тоже так думал. Но не этих.

К. Г.

Август 1977 года

В августе 1977 года я вернулся в Чикаго, изучая материал для книги о нескольких поколениях тюремных надзирателей, «смотрителей». Все исследование меня не покидало ощущение дежавю, потому что в детстве я часто прятался от школьных надзирателей в библиотеке. Я рано понял, что школьные надзиратели всегда искали прогульщиков в бильярдных, кинотеатрах, залах игровых автоматов и тому подобное, но никогда – в публичной библиотеке. Ни один уличный пацан в здравом уме не стал бы ошиваться в таком месте со всеми этими книгами. Однако я никогда не утверждал, что я был в здравом уме. И меня ни разу не поймали прогуливающим.

Окопавшись в маленьком отеле на Раш-стрит, я заказал в кафе ужин, открыл газету и увидел знакомое имя: Патрисия Коломбо. Оно стоит под фотографией красивой печальной темноволосой фигуристой женщины в брючном костюме, конвоируемой по коридору, прикованной к кому-то наручниками. Подпись гласит: «Угрюмая Патрисия Коломбо выходит из здания уголовного суда округа Кук после того, как в понедельник, 4 мая 1976 года, судья приговорил ее и ее тридцатидевятилетнего любовника-фармацевта к трем сотням лет тюремного заключения каждого за убийство ее семьи в Элк-Гроув».

Я в полном недоумении уставился на женщину на фотографии. Осуждена за тройное убийство? Любовник на двадцать лет старше?

Это не о ней ли я читал шестнадцать месяцев назад? Не тот ли это самый убитый горем ребенок, на похоронах своей семьи с трудом переходящий от гроба к гробу? Я вспомнил, как тогда мне подумалось: «Тебе повезло, что тебя там не было, малышка».

Теперь я в полном недоумении подумал: похоже, не так уж ей все-таки повезло. И судя по всему, она там была.

Во всяком случае, так решили двенадцать присяжных.

За ужином я прочитал и иллюстрированную фотографией статью.

Патрисия Коломбо и ее любовник-фармацевт Фрэнк Делука были приговорены к тюремному заключению сроком от двухсот до трехсот лет за сами убийства, Патрисия получила еще от двадцати до пятидесяти лет, а Делука от десяти до пятидесяти лет за подстрекательство к совершению убийства.

При вынесении приговора Патрисия стояла, опустив глаза.

– Есть только одно, что я могу сказать, – ответила она на заданный ей вопрос, – и этого суду у меня не отнять. Мой отец, моя мать и мой младший брат знают, что ни той ночью, ни тем утром, ни когда все это случилось, нас в доме не было, и только это имеет значение.

Делука выразился короче:

– Мы с Патриш невиновны. Я буду настаивать на своих показаниях... потому что это правда.

Вынесение приговора проходило в душной зловещей атмосфере, поскольку из-за утренней грозы в здании суда отключилось электричество и не работал кондиционер. Скучный свет проникал сквозь окна на одной стене зала суда, но его было мало, поскольку небо хмурилось, а окна выходили на запад.

Адвокат Патрисии утверждал, что в ходе судебного разбирательства допущена семьдесят одна ошибка, а адвокат Делуки упомянул еще о сорока восьми других, негативно сказавшихся на его клиенте. Судебный процесс ознаменовался неприкрытыми сексуальными намеками, один из которых сделал полицейский, прокомментировавший фото обнаженной Патрисии с ее немецкой овчаркой. Показания свидетелей также указывали на то, что осужденная пара пыталась убедить других совершить убийства, а Патрисия вступала в половую связь с лицами, представлявшимися наемными убийцами.

В тот вечер, прежде чем отложить газету и пойти прогуляться после обеда по старинным улицам, я обратил внимание на показания Фрэнка Делуки о своем алиби, – он утверждал, что в тот день они с Патрисией поехали в Чикаго, в Вест-Сайд, в район Дамен и Чикаго-авеню, где родилась Патрисия. Также он заявил, что когда-то сам жил в Вест-Сайде по адресу: Саут-Олбани-авеню, 608. Обвинение попыталось связать эти показания с одной из машин убитой семьи, «Тандербердом», брошенным на Саут-Уиппл-стрит, 140.

Адреса впились в мою память, как когти орла. Эти районы я знал, как первые морщины у себя на лице. Между тем местом, где родилась Патрисия Коломбо, и местом, где Фрэнк Делука жил в детстве, было тринадцать кварталов с востока на запад и одиннадцать кварталов с севера на юг. Когда я рос, я жил в пяти различных домах в этом районе – размером тринадцать на одиннадцать кварталов – и в разное время ходил в пять разных школ, одной из них была начальная школа Брауна в шести кварталах от дома, где родилась Патрисия Коломбо, другой – начальная школа Кэлхуна, в семи кварталах от того места, где жила семья Делуки, когда Фрэнк был мальчиком.

Разумеется, Патрисию я знать не мог: когда она родилась, я уже вернулся с Корейской войны. Но разница в возрасте между мной и Делукой составляла всего три года. Возможно, наши пути пересекались.

Это меня заинтересовало.

Той жаркой августовской ночью я пошел по Чикаго-авеню на запад. Когда я добрался до Эшленд-авеню, я знал, что уже недалеко. В газете

говорилося, что Патрисия Коломбо родилась на Вест-Огайо-стрит, 1803. В четырех кварталах от меня. Я прошел до Вуд-стрит, на полдороге взял в угловом киоске газету и вошел в ближайшую таверну. Хотя на дверной табличке было написано «только для членов клуба», меня это не беспокоило, я белый, а именно это и имелось в виду.

Бармен был реинкарнацией погибшего восемь лет назад в авиакатастрофе Рокки Марчиано.

– Что у вас есть?

– «Пабст Блю Риббон». Бочковое.

Я положил на стойку деньги.

Прихлебывая пиво, я притворился, будто просматриваю газету, которую уже прочитал. В таверне было еще восемь человек, все сидели возле барной стойки, из них три женщины, славянской наружности, без макияжа, из тех, кто может тягать тяжести наравне с любым мужчиной. Перед одним из мужчин, как и у меня, лежала газета, и он иногда указывал на что-то в ней во время разговора.

Я выпил кружку и заказал еще, а пока бармен наливал, сложил газету и положил ее на стойку фотографией Патрисии Коломбо вверх. Когда бармен принес мне второе пиво, я указал на фото:

– Тут пишут, что эта девушка Коломбо родилась здесь. Я этого не знал.

Он кивнул.

– Да. Семья жила в паре кварталов отсюда. Переехали они восемь или девять лет назад. Я знал отца, которого она убила.

– Без дураков? – я прикинулся, что удивлен.

– О да. Я знал его, его брата Марио, парней, с которыми они тусовались, Фила Капоне, Джо Батталья, Гаса Латини. Они лет десять-двенадцать тут жили.

– Знали ее? – спросил я, коснувшись фотографии Патрисии.

– Не, не особо. Видел изредка в то время. Милая малышка, всегда одетая как подобает: ленты, кружева, всякая такая ерунда. Время от времени я видел ее со стариком на «Ригли Филд». Этот парень был настоящий фанат «Кабс», раньше он порой очень злился на судей. Помню однажды...

О семье Коломбо бармен рассказывал, обслуживая клиентов, в течение часа, и в какой-то момент ко мне с кружкой пива в руке подошла одна из тех женщин-славянок.

– Черт, я помню Патти, как будто это было вчера, – сказала она. – Раньше моя младшая с ней вместе играла, – она хрипло рассмеялась. – Им приходилось играть вместе, они были единственными двумя маленькими девочками в квартале!

Я взял ей пива, и она продолжила говорить, бармен постоянно возвращался с чем-то новеньким, и из их рассказа у меня сложилась хрестоматийная картинка уважаемого итало-американского семейства из рабочего класса с бейсбольным болельщиком отцом и сидевшей дома и заботившейся о детях матерью: одна девочка и один мальчик с разницей в возрасте в шесть лет. Семейства, осуществившего в конце концов американскую мечту и переехавшего в свой дом в пригороде.

– А потом это... – покачав головой, проговорила славянская женщина, которую звали Вера, кивнув в сторону газетного фото Патрисии.

А потом это.

Я вышел из таверны и прошел последние два квартала, желая взглянуть на дом 1803 по Вест-Огайо-стрит, где родилась Патрисия Коломбо. Двухквартирный, в этой части нижнего Вест-Сайда банальный, как вода из-под крана. Он стоял на углу, а через улицу в соседнем квартале находилась начальная школа Тэлкотт, где училась Патрисия; в кондитерскую на углу она ходила тратить четвертаки, которые ей давал папа, когда она была хорошей девочкой. Она играла в этом квартале, как любой другой городской ребенок: в классики на нарисованных мелом квадратах на тротуаре, в камушки на ступеньках парадных, «Мама, можно?». Я сам играл в эти игры, пока не пришла пора Ринголевио³, Бак-Бака⁴ и костяшек.

Какое-то время я смотрел на это двухквартирное здание, и мысли вылетали, точно пули из автомата. Ее зачали в этом доме, когда ее отец Фрэнк и ее мать Мэри страстно обнимали друг друга. В этом доме она была младенцем, ползунком, дошкольницей, первоклассницей, маленькой девочкой, «всегда одетой как подобает: ленты, кружева...».

А потом это. Отец, мать, брат – зверски убиты.

Была ли она пресловутым дурным семенем? Или ее, как и многих других убийц, толкнуло на это непреодолимое отчаяние?

Возможно, никто никогда не узнает. Такое убийство...

Было уже поздно. Я вернулся на Чикаго-авеню и сел на крыльцо, дожидаясь 66-го автобуса, который отвезет меня обратно на Раш-стрит. Мне следовало думать о книге, над которой я работал, но я не мог выбросить из головы Патрисию Коломбо.

Как, думал я, эта симпатичная маленькая девочка с лентами и кружевами росла, что потом зарезала свою семью?

И как стало известно, что это она?

³ Ринголевио – вариант игры, похожей на салочки или «чай-чай-выручай», распространенный на улицах не самых благополучных районов американских городов.

⁴ Бак-Бак (Buck-Buck) – уличная игра, один из ее вариантов – куча-мала.

3 Май 1976 года

В течение семи дней после обнаружения тел старший следователь Рэй Роуз и его люди искали улики и вещественные доказательства по множеству направлений. В ближайшем пригороде обнаружили вторую машину Коломбо, «Олдсмобиль», и принялись досконально ее исследовать, как и найденный в городе «Тандерберд». Они работали день и ночь в поисках даже самых отдаленных зацепок.

Сам Роуз вместе со следователем Эдвардом Кюнелем восстанавливал последние несколько дней жизни Фрэнка Коломбо. В «Вестерн Ауто», где Коломбо руководил работой огромного консолидационного склада, они допросили его заместителя Джека Маккарти, который рассказал, что Коломбо не пришел на работу в понедельник, 3 мая, потому что возил сына Майкла к стоматологу. На следующий день он вернулся на работу, как обычно, за рулем «Тандерберда». Маккарти вспомнил только два случая, когда Фрэнк Коломбо приезжал на работу в семейном «Олдсмобиле». В тот день Коломбо был в хорошем настроении.

– Во вторник я видел его в последний раз, – вспоминал Маккарти. – Он не приходил в среду, пятого числа, или четверг, шестого числа. Но в этом не было ничего необычного, потому что Фрэнк был начальником, он брал выходные, когда хотел. В конце концов, когда он не пришел в пятницу, седьмого, я попытался позвонить ему около половины третьего. В трубке были короткие гудки.

Короткие гудки в половине третьего дня? В тот же самый день, когда полицейский Джо Джулиано трижды звонил и слышал длинные гудки? Телефон Коломбо становится проблемой.

Рассказанное Джеком Маккарти идеально согласуется с другими находящимися в разработке фактами, – все указывает на то, что убийства произошли поздно вечером во вторник, 4 мая.

Роуз спросил, знает ли Маккарти о каких-либо проблемах, которые могли быть у Фрэнка Коломбо, и тот вспомнил, что Коломбо в последнее время казался несколько раздраженным из-за дочери Патти.

– Пару недель назад он сообщил, что она ему сказала, что планирует скоро выйти замуж и хочет большую свадьбу. Но он не считал, что она настроена серьезно. Он сказал, что поверит ей, только когда увидит свадьбу собственными глазами.

Тем временем следователь Расс Маринек разрабатывал все, что касалось предстоящего брака Патти. Ричард и Энн Найквист, бывшие соседи Коломбо в Элк-Гроув-Виллидж, которые жили теперь в другом ближнем пригороде, Айтаска, утром в воскресенье, 2 мая, случайно встретили Фрэнка и Мэри Коломбо в ресторане во время завтрака. В разговоре те упомянули, что Патти выходит замуж за Фрэнка Делука «через пару месяцев». Мэри Коломбо тогда еще заявила, что на свадьбу *не* пойдет. По словам Найквиста, Фрэнк сказал: «О, Мэри, ты сейчас просто расстроена. Когда придет время, ты пойдешь». Мэри снова категорически заявила, что *не* пойдет.

Следователю Джину Гаргано из Департамента шерифа округа Кук поручили допросить Патти Коломбо и Фрэнка Делука, чтобы каждый из них день за днем описал, как они провели неделю, на которой было совершено убийство, – с понедельника, 3 мая, по пятницу, 7 мая. Показания того и другого были практически идентичны и не содержали ничего, бросающего подозрение на единственную уцелевшую из семьи Фрэнка Коломбо и ее жениха, с которым она жила.

Описывая свою неделю, Патти указала, что когда она пришла домой в свою квартиру из «Кентукки Фрайд Чикен» в шесть вечера во вторник, 4 мая, звонил телефон. Это был отец,

она проговорила с ним около получаса. Фрэнк Делука заявил, что Фрэнк Коломбо звонил ему накануне, в понедельник, 3 мая, в половине одиннадцатого вечера, и второй раз примерно через двадцать минут, в 22:50. По утверждению Патти и Делуки, это были их последние телефонные разговоры с отцом Патти.

Следователь Гаргано также допросил Глорию Реззуту, сестру Фрэнка Коломбо, еще одну жительницу Элк-Гроув-Виллидж. Миссис Реззуту последний раз разговаривала с братом и его женой по телефону в воскресенье, 2 мая. Тогда Мэри Коломбо сказала, что они с Фрэнком не видели Патти месяц. Она сказала Глории, что Патти «ненормальная» и каждый раз, когда она разговаривала с дочерью, она всегда «ужасно расстраивалась». Глория Реззуту пыталась убедить брата общаться с Патти, «наладить отношения», однако к тому воскресенью семья еще не «помирилась». Миссис Реззуту считала, что Фрэнк помирился бы с дочерью, если бы Мэри этого захотела, но она не хотела.

– Не было такого, чего мой брат не сделал бы для Мэри, – сказала она Гаргано. – Он всегда хотел, чтобы Мэри была счастлива.

Что касается Майкла, то, по словам миссис Реззуту, у Патти были «очень близкие отношения» с ним.

В показаниях Глории Реззуту всплыл один интересный момент. Ее взрослый сын Бобби видел, как Фрэнк Коломбо возил в бардачке своей машины пистолет, и еще Фрэнк сказал племяннику, что у него есть и второй пистолет, он держал его под кроватью.

Затем Гаргано допросил Кэролайн Тайгретт, сестру Мэри Коломбо, жившую в Кэри, штат Иллинойс, примерно в тридцати милях от Чикаго. В последний раз миссис Тайгретт видела Мэри в субботу, 1 мая, когда приезжала в ближайший торговый центр за покупками и заглянула к Коломбо домой. Было около двух часов дня, и Мэри была дома одна. Мэри рассказала сестре, что она «поддерживала связь» с Патти и что Патти и Фрэнк Делука собирались пожениться 5 июня, ровно через пять недель, а в свадебное путешествие планировали отправиться в Италию и Грецию в сентябре. Миссис Тайгретт сказала, что Мэри очень обижалась на Патти, но «начала понемногу оттаивать».

В ходе этого допроса также выяснилось, что Фрэнк Коломбо подумывал уйти из «Вестерн Ауто», где проработал много лет, и начать собственный автотранспортный бизнес.

Появились, пусть и скудные, показания свидетелей. Проживающая на Брэнтвуд, 70, Энн Шарлевиль видела, как во вторник, 4 мая, около 9 часов вечера с подъездной аллеи дома Коломбо задним ходом выезжал автомобиль, он чуть не врезался в другой проезжающий автомобиль. Она согласилась помочь Рональду Коукли, полицейскому художнику Департамента шерифа округа Кук, создать фоторобот сидевшего за рулем мужчины, каким она его запомнила.

Линетт Роули, чьи родители жили чуть дальше в том же квартале по адресу: Брэнтвуд, 85, выходя из дома около 16:45 того же дня, заметила темно-синий крупногабаритный автомобиль, припаркованный на подъездной аллее дома Коломбо. Она вспомнила, что у машины не было винилово-черной крыши, как у «Олдсмобилей» Коломбо, и обратила она внимание на эту машину именно потому, что впервые увидела ее возле дома Коломбо.

Когда Рэй Роуз узнал, что два месяца назад Фрэнк и Мэри Коломбо ездили в отпуск в Южную Каролину, навестить кого-то из семьи Мэри, он приказал своим людям на всякий случай опросить этих родственников по телефону, вдруг удастся узнать нечто полезное. Узнать удалось – если не полезное, то интересное. Филип Нивилль, племянник, вспомнил, как Фрэнк Коломбо сказал ему, что купил Мэри автоматический пистолет 25-го калибра и положил его в бардачок семейного «Тандерберда» для ее защиты. Это было странно, поскольку, по другой информации, Фрэнк почти всегда водил эту машину сам. Майкл, который тоже был с ним в поездке, позже сказал Нивиллю, что у отца есть и второй пистолет, никелированный револьвер 32-го калибра. Другой родственник, Гарри Чикс, зять Мэри, во время того же визита заметил,

что Мэри Коломбо носит в сумочке автоматический пистолет 25-го калибра. Полиция Элк-Гроув уже знала, что Коломбо убили из пистолета 32-го калибра, но оружие еще не нашли.

К этому времени Рэй Роуз начал подозревать, что Патти Коломбо каким-то образом лично причастна к убийствам. Тлеющий фитилек этого подозрения Патти зажгла сама в тот самый день, когда обнаружили тела. Предположительно, Патти узнала о смерти своей семьи от Фрэнка Делуки. Одна из его сотрудниц в «Уолгрин», Джоанн Эммер, соседка Коломбо, в пятницу, 7 мая, ушла с работы в 17:00 и по дороге домой увидела полицейских у дома 55 по Брэнтвуд. Узнав, что произошло, она позвонила Делуке и сообщила ему о преступлении. Другая сотрудница Делуки, Барбара Купер, отвезла его домой. Когда вскоре после этого в их квартиру пришла Патти, Делука якобы сообщил ей эту новость. Патти не забилась в истерику и не бросилась в родительский дом, узнать, верна ли эта страшная история, а до позднего вечера сидела в квартире с Делукой, а потом отправилась с ним в полицейский участок Элк-Гроув-Виллидж, где они предложили «помочь» следствию всем, чем могли. Роуз подумал, что это не похоже на реакцию девятнадцатилетней девушки, которой только что сказали, что вся ее семья убита. Роуз сразу отнесся к Патти и ее любовнику с подозрением и в тот же вечер приказал сержанту Рону Идену их сфотографировать, якобы только для опознания. Хотя Патти не *изобразила* убитую горем от потери близких, на фотографии видно, что выглядела она измученной.

Делука же чуть ли не улыбался, как будто всецело наслаждался вниманием.

Первый крупный прорыв в деле произошел вечером следующего после обнаружения тел понедельника. Рэй Роуз и его люди работали практически круглосуточно в течение четырех дней, домой возвращались только принять душ, побриться и переодеться, может, поспать часа два или три, не больше. Сам Роуз спать *не мог*, закрывая глаза, он каждый раз видел истерзанное юное тело Майкла Коломбо. Без кофе Роуз – как и большинство его людей – уже свалились бы.

В десять вечера понедельника Роуз сидел за своим столом и смотрел на телефон, едва ли не пытаясь *заставить* его позвонить. Ранее тем же вечером поступило два анонимных звонка, оба от одного и того же нервного молодого человека, утверждавшего, что располагает важной информацией об убийствах Коломбо, но не желавшего, чтобы его видели в полицейском участке. Возможно, это просто чудака, однако Роуз считал иначе, что-то в голосе молодого человека заставило старшего следователя почувствовать, что *тот* не шутит. Поэтому он уставился на телефон, словно отдавая ему мысленный приказ позвонить еще раз.

Наконец в 22:50 раздался звонок.

– Я все еще хочу поделиться с вами информацией, – произнес встревоженный голос. – Мы можем где-нибудь встретиться?

– Где скажете, – тотчас ответил Роуз.

– Вы знаете, где ресторан «Денни»?

– Да.

– Хорошо, я встречу с вами там в одиннадцать тридцать. Я буду в кабинете номер один.

– Хорошо, – непринужденно ответил Роуз.

– До встречи.

Повесив трубку, Роуз распорядился:

– Итак, я хочу, чтобы ресторан «Денни», когда мы будем оттуда выходить, был полностью окружен. Перекройте все двери, каждое окно, перегородите машинами парковку. Я хочу, чтобы все были начеку: возможно, звонивший – чудака или мирный гражданин, действительно располагающий какой-то информацией, но он может быть и убийцей Коломбо. Помните, что взять этого парня – вторая по важности вещь. Первое и самое главное – защитить других людей в «Денни».

Роуз посмотрел на часы.

– Идем!

«Вот оно», – подумал Рэй Роуз. Инстинкт полицейского заставил его это *почувствовать*. Меры предосторожности оказались излишними.

Рэй Роуз сел в кабинете «Денни» напротив молодого человека лет двадцати, ничем не отличающегося от тех, кого Роуз мог встретить на улицах Элк-Гроув-Виллидж. Когда в крови улегся адреналин, полицейский мысленно отмел две из трех категорий, в которые ранее поместил молодого человека: он не убийца Коломбо и не чудака.

– Это ты звонил? – спросил Роуз.

– Д-да.

– Хорошо. Я следователь Рэй Роуз, и я веду дело Коломбо. Как тебя зовут?

– Э, Гленн. Норман Гленн.

– Хорошо, Норман. Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты отозвался. Это правильный поступок, и я надеюсь, что ты сможешь нам помочь. Что ты хотел нам рассказать?

– Моя... моя сестра, – произнес Норман Гленн неуверенным голосом. – Она... она знает парня, которого Патти Коломбо пыталась нанять, чтобы убить родителей.

– Кто твоя сестра, Норм?

– Нэнси Гленн. Она и П... Патти были лучшими подругами. Они ходили... вместе учились в старшей школе.

– А кто этот ее знакомый парень?

– Вроде его зовут Лэнни. Он продавец автомобилей. Его фамилию знает Нэнси.

– Хорошо. Ты знаешь о нем еще что-нибудь? Может, где он продает машины?

– Раньше он работал в «Фрэнклин-Уэбер Понтиак» в Шаумбурге. В прошлом году Нэнси купила у него машину, а потом какое-то время с ним встречалась. Она и познакомила его с Патти. Потом, я думаю, он женился или что-то в этом роде, и они с Нэнси перестали встречаться. Но он позвонил ей пару месяцев назад и пригласил на ужин. Именно тогда он ей рассказал, что Патти пыталась заставить его и его друга убить ее родителей.

– Где живет твоя сестра? – спросил Роуз у молодого человека.

– С родителями. На Кендал-роуд, примерно в квартале от дома Коломбо, – сказал Норман Гленн.

– Сейчас она дома?

– Да.

– Хорошо, о'кей. Пойдем поговорим с ней.

По дороге к дому Гленнов Рэй Роуз радовался, что успел предусмотрительно позвонить жене Джоанн и сказать ей, что, возможно, его не будет до утра. Джоанна была полной противоположностью типичной жены копа, которую так часто изображают в фильмах и романах: жена, постоянно жалующаяся на долгое отсутствие мужа и его преданность работе. Она всегда поддерживала Рэя. «Лучшая жена, которую только может пожелать профессиональный полицейский», – говорил Роуз; но тем не менее она волновалась. Роуз, когда его не было дома, старался как можно чаще звонить, чтобы ей было спокойнее. Последние пять месяцев и без того дались Джоанн тяжело: сначала Рэю приказали заниматься расследованием дела о наркотиках под прикрытием, а потом в первый день после возвращения в участок на него свалилось дело о тройном убийстве.

Мысли Роуз вернулись к Патти Коломбо. Несмотря на подозрения, ему казалось почти невероятным, что милая девушка из пригорода среднего класса действительно наняла кого-то убить родителей. И не только родителей, но тринадцатилетнего брата. Другой полицейский сказал, что у Патти «ангельское личико». Может, это и правда, но теперь Роуз был убежден, что *душа* у нее не ангельская.

Он не сомневался, что Патти в этом замешана. В тот момент у него была одна цель – выяснить, насколько *глубоко* замешана. Может быть, тогда он начнет понимать, что именно скрывается за ее «ангельским личиком».

4

Июнь 1956 года – июнь 1962 года

Патрисия Энн Коломбо родилась 21 июня 1956 года, в четверг, в первый летний день, в норвежско-американской больнице по адресу: Норт-Франсиско-авеню, 1044, в Чикаго. Акушером был доктор Винсент Колетти.

Фрэнк и Мэри Коломбо считали ее самым красивым ребенком из всех, когда-либо виденных: сразу с копной вьющихся волос, большими темными глазами, идеальными маленькими ручками и ножками – само совершенство. Придя на работу на следующее утро, Фрэнк Коломбо, начальник погрузочного центра на перевалочном складе «Вестерн Ауто», рассказывал всякому, готовому слушать, какая красавица его малышка Патти Энн. Он не замолкал целую неделю.

Фрэнк и Мэри жили в съемной квартире на втором этаже в двухквартирном доме на Вест Огайо-стрит, 1803, в нижней части чикагского Вест-Сайда. Некогда населенный представителями верхушки среднего класса, район постепенно деградировал сначала до среднего класса, затем до низа среднего класса, а потом до пролетариев, и все больше и больше людей начали называть его районом «синих воротничков». В середине 1956 года там все еще преобладали белые, было достаточно безопасно и чисто, как и положено в городе. Фрэнк и Мэри, как и многие другие молодые супружеские пары, мечтали о собственном доме в одном из множества западных пригородов, возникших вокруг открытого в прошлом году Международного аэропорта О'Хара. Такие люди, как Фрэнк, выросшие в Вест-Сайде, часто вспоминали, как здорово когда-то было быть ребенком в «старом районе», но времена быстро менялись.

Некогда границы районов держались *жестко*. Теперь же, через десятилетие после окончания Второй мировой войны, здесь появились *другие*, и район стал «смешанным».

Двухкомнатная квартира, в которой жили Коломбо, когда родилась маленькая Патрисия Энн, принадлежала двум сестрам, Джанет и Мэрилин Гауэр, которые унаследовали здание еще в ту пору, когда район был преимущественно украинским, и остались в нем после прихода итальянцев. Незамужние сестры Гауэр были немногим старше Коломбо, и когда они узнали, что Мэри беременна, они были в восторге. За несколько месяцев до рождения малышки Джанет и Мэрилин знали, что одну из них попросят стать крестной матерью ребенка, настолько сестры и семья Коломбо сблизилась. Честно говоря, было решено, что если это будет мальчик, то крестной матерью будет Мэрилин, а если девочка, Джанет. Когда родилась Патрисия, Джанет Гауэр была почти так же счастлива, как если бы сама родила ребенка.

– Вчера вечером я видела свою маленькую крестницу, – сказала она женщинам-коллегам в офисе «Иллинойс Белл». – Она *великолепна*. Копна черных волос, в которую невозможно *поверить*. А ее глаза! Когда-нибудь они точно будут *сводить* мальчиков с ума.

Крестным отцом Коломбо выбрали близкого друга Фрэнка по имени Фил Капоне. Это тоже был счастливый жребий, родись у Коломбо мальчик, крестным был бы другой близкий друг Фрэнка, Джо Батталья, хозяин бакалейной лавки «Кармела» через дорогу. Поучаствовать в розыгрыше мог и еще один близкий друг, Гас Латини, правда, он был настолько беспечен и легкомыслен, что Фрэнк и Мэри решили, что он может недостаточно серьезно отнестись к своим обязанностям.

Мэри Коломбо когда-то мечтала работать медсестрой, но после рождения первого ребенка была вынуждена стать домохозяйкой, как оказалось, до конца жизни. В ту пору в моду входили семьи, в которых трудятся оба родителя; открывались детские сады, что давало матерям возможность работать. Молодые пары считали мудрым решением иметь двойной доход, новый дом в пригороде был для них не только целью, но и острым соблазном, тем, чего они хотели прямо сейчас. Но не Фрэнк Коломбо.

– Ты останешься дома, будешь вести хозяйство, готовить еду и растить ребенка, – твердо сказал он, когда Мэри осторожно затронула тему работы. – Зарабатывать на жизнь буду я.

– Я просто подумала, что мы сможем быстрее обзавестись собственным домом, если работать будем мы оба, – предложила она.

– Не волнуйся, собственный дом мы купим быстро, – заверил ее он. – Я следующий в очереди на повышение. Вскоре я стану начальником, и у меня есть пара идей, которые принесут немного дополнительных денег. Не волнуйся, мы все устроим.

И Мария осталась дома с дочерью. Ее дни заполняли покупки в продуктовом магазине, готовка, уборка, уход за младенцем, которого вскоре стали называть Патти Энн или просто Патти, и в целом она была домохозяйкой старого образца, какую и хотел Фрэнк Коломбо. Жизнь не самая захватывающая, но определенно *неплохая*, и Мэри Коломбо к ней без особых проблем приспособилась. Она была внимательной любящей женой Фрэнка и внимательной любящей матерью Патти – *неизменно* в таком порядке.

По мере того как маленькая Патти из младенца вырастала в малышку и дошкольницу, она обнаружила, что живет в основном в мире взрослых. Ее окружали мать и отец, крестные родители, друзья папы Гас и Джо, тети и дяди с обеих сторон – иногда двоюродный брат, еще не взрослый, но неизменно старший – люди, приходившие поиграть в карты, члены команд по боулингу, друзья папы по работе. Маленькая девочка много играла одна, но, похоже, ни ее, ни мать это никогда не беспокоило. Озабоченность иногда проявлял отец. Ему хотелось, чтобы в квартале было больше детей. Но он знал, что скоро Патти пойдет в детский сад и сможет играть с любыми детьми, с какими захочет.

Их дом находился почти через дорогу от районной начальной школы Тэлкотт. Фрэнк Коломбо давно решил, что никого из своих детей не отправит в католическую школу. Сам он был продуктом чикагской церковно-приходской школьной системы и часто вспоминал жестокое и унижительное обращение со стороны монахинь, которые в ту эпоху, до появления светских учителей, полностью контролировали младшую школу.

– Я никогда, *никогда* не отправлю своих детей в католическую школу, – поклялся он.

Что касается Мэри Коломбо, для нее это не имело значения. Она не была католичкой.

Когда Патти достаточно подросла, чтобы играть на улице рядом с домом под присмотром Фрэнка, Мэри или Джанет Гауэр, у нее, наконец, появилась подруга – девочка из польской семьи, переехавшей в их квартал. Семейей ее, правда, трудно было назвать: отец, как вскоре выяснилось, был чернорабочим и «не просыхал», а мать была очень неопрятной. Вовсе не мечта родительского комитета. Но девочка была одного возраста с Патти.

Звали ее Паула, и она, как и ее мать, была всегда грязная и плохо одетая. Поношенная одежда и обувь, рваные подошвы, стоптанные каблуки – это еще полбеды, но ее светлые волосы были всегда растрепанные, лицо неумытое, а ногти вечно грязные. Но Патти заметила жалкий вид Паулы, только когда ей разрешили поиграть у той дома, и она увидела, насколько там грязно.

Патти также начала улавливать отрывки разговоров о Пауле, обычно между матерью и крестной.

– Честное слово, – говорила Мэри Коломбо, – не понимаю, как они выпускают ребенка на улицу. Богом клянусь, у нее в ушах можно овощи выращивать, такие они грязные.

– Ты же не думаешь, что Патти Энн может от нее что-нибудь подцепить? – забеспокоилась Джанет Гауэр. – Я имею в виду вши или что-то в этом роде?

Пока мать и крестная волновались, Патти придумывала, как попытаться помочь подруге.

– Мама, когда ты сделаешь мне маникюр, ты сделаешь маникюр Пауле? – спрашивала она. – Мы хотим поиграть в салон красоты.

После серьезной предварительной обработки рук девочек щеточкой для ногтей и мыльной водой Мэри Коломбо сделала обеим девочкам маникюр. Ее мать, подумала Мэри Коломбо, отправляя Паулу домой, явится сюда и устроит мне разнос, что я испортила ей пальцы. Но не было сказано ни слова.

В дом Патти Паула приходила играть гораздо чаще, чем Патти к ней, и Патти всегда выжидала несколько минут, а потом говорила:

– Давай пойдем в ванную и вымоем руки и лицо, сначала ты, а потом я. И я спрошу маму, можно ли нам печенье.

Пока они мылись, Патти пыталась помочь Пауле отмыться настолько, насколько это было возможно. Для ребенка, еще не ходившего в детский сад, Патти проявила поразительную деликатность, помогая подруге решить проблемы с гигиеной. Развитие Патти отнюдь не опережало возраст, во многом ее поведение ему соответствовало. Однако иногда, очевидно, под чрезмерным влиянием взрослых, она говорила или делала что-то, что казалось не по годам зрелым. Иногда взрослые это замечали, иногда нет. Обычно они замечали это так:

– Только послушайте. Боже, какой умный ребенок. Люди, у нас растет ученая.

Патти Коломбо очень быстро созревала. Но на самом деле она не выросла. Или выросла не так, как следовало.

Хотя Патти не была обязана ходить в церковно-приходскую школу, ее тем не менее воспитывали в католической вере. Фрэнк ходил к мессе редко, а Мэри была баптисткой. Но крестная Джанет Гауэр была набожной и истовой молитвенницей в приходе Сент-Кармайкл, и едва маленькой Патти исполнилось четыре, каждое воскресное утро в восемь тридцать Джанет брала девочку, раздетую в рюши и кружева, с чепчиком на голове и с сумочкой в руке, и шла с ней шесть кварталов к старой серой каменной церкви, где они всегда садились на девятичасовой мессе как можно ближе к алтарю. Многие монахини, преподававшие в приходской школе Сейнт Кармайкл, посещали ту же мессу, и Патти с трепетом наблюдала за ними, сидящими в ряд в своих черных одеяниях и безупречно накрахмаленных белых капюшонах.

– Я знаю, что отец не отправит тебя в католическую школу, – сказала ей крестная, которую она называла тетей Джанет, – но я позабочусь о том, чтобы ты ходила на уроки катехизиса два раза в неделю. Скорее всего ты пойдешь в школу Сент-Кармайкла, и некоторые монахини, которых мы видим на мессе, будут тебя учить. Тебе понравится учиться у них.

Патти, заметив, что ни одна из монахинь никогда не улыбается, в этом сомневалась.

Когда у Патти наконец появилась перспектива присоединиться к шумной толпе детей, которую она наблюдала из окна гостиной почти всю свою жизнь, это не вызвало у нее особого восторга. Она была привередливой маленькой девочкой, необычайно требовательной к своей внешности, она тщательно следила за тем, чтобы не испачкаться – по крайней мере, не *сильно* испачкаться, – в какие бы игры ни играла. Она вообразила, что большинство детей в этой постоянно движущейся шумной толпе на детской площадке школы Тэлкотт скорее напоминают Паулу.

Если бы Патти могла придумать предлог, как вообще не идти в школу, она бы, вероятно, им воспользовалась. Но выхода не было. В конце концов маленькая Патти Коломбо вместе со всеми пятилетними детьми округа отправилась в подготовительный класс начальной школы.

Школа Патти понравилась. Из-за ее тесного общения с множеством взрослых она уже знала большую часть того, чему ее учили – числа, буквы, формы, цвета, как пользоваться ножницами, картоном, линейкой, – но было интересно наблюдать за тем, как этому учат в новой обстановке, а не за кухонным столом. И ей особенно нравилось помогать другим, более медлительным детям, которые усваивали все не столь легко и быстро, как она. Она садилась рядом с ними и старалась помочь. Иногда она по вечерам жаловалась, забавляя родителей и других взрослых:

– Я не знаю, что мне делать с Фредди, иногда он меня просто не слушает.

До середины подготовительного класса маленькая Патти Коломбо хотела, когда вырастет, стать учительницей.

В первом классе, как и предсказывала крестная Джанет, Патти начала ходить в церковь Сейнт Кармайкл на уроки катехизиса во вторник и четверг после обеда. Поначалу она пыталась оказать сопротивление, говоря родителям:

– Я не хочу идти к сестрам. Я вижу их на мессе по воскресеньям. Они никогда не улыбаются.

С обладавшим долгой памятью отцом уловка почти сработала.

– Если она не хочет заниматься катехизисом, зачем ее заставлять?

Мэри, как обычно, было все равно. В итоге Фрэнк и крестная Джанет столкнулись лоб в лоб. И если обычно Фрэнк справлялся с Джанет Гауэр без малейших усилий, но когда дело коснулось благополучия Патти, крестная не смогла стерпеть *бессмыслицы*.

– Послушай, Фрэнк, она *должна* учить катехизис, – жестко настаивала Джанет. – Если ты не собирався воспитывать ее католичкой, *какого черта* ты ее крестил? Почему ты выбрал меня крестной, если собирався вытворять что-то подобное?

В конце концов Фрэнк уступил, и Джанет терпеливо и без лишней суеты убедила Патти учиться у сестер.

С самого первого урока с монахинями Патти поняла, что ошибалась относительно них. Они не только улыбались, причем часто, но и говорили тихими голосами и не стеснялись выражать одобрение. Они совсем не походили на ужасных людоедок, о которых она слышала от отца. Во всяком случае, они казались ей лучше учительницы в начальной школе Тэлкотт, которая к концу недели нередко срывалась на детей. Так как монахини чередовали занятия в классе с другими послушаниями, они, казалось, всегда пребывали в хорошем настроении.

И на первом или втором году изучения катехизиса Патти расхотела быть учительницей и решила, что хочет стать учительницей-монахиней. Когда она рассказала об этом отцу, он покачал головой и сказал, что она слишком мала, чтобы принимать такие решения. Мать пожала плечами и сказала, что это мило. Только тетя Джанет выслушала ее с неподдельным интересом.

– Патти, это чудесное желание! Ты не только будешь служить Богу и церкви, но и помогать всем детям, которых ты учишь, хорошо начать жизненный путь.

Она с любовью обняла свою маленькую крестницу.

– Если ты действительно этого хочешь, держу пари, ты этого добьешься. И я буду очень тобой гордиться!

Всякий раз после неодобрения отца или безразличия матери она неизменно получала от крестной восторженную поддержку. Недвусмысленную и твердую.

И это стало особенно важным для маленькой Патти Коломбо, когда родители объявили, что у них скоро родится еще ребенок.

5

Апрель 1963 года

Патрисии никогда не приходило в голову, что когда-нибудь ей, возможно, придется разделить свой мир с младшим братом или сестрой. Вся жизнь окружавшие ее взрослые принадлежали исключительно ей: родители, крестная, сестра крестной Мэрилин, крестный Фил Капоне, которого она называла дядей Филли, и друзья отца, дядя Джо и дядя Гас. Патрисия была единственным ребенком среди них и получала все внимание, все конфеты, все четвертаки, все ласки, похвалы – все блага, какие только возможны. Ей всегда нужно было быть с ними и сопровождать их, куда бы они ни шли. Если дядя Филли бежал за пивом во время игры «Кабс» по телевизору, ей нужно было *идти* вместе с ним. Если тетя Джанет отправлялась за покупками новой обуви, ей нужно было тоже *идти*. И она редко приходила домой с пустыми руками.

– Джанет, ты балуешь этого ребенка, – говорила Мэри Коломбо.

– Кого еще я должна баловать? – обычно возражала Джанет.

Мэри иногда жаловалась на это Фрэнку.

– Фрэнк, они ее вконец избалуют. Они все: Джанет, Фил, Гас, Джо. Они относятся к ней как к маленькой принцессе. Господи, на прошлой неделе Гас подарил ей часы «Таймекс». Она, наверное, единственная девочка в классе, которая носит часы.

– Какая разница? – спрашивал Фрэнк. – Они ее любят, поэтому хорошо к ней относятся. Что ты хочешь, чтобы я сказал им, чтобы они больше не любили моего ребенка?

Друзья тихонько поговаривали, что Мэри немного завидовала заласканной маленькой принцессе. Поговаривали, что, возможно, она и забеременела еще раз, чтобы оттеснить маленькую Патти на второй план. Мэри Коломбо чувствовала угрозу своему положению и неуверенность и могла решить, что с новым ребенком на руках она снова займет центральное место в жизни не только мужа, но и близких друзей.

Пока Мэри ждала второго ребенка, Патрисия ее не беспокоила. Всегда самостоятельная, когда дело шло о развлечениях, легко играющая в одиночестве, она вообще редко беспокоила мать. У нее были свои любимые телешоу: «Мой друг Флика», «Рин Тин Тин», «Небесный король», «Ярость». И у нее была собственная собака Майк, за которой нужно было ухаживать и с которой нужно было гулять. Когда она первый раз попросила собаку, Фрэнк Коломбо не хотел ее заводить.

– Дорогая, с собаками много проблем, – сказал он.

В конце концов собаку подарила тетя Джанет. Джанет пошла вместе с соседкой в приют для животных, чтобы найти потерявшуюся собаку, и увидела старую английскую овчарку, которая сидела совсем одна в клетке у задних дверей.

– Как так получилось, что этот песик совсем один? – спросила Джанет у служителя.

– В ожидании грузовика, – ответил он.

– Что за грузовик? – спросила она.

– Это грузовик, который везет их на усыпление. Мы можем держать их только семь дней, на восьмой день, если их никто не забрал, их забирает грузовик.

Через час у Патрисии появилась овчарка.

Все вокруг Патрисии спрашивали ее, братика она хочет или сестричку. Она постоянно говорила, что хочет сестричку. От младшего брата мало радости, считала она, мальчики в школе играли в жестокие игры, были очень шумными, и одежда у них была все время грязная. Девочки были чище и спокойнее, чем мальчики, и если Патрисии *суждено* с кем-то делить свой девичий мир, пусть лучше это будет еще одна маленькая девочка.

– Итак, ты хочешь младшую сестру? – сказал однажды вечером дядя Гас, взяв ее на колени и разворачивая для нее «Тутси Ролл». Дядя Гас водил фургон оптовой доставки конфет и никогда не приходил без полного кармана «образцов».

– Как ты думаешь, как ее назвать? – спросил он.

Патрисия не знала, она не думала об этом. Имя не имело значения, просто ребенок должен быть девочкой. Но дядя Гас продолжал настаивать, пока Патрисия не сказала первое пришедшее в голову имя.

– Я думаю, ее надо назвать Сюзи.

С этого момента Патрисия и дядя Гас называли еще не родившегося ребенка Сюзи.

К концу беременности Мэри сильно погрузнела, ей было тяжело, и Гас Латини часто приезжал во второй половине дня, когда Патрисия приходила из школы, забирал ее, и они вместе ехали доставлять конфеты. Для девочки это было настоящее приключение. Этот фургон с конфетами напоминал Патрисии большую кладовку – своими полками по обе стороны и решетками перед ними, чтобы коробки не падали. В фургоне стоял завораживающе сладкий запах, будто взорвалась шоколадная бомба.

В кабине были сиденья, похожие на ковши, а сзади дверца-гармошка. Когда она была полностью закрыта, в маленькой кабине было тепло и уютно, зимой это было особенно приятно. Пол подогревался, а у дяди Гаса был магнитофон, и они слушали музыку, и всегда стоял этот волнующий, аппетитный аромат «Херши» – «Нестле» – «Брач» – «Марс». Он, как сигаретный дым, пропитывал даже одежду, и Гас Латини всегда пах конфетами.

Патрисии нравилось развозить конфеты с дядей Гасом. Каждый день они ездили в разные части города, а однажды оказались в северных пригородах. Пригороды Патрисии особенно нравились. За городом люди жили в отдельных домах, а не в больших многоквартирных, с лужайками вместо парадных. Было открыто, просторно, небо и деревья чистые и светлые, в отличие от Огайо-стрит, над которой нависало фабрично-заводское – дымное, прокопченное – небо, цвета были скучные, а серый камень – вытертым и грязным (и чтобы привести его в порядок, требовалась пескоструйная обработка).

Всюду – от кондитерской и до табачного киоска и магазина содовой – дядя Гас брал с собой Патрисию и представлял ее владельцам как свою «помощницу». Патрисия с большим интересом наблюдала, как дядя Гас проводил инвентаризацию запасов конфет в магазине, потом они шли обратно к грузовику, он открывал задние двойные двери, забирался внутрь, втаскивал за собой Патрисию и позволял ей держать свою папку-планшет, а сам наполнял большой пластиковый поддон коробками конфет для магазина.

В какой-то момент дядя Гас и Патрисия делали «перерыв», обычно в одном из магазинов содовой, где Гас пил кофе, а Патрисия газировку или то, что пожелает. Ей во множестве также покупались комиксы, головоломки, игры и всякие дешевые безделушки. Были времена, когда Патрисия, имея такого «дядю», как Гас Латини, чувствовала себя самой везучей девочкой в мире. Она любила его так же, как родителей и тетю Джанет, и она без стеснения дарила ему свою привязанность.

Так вот, каждую поездку с Патрисией дядя Гас начинал словами:

– Ну, дорогая, мне интересно, родится ли маленькая Сюзи сегодня в наше отсутствие.

– Я на это надеюсь, – неизменно отвечала Патрисия. – Я хочу начать с ней играть и учить ее.

Тогда дядя Гас внезапно делал вид, что встревожен.

– Надеюсь, ты не разлюбишь дядю Гаса после того, как у тебя появится младшая сестра.

– Дядя Гас, я буду любить тебя *всегда*, – торжественно отвечала Патрисия. Она обнимала дядю Гаса за шею и целовала в колючую щеку.

Однажды утром Патрисия проснулась и вместо матери увидела тетю Джанет. Ребенок родился ночью 10 апреля. Маленький брат. Его назвали Майкл. Тетя Джанет уже называла его «маленький Майк».

Патрисия не могла в это поверить. Она месяцами планировала завести сестру. И почему его зовут Майк? Так звали ее собаку.

В то утро маленькая Патти Коломбо пошла в школу очень разочарованной.

– Это несправедливо!

Они с дядей Гасом хотели девочку и никогда не говорили ни о чем, *кроме* девочки.

Возможно, это большая ошибка! Возможно, мама и папа только *думали*, что это мальчик, у совсем маленьких новорожденных, наверное, трудно сказать. Или, возможно, – думала она дальше, – папа подшутил над ней и дядей Гасом. Может, на самом деле *это* младшая сестра, а он их дразнил, заставляя волноваться. Иногда папа любил подшутить над ними.

Патрисия пошла домой на обед в мрачной решимости выяснить, шутка это, ошибка или что-то еще. Отец был дома, но спал, Тетя Джанет, которая в тот день ушла с работы, приготовила для них обед в своей квартире внизу. После подробных расспросов за обедом маленькая Патти наконец убедилась, что у нее действительно родился младший брат.

В тот же день Патрисия вернулась в школу с твердым намерением что-то сделать, как-то исправить то, что она считала крупной несправедливостью.

В классе, во время игрового занятия «покажи и расскажи», Патрисия подняла руку.

– Да, Патти? – спросила учительница.

– Мне есть что рассказать, – заявила Патрисия.

– Хорошо, Патти, выйди перед классом и расскажи. Дети, пожалуйста, внимательно послушайте.

Стоя перед классом, Патрисия решительно произнесла:

– Вчера вечером у меня родилась младшая сестра. Ее зовут Сюзи.

Она вернулась к своей парте, думая: «*Вот так*».

За те три дня, что Мэри Коломбо и ребенок находились в больнице, именно Гасу Латини первому удалось прорвать стену разочарования и недовольства Патрисии.

– Знаешь что? – сказал он в тот первый вечер после рождения Майкла. – Мне все равно, что это мальчик. Он сел рядом с ней на пол, где она без энтузиазма играла со своими куклами – девчачьими куклами.

– На самом деле я даже рад, что родился мальчик, – продолжил дядя Гас. – Знаешь почему?

– Почему? – неохотно пробормотала Патрисия.

– Потому что, – сказал дядя Гас, – я рад, что здесь ты будешь единственной маленькой девочкой. И я продолжу уделять тебе все внимание, понимаешь? Ты по-прежнему будешь моей лучшей девочкой, моей *единственной* девочкой. Мы все еще можем вместе ездить по нашему маршруту и все такое. Появись еще одна девочка, она скорее всего захотела бы поехать с нами. Но мальчик, когда он станет постарше, будет играть в бейсбол, строить модели самолетов и копать червей на рыбалку.

– Фу, – скорчив брезгливую гримасу, произнесла Патрисия.

– Он никогда не захочет поехать со мной по конфетному маршруту, потому что для него это будет не слишком интересно. Так что все будет как всегда, останемся только ты и я. Я вижу, что мы получим от сделки максимальную выгоду.

Дяде Гасу удалось понемногу расшевелить Патрисию, вывести ее из летаргии разочарования, исподволь подводя ее к новому отношению к ситуации: нам все равно, что это мальчик. Мы *рады*. Как пелось в старинной песне: «Мы нашли друг друга».

Патти Энн и дядя Гас, двое против всего остального мира.

И, разумеется, едва Мэри Коломбо с Майклом вошла в двери, как он тотчас стал ребенком Патрисии. Это была любовь с первого взгляда, ее союз с дядей Гасом «нам все равно» растаял как дым. И Мэри Коломбо, расчувствовавшись от нового материнства, до слез обрадовалась похвалам Патрисии:

– О, мамочка, он такой красивый!

Едва услышав эти слова, Мэри усадила Патрисию на диван и сразу же позволила ей обнять Майкла.

– Эй, что это? – с притворной досадой спросил Фрэнк Коломбо. – Даже я еще ребенка не держал!

– Подержишь, когда придет твоя очередь, в конце концов, Патти Энн – старшая сестра.

– Понятно, – сказал Фрэнк. – А я всего лишь отец, да? Что же, мне, наверное, надо знать свое место.

Все были добродушны, взрослые – тетя Джанет, тетя Мэрилин, дядя Гас, дядя Джо Батталья, несколько родственников, родители – улыбались друг другу, радуясь, что принесли домой это новое маленькое чудо, которое станет частью их и того, что они из себя представляли. Патрисия была в эйфории. Ее внимание разрывалось между крошечным спящим младенцем на руках и обрывками разговора, которые она продолжала улавливать:

«...Выглядит в точности как Патти Энн, когда она родилась...»

«...Такая огромная помощь тебе, Мэри. Посмотри, как она уже любит этого ребенка...»

«...Действительно, лучше старшая дочь, а потом сын, Фрэнк. Послушай, я имею в виду, если через несколько лет что-нибудь, не дай Бог, случится с Мэри, тогда ты попросишь Патти Энн помочь вырастить Майкла, верно? Она сможет, так сказать, занять место Мэри как хозяйки дома...»

«...На худой конец через несколько лет у тебя будет собственная няня...»

Все взрослые разговоры, которые Патрисия уже давно привыкла слушать и не слушать, служили восстановлению связи этих взрослых с ее миром и искоренению ощущения предательства, овладевшего ею на первых порах. Ее вернули в положение избалованной маленькой принцессы, в положение, переставшее с появлением еще и маленького принца быть уникальным, но, как говорил и продолжал говорить ей дядя Гас, она оставалась единственной *девочкой*, имевшей особый статус. И... она была самая старшая, смысл этого она еще не осознала, но все, в особенности тетя Джанет, казалось, придавали этому факту большое значение.

– Помни, теперь ты – большая девочка. Майкл – маленький ребенок. Ты должна постараться по мере сил помогать маме. Обещай мне, что будешь помогать.

Патрисия решила, что будет стараться всем нравиться, стараться быть идеальной девочкой во всех смыслах. Но теперь, когда она была так счастлива, она не могла избавиться от чувства вины перед дядей Гасом. И, казалось, что он понял ее угрызения совести.

– Эй! – притянул он ее к себе на колени, когда они были одни на кухне. – Я думал, мы с тобой договорились об этом ребенке. Я думал, он нас не будет заботить, пусть все будет от него без ума, а мы с тобой будем без ума друг от друга. Ты меня подвела.

– О, дядя Гас, мне очень жаль! – умоляюще проговорила Патрисия. – Я не думала, что он будет таким милым! В любом случае, мы все еще можем любить друг друга больше всех?

– Я не знаю. – Дядя Гас пожал плечами и отвернулся, как будто ему больно. – Я думаю, мы можем попробовать, если у тебя не пропало желание.

– Не пропало! Мы можем! – воскликнула Патрисия.

Патрисия крепко обняла дядю Гаса и громко поцеловала его прямо в губы. В этот момент вошла тетя Джанет.

– Что это вы тут делаете? – спросила она.

– У нас с Патти небольшое деловое совещание, – самоуверенно сказал Гас. – В конце концов, она моя партнерша на моем сладком маршруте.

Патти радостно улыбнулась. Дядя Гас заставил ее чувствовать себя так хорошо.

К. Г.

Сентябрь 1981 года

В 1981 году Джей Роберт Нэш, по моему мнению, лучший из пишущих о преступности и преступниках, опубликовал книгу под названием «Посмотрите на девушку», беллетризованную энциклопедию преступниц с елизаветинской поры до наших дней. Перелистывая его последнюю коллекцию криминальных фактов, на странице 91 я увидел полностраничные фото знакомой мне Патрисии Коломбо. Ей Нэш посвятил статью «Патрисия Коломбо – убийца» на три с половиной страницы. В ней он поведал то, о чем не писали чикагские газеты, – подробности, делающие историю еще интереснее. Например, два года спустя после начала отбывания тюремного заключения Патрисию обвинили в организации секс-вечеринок – она сводила привлекательных сокамерниц с двумя высокопоставленными сотрудниками тюремной администрации. Впоследствии оба должностных лица были сняты с работы, однако никаких указаний на предъявление обвинений Патрисии не было. Так совершила она что-то или нет? Далее в статье говорилось, что, будучи в заключении, Патрисия училась на курсах в колледже Университета Северного Иллинойса и хотела получить степень в сфере искусств.

Теперь мне и впрямь стало любопытно. Патрисия Коломбо организовывала секс-вечеринки для сотрудников тюремной администрации и пыталась получить высшее образование? Деловая донельзя. Или, поскольку официально обвинений предъявлено не было, вся шумиха о секс-вечеринках – не более чем подстава? Патрисия Коломбо не первая из знаменитых заключенных, которой достается только из-за близости к тюремным разборкам.

Но у меня в голове мелькнула еще одна, куда более занимательная мысль: а не раздвоение ли личности у Патрисии Коломбо?

И снова, как и в двух предыдущих случаях, это дело – и эта женщина – меня заинтриговали. Мне показалось, что когда-нибудь я в этом поучаствую.

Вольно или невольно.

6

Май 1976 года

Пока поздним вечером следующего после обнаружения тел понедельника Рэй Роуз беседовал в ресторане «Денни» с Норманом Гленном, его сестра Нэнси нервно расхаживала взад-вперед по кухне родительского дома. Взволнованная, она говорила матери:

– В этом виновата Патти. Я это *знаю*.

Миссис Гленн не шелохнулась.

– Нет, – тихо возразила она, – ты можешь ее подозревать, ты не знаешь.

– Мама, – почти умоляюще проговорила Нэнси, – она мне сама однажды сказала, что хочет кого-то найти, чтобы убить родителей, стать опекуном Майкла и вырастить его. Она даже пыталась заставить двух моих знакомых парней совершить это убийство ради нее!

– Каких еще двух парней? – спросила миссис Гленн.

Нэнси растерялась.

– Просто двух парней, мама. Ты их не знаешь.

«Осторожно, Нэнси», – одернула она себя. Кое о чем лучше матери не рассказывать.

Нэнси Гленн было девятнадцать, как и Патти Коломбо. В старшей школе они были лучшими подругами, но потом виделись редко. По окончании учебы Нэнси работала медсестрой в больнице Алексанского братства в Элк-Гроув-Виллидж, а Патти – в большой аптеке «Уолгрин» в паре кварталов от нее. Время от времени они случайно встречались, возможно, обедали, иногда сплетничали по телефону. Они все еще считали себя подругами, пусть уже и не такими близкими. Месяцев восемь назад Нэнси позвонила Патти и пригласила пойти на свидание вслепую.

Сейчас Нэнси подумалось, что скорее всего именно тогда и начался весь этот проклятый кошмар – кошмар, который мог привести к убийству.

Большого Нэнси матери сказать не могла. И беспокоилась, что и так рассказала слишком много. Рассказывать же матери о своих и Патти отношениях с «двумя парнями» немыслимо. Но ей надо донести до матери, что она *не шутит* о Патти.

– Мама, этот парень, Лэнни, я купила у него «Камаро», сказал мне, что Патти несколько месяцев назад пыталась заставить его вместе с другом убить ее родителей.

– Она говорила не всерьез, – парировала миссис Гленн.

– Мама, она *всерьез*, я знаю! Лэнни сказал, что она занималась с его другом сексом, чтобы попытаться заставить его совершить ради нее это убийство.

В этот миг Нэнси с матерью услышали, как открылась и закрылась входная дверь. Мгновение спустя на кухню вошел Норман Гленн в сопровождении незнакомца.

– Нэнси, – сказал ей брат, – это полицейский, который ведет дело об убийстве Коломбо.

– Мисс Гленн, меня зовут Рэй Роуз, – представился старший следователь. – Со слов вашего брата я понял, что у вас есть информация, которую нам следует знать.

Нэнси понурилась и вздохнула. Едва сдерживая слезы, она произнесла:

– Да, думаю, есть.

– Мы можем об этом поговорить? – спросил Роуз.

– Хорошо, – сказала Нэнси. – Но не здесь. Я не хочу будить отца. Я ничего ему об этом не говорила.

– Понимаю, – сказал Роуз. – Почему бы нам с вами не пойти куда-нибудь выпить кофе. Прямо сейчас никакого официального заявления или чего-то подобного от вас не требуется. Мы просто немного поговорим, хорошо?

Нэнси сглотнула и с глубоким вздохом произнесла:

– Хорошо.

* * *

Роуз отвел Нэнси Гленн в круглосуточный ресторан «Фронтир», они устроились в дальнем углу в отдельном кабинете, и полицейский молча слушал ее рассказ.

– Его зовут Лэнни Митчелл, – заговорила она. – На самом деле он Лэнион, но ему нравится, когда его называют Лэнни. У него очень милая улыбка. Искренняя. И он сам вроде как милый. Роста невысокого, но я тоже. И он настоящий пижон: всегда носил выходные костюмы и рубашки с открытым воротом. И он действительно умел завязать разговор и дать людям почувствовать себя непринужденнее...

– Итак, вы утверждаете, что это ваша первая машина? – спросил Лэнни Митчелл, заполняя заявление на водительские права.

– Да, мистер Митчелл, – вежливо ответила Нэнси.

– Эй, – его лицо осветилось самой лучезарной улыбкой, – что за «мистер»? Зовите меня Лэнни.

Они стояли в небольшом офисе продаж близ главного демонстрационного зала большого шикарного автосалона «Фрэнклин-Уэбер Понтиак» в Шаумберге, соседнем пригороде к западу от Элк-Гроув-Виллидж. Зарплата помощницы медсестры давала Нэнси ощущение независимости, и только что она купила милый голубой «Камаро» 73-го года – в кредит, с обычной для молодых одиноких покупателей возмутительно высокой процентной ставкой. Однако Нэнси платежи не беспокоили, теперь у нее была *машина*, и не просто, а «настоящая вишенка»⁵, по выражению этого очень симпатичного парня, которого она уже звала Лэнни. При этих словах Нэнси покраснела и опустила глаза, а Лэнни тотчас же извинился, объяснив, что у него вырвалось по привычке, ведь ему не часто выпадает удовольствие общаться с такими милыми созданиями, как она.

– На самом деле это не моя обычная работа, – признался он. – На самом деле я полицейский, но у меня возникли небольшие проблемы, и меня отстранили. Тут я просто как бы временный работник, понимаете?

– Это очень плохо, – посочувствовала Нэнси. – Я имею в виду ваше отстранение. Как вы думаете, вас примут обратно?

– Трудно сказать, – пожал плечами Лэнни. – Меня подвели под вооруженное ограбление.

– Серьезное обвинение, – сказала Нэнси. Глаза у нее расширились, а на лице появилось выражение полудетского страха. Отстраненный коп, вооруженное ограбление – это ударило в голову, такое только в одном из ее любимых телесериалов «Женщина-полицейский» показывали.

– Серьезное, согласен, – признал Лэнни. Он посмотрел на нее теперь уже твердым взглядом. – Но я сумею все уладить. У меня есть связи, мне помогут. Один мой друг связан с чикагской мафией. Я на него работал по мелочи, и он обо мне позаботится. У него и его людей я как бы на испытательном сроке, поэтому некоторое время мне приходится выполнять такую грязную работу.

– Я почему-то сразу подумала, что вы не просто продавец подержанных автомобилей, – сказала Нэнси. Лэнни кокетливо приподнял брови.

– Правда? Почему?

– Не знаю, – смущенно отведя глаза, ушла от ответа Нэнси. – Вы... ну, *симпатичнее*.

Она почувствовала, как краснеет.

⁵ Английское слово «cherry» переводится не только как «вишня», но и как «новенькая», а еще – «девственница». (Прим. пер.)

– Я глупость сморозила.

– Вовсе нет, – сказал Лэнни со всей доступной ему серьезностью. – Вы очень милы. После тех, с кем мне обычно приходится общаться, с вами очень приятно поговорить.

Он склонил голову набок и с каким-то мальчишеским любопытством спросил:

– У такой девушки, как вы, наверняка есть постоянный парень?

– Нет, – покачала головой Нэнси.

– Нет? – притворно удивился Лэнни. – Послушайте, вы хотели бы куда-нибудь сходить? Мы могли бы пойти потанцевать, немного выпить, чтобы познакомиться поближе.

– Конечно, почему нет.

– Это здорово! – Лэнни Митчелл одарил ее своей роскошной улыбкой, чей бесподобный блеск, как она поймет позже, предназначался лишь тем, кто ему безоговорочно подчинялся и радовал его.

На следующий же вечер Нэнси пошла с Лэнни потанцевать, а неделю спустя они стали любовниками. Встречались они несколько раз в неделю, их вечер привычно заканчивался в постели Лэнни. Нэнси любила секс и умела предохраняться. Лэнни был ее первым «настоящим мужчиной», прежде она встречалась с неуклюжими подростками без характера и лоска. У Лэнни было и то и другое. И он умел доставить девушке удовольствие в постели.

Недель шесть спустя после начала их отношений Лэнни снова упомянул своего друга.

– Ты помнишь того парня, о котором я тебе рассказывал? Того, кто связан с мафией и помогает мне выбраться из неприятностей? Ты сможешь найти для него подругу, и мы бы сходили куда-нибудь все вместе?

– Я не знаю, – засомневалась Нэнси. – Какой он?

– Отличный парень, – решительно заявил Лэнни. – Чуть постарше меня, ему около тридцати. Симпатичный, стильный костюмчик, не прочь потратить деньги, чтобы хорошо провести время. Кому-то из твоих подруг мог бы понравиться такой парень?

– Надо подумать, – протянула Нэнси, пытаясь выиграть время. Ее мучили сомнения. Разумеется, просьбу Лэнни она прекрасно поняла: он хотел девушку, с которой его друг сможет заняться сексом, сможет «оттянуться». С Лэнни – он такой *милый* – ей встречаться хотелось, но подыскивать подругу этому второму парню, этому, несколько она понимала, *бандиту*, дело совсем другое. Это *стремно*. Ни одну из подруг в больнице ей впутывать не хотелось, по крайней мере, до тех пор, пока она не узнает, что это за человек.

Потом она вспомнила о своей старой подруге Патти Коломбо. Недавно они вместе обедали, и Патти выложила ей все свои проблемы на личном фронте с немолодым мужчиной. «Возможно, – подумала Нэнси, – Патти будет приятно провести вечер вне дома, немного повеселиться без всяких обязательств». А в том, что Патти сумеет показать парню, как хорошо провести время, можно было не сомневаться.

– Есть у меня одна подруга, – сказала она Лэнни, – не помню, рассказывала я тебе о ней или нет. Она высокая и очень красивая, у нее отличное тело. Только она живет с парнем, а отец реально ее достает, потому что тот старше ее, женат и все такое. Они итальянцы, ну, понимаешь, и она даже думает, что отец ее парня заказал. Дико?

Лэнни вцепился в информацию, как пиранья.

– Послушай, этот мой друг может быть для нее просто парнем, с которым она познакомится. Но, я уже говорил, он человек чести, и если твоя подруга будет с ним мила, он сможет ей помочь, ну... чем-то услужить.

Лэнни быстро ее поцеловал и протянул ей телефонную трубку.

– Почему бы тебе не позвонить этой своей девушке...

* * *

После того как Нэнси Гленн в отдельном кабинете ресторана «Фронтир» рассказала Рэю Роузу все, на ее лицо было больно смотреть.

– Так Патти связалась с Лэнни и его другом, – проговорила она, едва выдавливая слова. – Через меня. Но клянусь Богом, я и подумать не могла, что это приведет к... к... чему-то подобному...

Рэй Роуз сочувственно кивнул.

– На данном этапе мы не *знаем*, к чему это привело. Как звали друга Лэнни?

– Как будто бы Роман, – сказала Нэнси. – Я видела его всего дважды, и фамилию он оба раза не назвал. Но я думаю, что он коп.

Роуз почувствовал, как у него скрутило живот.

– Он сказал вам, что он коп? – как можно непринужденнее спросил он.

– Вообще-то нет, – призналась Нэнси. – И Лэнни говорил мне, что он бандит. Но у него был пистолет, как у Лэнни, и оба они говорили о департаменте шерифа. Просто когда Лэнни о нем рассказывал, у меня возникло ощущение, что он полицейский.

Она пожала плечами.

– Возможно, я ошиблась.

Рэй Роуз надеялся, что это так. Худший сценарий в этом деле, который он мог вообразить, – это пара полицейских, превратившихся в наемных убийц.

Но было бы еще хуже, если бы оказалось, что Патти Коломбо не *заказала*, а *совершила* убийство...

– Где нам найти Лэнни? – спросил он Нэнси.

– Он женился и живет в Лейк-Вилла, – сказала она, доставая из сумочки бумажник. – Где-то здесь у меня есть номер его телефона...

Рэй Роуз тихонько постучал пальцами по столешнице. Выражение его лица было мрачнее, чем той ночью, когда они обнаружили тела.

«Боже, – тихо взмолился он, – пусть это будут не полицейские».

7

Февраль 1989 года

Ближе к закату холодного и бесснежного февральского дня 1989 года старый, но в безупречном состоянии автомобиль въехал на парковку для посетителей исправительного центра Дуайт на равнинах Иллинойса, в семидесяти пяти милях к югу от Чикаго. Почти миниатюрная пожилая женщина вышла из машины и, противостоя ледяному ветру, прошествовала – иначе не назвать, именно *«прошествовала»* — к офису регистрации посетителей. В руке она несла старомодный портфель с двумя ручками, явно слишком тяжелый для нее, и в отличие от других не прятала лицо от ветра, а встречала его порывы с высоко поднятой головой. Любой, видевший ее, инстинктивно чувствовал, что ни тяжесть портфеля, ни резкость бьющего в лицо ветра ее не заботили.

У стойки регистрации посетителей женщина сказала:

– Я хочу видеть Патрисию Энн Коломбо, будьте любезны.

– Вы бывали у нее раньше? – спросил охранник.

– Нет.

Охранник посмотрел на настенные часы.

– Время посещения заканчивается через полчаса...

– У меня есть разрешение остаться после окончания времени посещения, – сказала она ему. – Вы можете проверить это у своего начальства. Меня зовут сестра Маргарет Берк.

Охранник вручил ей бланк.

– Заполните, пожалуйста, сестра.

Когда она села за стол с бланком, охранник снял трубку.

В приемной для посетителей мыла пол толстая темнокожая заключенная. Она незаметно подошла к столу.

– Привет, сестра Берк, – тихо сказала она.

– Привет, Нетти, – с легкой улыбкой ответила сестра Берк. Создавалось впечатление, что улыбалась она мало. – Как давно ты здесь?

– Около года. Я занимаюсь уборкой.

– Вижу.

Она предположила, что это называется «профессиональное обучение».

– Как твои дети, Нетти?

– В порядке, сестра Берк, в порядке. У меня не было возможности поблагодарить вас за то, что вы пришли к ним, когда я была в окружной тюрьме. Когда вы с ними поговорили, это очень помогло – и им, и мне.

– Я рада, что так вышло, Нетти. Теперь позаботься о себе. Дай Бог здоровья.

Заполнив бланк, сестра Берк вернула его на стойку. Теперь там была молодая женщина.

– Пожалуйста, пойдите со мной, сестра, – сказала она. – Извините, мы должны вас обыскать.

– Не извиняйтесь, – спокойно сказала сестра Берк. – Я уже была в тюрьмах, я знаю режим.

В тесной комнатенке для досмотров сестра Берк сняла тяжелое пальто, туфли, пояс. Она была не в обычной монашеской одежде, а в темно-синей шерстяной юбке, простой белой блузке и темно-синем свитере. Коротко стриженные сзади и по бокам и зачесанные со лба волосы были все еще темно-русыми, но уже с легкой проседью. Она напоминала Морин Стэплтон, но поменьше и красивее.

По завершении процедуры обыска, включая осмотр портфеля, на тыльную сторону правой руки сестры Берк нанесли отметку ультрафиолетовыми чернилами, и монахиня прошла через металлоискатель перед большими дверями из стекла и металла. Когда открылся элек-

тронный замок, раздалось громкое жужжание, сестра Берк толкнула двери и вошла в очень большую комнату с множеством столов и стульев. В ней оставалось всего несколько посетителей: зимой солнце садилось рано, и большинство предпочитало отправляться в обратный путь до наступления темноты. На зарешеченной сверху стойке вдоль одной из стен заключенные и посетители могли купить кофе, безалкогольные напитки, закуски и пиццу, приготовленную в микроволновой печи. В углу перед скамейкой с нарисованным позади нее фоном стоял полароид, и за доллар можно было сфотографироваться. Вдоль другой стены располагалось несколько застекленных отсеков для свидания с адвокатами и других частных встреч. В данный момент все они пустовали.

Другая охранница встала из-за стола, который был расположен так, чтобы видеть всю комнату, и подошла к сестре Берк.

– Вы можете воспользоваться любой из личных комнат, сестра, – сказала она. – Коломбо уже ведут.

– Спасибо.

Сестра Берк выбрала самый дальний от караульного поста отсек. Как она сказала, в тюрьмах ей бывать доводилось.

Дочка фермера из Морриса в штате Миннесота Маргарет Берк сорок лет была монахиней в Конгрегации Святейшего Сердца Иисуса. Прежде чем принять постриг, она получила степень бакалавра педагогики в Колледже Дюшен Сестер Святейшего Сердца Иисуса в Омахе, а затем начала педагогическую карьеру в католической академии в штате Иллинойс, в Лейк-Форесте – богатом пригороде Чикаго. В то же время она сама получала высшее образование в Университете Лойолы. В конце концов она сначала стала магистром, а потом доктором психологии и возглавила кафедру психологии Колледжа Барат Сестер Святейшего Сердца Иисуса в Лейк-Форест. Убежденную сторонницу женского высшего образования, ее в итоге назначили президентом колледжа.

Одновременно сестра Берк отстаивала права женщин множеством других путей, работая с такими группами, как «Комитет американских епископов по экуменизму» и «Чикагский архиепископский комитет по правам человека». Тем не менее Маргарет Берк всегда понимала, что необходимо делать еще больше, в особенности в районах не столь элитных, как кампус колледжа в Лейк-Форест. Вскоре она вошла в консультативный совет организации «Юридическая помощь матерям-заключенным в Чикаго». С этого момента дело ее жизни было неразрывно связано с тюрьмами.

В мае 1976 года после двадцати двух лет руководства колледжем Барат сестра Маргарет Берк ушла в отставку с поста президента колледжа. Ей было чуть за шестьдесят, и у нее появилось время заняться пришедшим на смену любимой педагогике делом – работой с обездоленными женщинами: бездомными, жертвами насилия, заключенными. Она стала главным психологом и консультантом приюта Марии для женщин в чикагском Саут-Сайде. Проведя всю жизнь в пригороде Лейк-Форест, сестра Берк перешла на другой конец общественного спектра: в гетто.

Работая в приюте, неутомимая монахиня одновременно начала консультировать женщин в тюрьме округа Кук. В том же месяце Патрисию Коломбо, девятнадцати лет, заключили под стражу до суда за убийство отца, матери и брата.

Женское отделение тюрьмы округа Кук было трясинной отчаяния, безнадежности и опасности. Шесть ярусов чуть не сплошь черных и коричневых лиц, от обалдевших от дури еле стоящих на ногах наркоманок до гром-баб, прячущих в носке кусок мыла, чтобы «засветить» им в нужный момент в лицо любой, кто «не нравится». Между двумя этими полюсами были воровки, проститутки, истязательницы детей, отчаявшиеся женщины, застрелившие или зарезавшие мужей, приятелей, сутенеров или «соперниц», пытавшихся *украсть* у них мужей, при-

ятелей, сутенеров. Тут были укрывательницы краденого, наркоторговки, сообщницы парней, сидевших в мужской тюрьме в ожидании суда за грабежи, кражи со взломом, автоугоны, подделки документов – за весь спектр противозаконной деятельности.

Некоторые заключенные уже были осуждены и отбывали в окружной тюрьме наказание, большинство других знали, что их *осудят* и либо оставят здесь, либо отправят в одну из женских тюрем нестрогого режима, либо, в худшем случае, в отделение строгого режима Дуайт. От этого нервы у многих были на пределе. Все это напоминало яму со змеями, малейшая встряска – и вспыхнут серьезные разборки.

Поместить Патрисию Коломбо после предъявления обвинения в тройном убийстве в женскую тюрьму было все равно что отправить изнеженного, избалованного домашнего котика в джунгли с *настоящими* кошками. Тюрьма округа Кук была последним местом на земле, где следовало находиться белой девушке из пригорода. Патрисия сразу заболела – физически, организм исторгал даже мясное ассорти, плавленый сыр и газировку. Между приступами тошноты она съезживалась на койке, как пойманное животное. Поднимая глаза, она видела любопытные взгляды черных или смуглых, неспособных устоять перед соблазном поглазеть на обвиняемую в убийстве отца, матери и младшего брата. Больше всего вопросов вызывала последняя жертва преступления: «Тринадцать? Этому мальчику тринадцать лет? Боже всемогущий! Как же *мерзко*, детка».

Патрисия похудела настолько, что тюремщики забеспокоились и направили ее на психиатрическую экспертизу, вынесшую заключение о потенциальной склонности к самоубийству – кроме того, несомненно, приняли во внимание известность заключенной, – и из камеры ее перевели в тюремную больницу. Частично ее состояние обуславливалось синдромом отмены высоких доз валиума, тело, внезапно лишенное транквилизатора, восстало против всего: еды, сна, сосредоточенности. У нее появились сильная сыпь, понос, аритмия. Прежде чем вернуть ее в камеру из госпиталя, ее состояние надо было стабилизировать.

– Я не вернусь в камеру, – поклялась Патрисия. – Я убью себя.

Чернокожая Дарси с соседней кровати ухмыльнулась:

– Неужели? Как ты себе это представляешь, девочка?

– Я найду способ, – заявила Патрисия. – Как-нибудь я это сделаю. Мне все равно незачем жить.

– Дорогуша, каждый *зачем-то* живет, – сказала афроамериканка.

Пару дней спустя Дарси спросила:

– Ты Патти Коломбо?

– Да.

Снова усмешка.

– Держу пари, женщины в тюрьме оставили тебе достаточно пространства для ходьбы!

– Не поняла, что ты имеешь в виду?

– А то, что, держу пари, они не вставали на твоём пути, не хотели тебя беспокоить.

– Они подходили к моей камере и смотрели на меня, как на какую-то уродку, – сказала ей Патрисия.

Дарси удивилась.

– Неужели? И чем ты ответила, девочка?

Патрисия пожала плечами.

– Я просто пыталась их игнорировать.

– Неправильно, – покачивая головой, решительно произнесла Дарси. – Милая, в ответ тебе нужно прямо смотреть им в глаза. Послушай, Патти, – она села на край кровати, – ты тут надолго, черт возьми, даже через шесть месяцев вряд ли пойдешь в суд. Ты не должна позволять этим тюремным сукам так тебя опускать, иначе, детка, не заметишь, как будешь им отли-

зывать, просто чтобы выжить. Теперь послушай, ты – тройная убийца, понимаешь? И неважно, мать твою, *действительно* ли ты виновна или нет, пока тебя не отпустят, ты – тройная убийца, точка. Значит, и *вести себя* ты должна соответственно. Если одна из этих сук на тебя уставится, уставься на нее в ответ. И веди себя так, как будто ты с легким прибабахом, ясно? Бормочи под нос, расхаживай взад и вперед или по кругу, точно едва сдерживаешься, чтобы не взорваться. Дыши тяжело, точно у тебя припадок. Сделай так, и твоя жизнь сильно упростится...

Дарси оказалась права.

Сразу по возвращении Патрисии из больницы наглая маленькая пуэртиканка сказала: – Эй, посмотрите-ка, кто вернулся – Фея Динь-Динь из пригорода⁶.

По коридору у камеры слонялось полдюжины женщин с одинаковым бандитским самодовольством.

Патрисия встала с койки и подошла к открытым настежь дверям камеры. Глядя на пуэртиканку, она тихо спросила:

– Что ты сказала?

– Я сказала, вернулась Фея Динь-Динь из пригорода, – повторила, улыбаясь и оглядываясь на других, девушка.

Патрисия, не мигая, уставилась на девушку своими большими карими глазами. Она шагнула из камеры.

– Что ты сказала? – спросила она снова, на этот раз даже тише.

– Я сказала... – голос пуэртиканки дрогнул, когда две стоявшие рядом с ней женщины внезапно ушли.

– Эй, вы куда, черт возьми? – спросила она.

– Скажи мне еще раз, что ты сказала, – повторила Патрисия. Она сжала губы, ноздри у нее раздулись. Ушли еще две женщины.

– Скажи мне еще раз, что ты сказала.

Она напоминала заевшую пластинку. Глаза у нее были широко открыты, и в них было видно бешенство.

Маленькая пуэртиканка быстро прикусила нижнюю губу и покачала головой.

– Ничего, я ничего не говорила.

Она тоже ушла.

Оставшаяся заключенная, еще одна пуэртиканка по имени Лета, долго изучала взглядом Патрисию, затем полезла в карман платья и вытащила шоколадный батончик.

– Хочешь половинку «Бэби Рут»? – спросила она.

– Черт, да! – сказала Патрисия. – Конфет я не ела даже не помню с каких пор. Заходи.

Лета вошла в камеру Патрисии, разломав пополам шоколадку.

Дарси недооценила продолжительность пребывания Патрисии в тюрьме округа Кук, отдел 3, женская секция. Она не предстанет перед судом за убийство ее семьи в течение года и трех дней после ареста. Это будет очень долгий год.

Родственники Патрисии – тети, дяди, двоюродные братья и сестры – полностью от нее отказались после того, как ее обвинили в убийствах. Как будто все считали ее виновной. По сообщениям газет, они были заняты тяжбами, связанными с завещанием, а также решали, а не подать ли иск о клевете из-за заявлений официальных лиц о предполагаемой причастности Фрэнка Коломбо к преступному синдикату Чикаго.

⁶ Фея Динь-Динь – Tinker Bell в оригинале сказки Дж. Барри «Питер Пэн», одновременно это игра слов, тюремный жаргон: сочетание существа из низшего сословия и феи.

Не оставили Патрисию только крестная, тетя Джанет, вышедшая замуж и ставшая Джанет Морган, и ее приходской священник отец Уорд Моррисон, пастор церкви Королевы Святого Розария в Элк-Гроув-Виллидж. Тетя Джанет следила, чтобы у Патрисии всегда было пятнадцать или двадцать долларов на тюремном счету, а отец Моррисон совершал долгую поездку в город, чтобы навестить ее хотя бы раз в неделю.

Были назначены два общественных защитника представлять Патрисию на суде по делу об убийстве, многочисленные конференции адвокатов и другие юридические маневры требовали ее личного присутствия или внимания. Но это все отнимало совсем немного времени, и все остальные дни и ночи Патрисия сталкивалась с самыми изнурительными аспектами заключения: монотонностью, однообразием, отупляющей скукой, сеющей семена полной безнадежности. Чтобы не сойти с ума, Патрисия отчаянно искала способ душевного освобождения.

– Что это за «Институт женщин сегодня»? – спросила она однажды утром Лету. – У них есть здесь, в тюрьме, какие-нибудь занятия?

– Да, их ведут какие-то монахини, – сказала Лета. – Думаю, это уроки писательства или что-то в этом роде.

Патрисия решила это проверить. Когда собрался следующий класс «Института женщин сегодня», она пришла и встала в уголке общей комнаты, которую тюрьма выделила для этого мероприятия. Пока она там стояла, к ней подошла зрелая женщина в клетчатой куртке.

– Привет, малыш, – сказала женщина.

– Привет. – Патрисия пристально на нее посмотрела. – Вы монахиня?

– Да, но не надо меня за это винить.

Женщина протянула руку.

– Я сестра Маргарет Трэкслер. Тебя интересует семинар?

Патрисия пожала руку и ответила неопределенно:

– Возможно. Что все это значит?

– Это семинар по написанию дневников, – объяснила сестра Трэкслер. – Мы пытаемся показать участницам, как осознать свои страхи и другие чувства, записывая их в личный дневник, а затем анализируя написанное. Они могут либо поделиться этим с другими участницами, либо оставить все при себе – это дело каждой. Важно, что, излагая на бумаге, ты выкидываешь это из головы. Когда ты можешь взглянуть на свои проблемы на листе бумаги, они не так сложны.

Сестра Трэкслер слегка наклонила голову.

– Ты хочешь попробовать?

– То, что ты пишешь, не нужно никому показывать?

– Ни единой душе. Ты можешь записать, а потом сжечь, если захочешь. – Монахиня подмигнула. – Я даже принесу спички.

Патрисия на семинар записалась.

Проучившись в классе написания дневников несколько недель и наблюдая за сестрой Маргарет Трэкслер, Патрисия сказала одной из добровольных помощниц:

– Трэкслер точно не похожа ни на одну из монахинь, которых я когда-либо видела...

– Она не обычная монахиня, – согласилась помощница. – С семнадцати – более тридцати пяти лет – она работала в школах Сестер Нотр-Дама. Всю свою жизнь она посвятила служению другим. В шестидесятые годы участвовала в марше за свободу в Сельме, штат Алабама. Она организовывала семинары по межрасовым отношениям для «Национальной католической конференции за межрасовую справедливость». Выступала против войны во Вьетнаме. А год назад премьер-министр Израиля Голда Меир вручила ей Медаль Государства Израиль за многолетнее содействие взаимопониманию между христианами и евреями. Основанный ею «Институт женщин сегодня» не только это, – сказала помощница, имея в виду семинар по написанию

журналов, – в нем есть классы по обучению женщин их законным правам. И классы профессионального обучения рабочим специальностям. У сестры Трэкслер самые разные проекты.

Помощница улыбнулась.

– О ней ходит поговорка. Сестра Трэкслер похожа на ржавчину. Она никогда не отдыхает.

Когда сестра Маргарет Берк, психолог, начала консультировать женщин в окружной тюрьме, она и сестра Трэкслер иногда сравнивали записи о своих начинаниях, а также об отдельных заключенных. Патрисия Коломбо была естественной темой их разговоров.

– Когда я впервые о ней прочитала, – призналась сестра Трэкслер, – я была потрясена. Обвинения против нее были невероятными и немыслимыми.

– Да, – согласилась сестра Берк. – Жестокость преступления не уместается в голове.

– Честно говоря, мне подумалось, что если ее признают виновной, я вряд ли смогу ее простить, – призналась сестра Трэкслер.

– Случись такое с моими близкими, не знаю, смогла бы я с этим справиться. Патти просила о консультации?

– Нет, – сказала сестра Берк. – Я хотела бы, чтобы она ко мне обратилась, я хотела бы попытаться ей помочь. Если она виновата, то сейчас она несет невообразимое бремя.

– Вы хотите, чтобы я посоветовала ей обратиться к вам за консультацией? – предложила сестра Трэкслер. – Мы не близки, но она в моем семинаре по написанию дневников. Иногда мы болтаем.

Сестра Берк отказалась.

– Не стоит. Думаю, что в ее случае она скорее всего откажется от любого предложения помощи и включит все свои защитные механизмы. О помощи она должна попросить сама. Сначала она должна признаться самой себе, что помощь ей *нужна*, а потом она должна о ней попросить.

– Как вы думаете, она попросит? – спросила сестра Трэкслер.

– Да, думаю, попросит, – ответила сестра Берк после минутного раздумья. – На это ей потребуется время.

На это потребовалось тринадцать лет.

Когда сестра Берк увидела Патрисию Коломбо, проходящую через комнату для свиданий в исправительном центре Дуайт в 1989 году, она ее не узнала. Только после того как Патрисия открыла двери в маленький отдельный кабинет со стеклянным окном, сестра Берк поняла, что это она. Девушка из окружной тюрьмы была ребенком с детским лицом, а перед ней стояла женщина за тридцать с *взглядом эчки*: пустым, жестким. Когда она вошла, сестра Берк улыбнулась и протянула руку.

– Что ж, Патти, мы наконец встретились. Как ты?

– Спасибо, сестра, я в порядке. Не могли бы вы не называть меня «Патти»? Я предпочитаю «Триш».

– Конечно. Когда ты перестала называться «Патти»?

Началось деликатное прощупывание.

– Несколько лет назад.

– Тебе больше не нравится имя «Патти»?

– Нет, терпеть его не могу. Я никому не позволяю называть меня «Патти».

– Понимаю.

Не потому ли, что Патти совершила убийство, а Триш не хотела брать на себя ответственность? Судья, вынесший приговор Патрисии, назвал ее «доктором Джекилом и мистером Хайдом». Возможно, его оценка была верна. Время покажет.

– Что ж, Триш, – сестра Берк сменила тему, – за эти годы я слышала о тебе много хорошего.

Патрисии подняла брови.

– Да? От кого?

– Тюремное сарафанное радио, – с хитринкой в глазах ответила монахиня. – Я не из туземцев, но барабаны слышу.

– Что обо мне говорят? – спросила Патрисия.

– Как хорошо у тебя идут дела, как ты приспособилась, как ты учишься – и в особенности как ты учишь здесь некоторых молодых, тех, кто даже читать не умеет. Это похвально.

– Я делаю это не ради похвалы, – спокойно сказала Патрисия.

Возникло легкое напряжение, поэтому сестра Берк свернула светскую беседу и подошла к цели визита.

– Я понимаю, – сказала она, – что тебе интересно изучить свое детство и юность, чтобы попытаться понять, как ты стала той, кем была в 1976 году.

– Да. Я пыталась сделать это сама, но, кажется, не могу с этим справиться. Я подумала, мне сможет помочь профессионалка.

– Понятно. Ты обсуждала этот вопрос с тюремным психологом?

– Нет, я не буду разговаривать с мозгоправом Департамента.

Она имела в виду Департамент исправительных учреждений.

– Могу я спросить почему?

– Во-первых, все, что заключенный говорит мозгоправу Департамента, не является конфиденциальным. Все, что ты сказала, попадает в твое тюремное досье, его может прочесть персонал, охрана, сотрудники отдела помощи заключенным, кто угодно. Во-вторых, персонал Департамента исправительных учреждений, включая психиатров и психологов, – преимущественно мужчины. Меньше всего мне надо, чтобы мои проблемы мне помогал решить другой мужчина.

– Насколько я понимаю, с тех пор, как ты здесь, ты не проходила психологического освидетельствования? – спросила сестра Берк.

– Только освидетельствование в первую неделю при поступлении сюда. Продолжалось оно минут пять.

– Ты знаешь его результаты?

– Конечно. Было решено, что я социопат и они не могут меня перевоспитать.

– Как ты к этому относишься?

Патрисия пожала плечами.

– С моим перевоспитанием они были правы, *они* не смогли бы меня перевоспитать и за миллион лет. Я перевоспитала себя сама.

– Тогда зачем тебе нужна я? – спокойно спросила сестра Берк.

– Чтобы узнать, как я попала в ситуацию, или состояние, или что-то еще, где мне *понадобилось* перевоспитываться. Я хочу знать, что со мной произошло в детстве, почему это произошло и что именно произошло.

– Ты говоришь о каком-то конкретном моменте своего детства?

– Да. В детстве меня насиловали. Я... я только начала это вспоминать...

– Понимаю, – кивнула сестра Берк. – Кто, Триш?

– Мой... мой отец.

В тот миг, когда Патрисия произнесла эти слова, в этот бесконечно малый миг времени сестра Берк уловила в голосе Патрисии легкую неуверенность.

В чем эта неуверенность, сестра Берк не знала. И сомневалась, знала ли сама Патрисия.

– Хочешь мне об этом рассказать?

– Сестра, я... хочу попробовать...

8

Июнь 1970 года

Когда Патрисии было четырнадцать, атмосфера в семействе Коломбо царила в целом спокойная и расслабленная. Фрэнк Коломбо был печально известен крутым нравом, порой даже дома, но на жене, дочери или сыне специально не отрывался. По отношению к семье Фрэнк был воплощением терпения и сдержанности. Для него мир делился на три части: дома, вне дома и на стадионе «Ригли Филд». Дома он пребывал в максимальной гармонии с собой – кроме обычно волновавших его телетрансляций игр «Кабс» или вспышек гнева, когда, по его мнению, сосед делал что-то не так, дома Фрэнк Коломбо обычно был спокоен.

Семейство чувствовало себя раскованно. Фрэнк и Майкл ходили по дому в нижнем белье: Фрэнк – в длинных трусах, Майкл – в коротких. Патрисия, день ото дня все больше оформлявшаяся, слонялась в ночных рубашках. Самой консервативной оставалась Мэри Коломбо, если и в ночнушке, то обычно с поддетым нижним бельем или накинув халат. Как кто одет, никто в доме особого внимания не обращал. В конечном итоге недовольство такой неформальностью выразили *посторонние*.

– Мэри, – говорила, как выяснилось, наедине подруга или родственница, – тебе не кажется, что Патти слишком великовозрастная, чтобы так выставлять напоказ все, что у нее есть?

Мэри пожимала плечами.

– Это только здесь, в доме.

Позже она рассказала об этом Фрэнку:

– Эта сказала, что считает Патти слишком великовозрастной, чтобы бегать по дому в ночной рубашке.

– Слишком великовозрастной? Ради всего святого, она просто ребенок, – раздраженно ответил Фрэнк. – Кроме того, она дома. Что, черт возьми, с людьми? Зачем надо искать проблемы?

Иногда комментарии касались не Патрисии, а Фрэнка.

– Мэри, почему бы тебе не купить ему пижаму? По крайней мере, тогда он мог бы застегнуть ширинку. Семейные трусы не для променада.

– Фрэнк не будет носить пижаму, – сказала Мэри.

– Мэри, но он же должен *что-нибудь* надеть. Это неприлично.

Мэри снова пожимала плечами.

– Это же дома.

После пятнадцати лет с Фрэнком Коломбо она усвоила многие принципы мужа, его философии. Фрэнк чувствовал, что если это дома, то все в порядке.

Первый кошмар Патрисии приснился в четырнадцать.

В двухуровневом доме Коломбо было четыре спальни, две верхние и две нижние. Спальня Фрэнка и Мэри находилась на верхнем, главном, уровне. На том же уровне для удобства родителей спал и слишком еще маленький Майкл. Спальня Патрисии была одной из двух на нижнем уровне, другую мать использовала для случайных гостей или как кладовку.

Патрисию никогда не беспокоило, что она спала в одиночестве на нижнем этаже. Спальня внизу давала ей уединение, которого были лишены остальные. Ночью внизу обычно никого не было. И ни там, ни где-либо еще в доме она не испытывала страха, в жизни она нигде не чувствовала себя в большей безопасности, чем в доме на Брэнтвуд, 55.

Патрисия не помнила ни одного кошмара – даже в раннем детстве дурные сны никогда ее не тревожили. Поэтому, когда это случилось в первый раз, она оказалась совершенно не готова к этому.

Больше всего ее поразила его ясность. Точно кино...

У ее кровати, глядя на нее сверху вниз, стоял мужчина в расстегнутых штанах, болтая перед ней вялым членом и очень тихо зовя ее по имени:

– Патти, милая. Патти, проснись...

Во сне Патрисия открыла глаза и с отвращением посмотрела на него. Она ничего не сказала, но ее мысли во сне: «В моей спальне он этого делать не может...» были такими же ясными, как и слова мужчины: «Патти, милая, это я, Патти, я тебя люблю. Милая, ты меня любишь?»

Она по-прежнему ничего не говорила. С чувством величайшего отвращения она наблюдала, как его безвольный член начал утолщаться и расти, теперь мужчина тербил головку, точно рычаг скоростей.

– Дорогая, ты хочешь сделать это со мной? – спросил он.

Она отказалась ему отвечать, во сне губы у нее были плотно сжаты. Ее взгляд переместился на его лицо, она посмотрела на него с вызовом, потом снова посмотрела на его пенис, теперь полностью возбужденный, с вздувшимися венами, пульсирующий...

– Патти, я хочу пройти с тобой весь путь до конца, – успокаивающе-увещающим тоном произнес мужчина. – Давай, милая, как хорошая девочка...

Патрисия забилась в дальний угол кровати, ближе к стене, повернулась к нему спиной. Она закричала:

– Нет! Нет! Я не буду! Не-е-е-т!

Потом она почувствовала его руку на плече...

* * *

– Патти! Что случилось? Патти, проснись!

Открыв глаза, Патрисия уставилась на стену в десятке сантиметрах от лица, не зная, проснулась она или еще спит. Рука у нее на плече казалась очень реальной. Приподнявшись на локте, она оглянулась через плечо. Рядом с ней на кровати лежал отец, рука на плече была его. Она полуобернулась к нему. Ее ночная рубашка была очень высоко задрана, а длинные голые ноги слегка согнуты в коленях. Широкая отцовских семейников расстегнута, а пенис, вялый, как у мужчины из начала кошмара, касался ее голого бедра.

– Патти, милая, в чем дело? – спросил отец. – У тебя все нормально?

Патрисия шарахнулась от него, резко отстраняясь от прикосновения его ужасной – жуткой – *штуковины*. Сев, она крикнула:

– Уйди от меня!

– Патти, дорогая, все в порядке, – успокаивал ее отец. – Тебе, верно, приснился кошмар.

– Оставь меня!

Съежившись, она отпрянула к изножью кровати и встала, одергивая ночную рубашку, чтобы прикрыться. Как испуганное животное, она попятилась к дверям. Внезапно раздались шаги по лестнице, идущей с главного этажа. Когда Патрисия отступила в прихожую, к ней в ночной рубашке и халате поспешила мать.

– Что случилось? – встревоженно спросила Мэри Коломбо. – Что здесь происходит?

– Скажи ему, чтоб он от меня отстал! – крикнула Патрисия.

Из спальни Патрисии в трусах и майке вышел Фрэнк.

– Ей, верно, приснился кошмар или что-то в этом роде. Я услышал ее крик и спустился посмотреть, что случилось...

Патрисия отвернулась от них обоих и побежала вверх. Фрэнк и Мэри последовали за ней. Ее искали на главном уровне – гостиная, кухня, ванная. Наконец они нашли ее в постели с Майклом, прижавшуюся к нему, как будто он был старший, а она – младшая. Майкл, не обращая на это внимания, спал как убитый, как спят только мальчики.

Глядя на дочь, Фрэнк Коломбо устало вздохнул и покачал головой.

Мэри Коломбо, раздраженно махнув рукой, сказала:

– Оставь ее.

Родители вернулись в свою спальню.

На следующее утро, когда Фрэнк ушел на работу, а Майкл на задний двор, Патрисия вошла на кухню и налила себе стакан апельсинового сока. За столом с чашкой кофе и утренней газетой сидела мать.

– Что это было вчера вечером? – спросила Мэри Коломбо.

– Ничего, – пробормотала Патрисия.

– Тебе приснился кошмар?

– Не знаю.

Она не скрытничала. Она *думала, что* это был кошмар, но проснувшись и обнаружив там отца с его... его...

– Ну, либо это был кошмар, либо нет, – нетерпеливо сказала Мэри. – Ты что-нибудь об этом помнишь?

– Нет.

Она не могла заставить себя рассказать матери о мужчине во сне, потому что знала, что мать спросит, кто этот мужчина. Его лицо Патрисия вспоминать не хотела.

– Отец сказал, что ты кричала: «Нет, нет, нет». Это ты помнишь?

– Помню.

– Ну, и что тебе снилось?

– Я не помню.

Мэри покачала головой.

– Для разбудившей весь дом ты мало что помнишь.

– Я не разбудила весь дом, – возразила Патрисия. – Я не разбудила Майкла.

– Майкла и землетрясение не разбудит.

Патрисия допила апельсиновый сок, положила в тостер две замороженные вафли и сказала:

– С этого момента я хочу спать в комнате Майкла.

– Не смейся, Патти Энн.

– Я не смею. Одной мне там страшно. У Майкла две односпальные кровати. Я хочу спать в его комнате.

В этот момент, словно зная, что о нем говорят, хлопнув задними дверями, вошел Майкл. Ни слова не говоря, он подошел к холодильнику, открыл его и принялся критически изучать его содержимое.

– Майкл, – сказала мать, – твоя сестра хочет спать в твоей комнате. Она говорит, что боится спать внизу.

– Хорошо, – сказал Майкл. Он взял из ящика с фруктами две сливы и захлопнул дверцу холодильника.

– Ты не против, чтобы сестра спала в твоей комнате? – изумленно спросила Мэри.

– Нет, – пожав плечами, ответил Майкл. Когда он вышел из кухни, Патрисия схватила его, обняла и поцеловала в щеку. Майкл повернулся и отпрянул от нее.

– Прекрати, Патти! – воскликнул он, вытирая щеку, точно она измазала ее щелочью. Это был Майкл: он не возражал, чтобы старшая сестра спала в его комнате, если она боится спать внизу, но ни за что не хотел, чтобы она его *целовала*.

Патрисия всячески пыталась убедить себя, что вытаскивавший перед ней эрегированный пенис *мужчина* был приснившимся ей *кошмаром*, а отец *оказался* в ее постели, только чтобы помочь ей, потому что услышал, как она кричала: «Нет, нет, нет!» Она действительно помнила, как кричала – но сомневалась, во сне это было или наяву. К сожалению, она *не сомневалась* в том, что когда пенис отца касался ее голого бедра – это было на *самом деле*.

Она думала, а сколько из того, что казалось сном, было реальностью? Насколько мужчина во сне – ее отец и насколько отец – мужчина во сне?

Инцидент мучил ее. Она зорко наблюдала за отцом в поисках приметы, знака, которые подтвердили бы его отвратительные намерения. Она не совсем понимала, чего ждала: взгляда, жеста, может, прикосновения. Но прошло несколько недель и ничего не случилось. Фрэнк ничем не отличался от того, каким он был до кошмара, тот же отец, которого она всегда знала.

Тем не менее она отказывалась вернуться на нижний уровень и спать одна в комнате.

Сначала Патрисия подумала, что, когда отец услышит, что она хочет спать в комнате Майкла, он будет против. Мэри Коломбо тоже подумала, что муж немедленно наложит вето на этот план. Тем же утром, после того, как Майкл сказал, что ему все равно, Мэри предупредила Патрисию, чтобы она на это не рассчитывала.

Однако Фрэнк Коломбо удивил их обеих.

– Что об этом думает Майкл? – спросил он вечером.

– Фрэнк, ему, кажется, все равно, но дело не в этом, – сказала Мэри. – Дело в том, что у Патти есть собственная спальня, и она должна в ней спать.

– Да, но если Майклу все равно, в чем дело? – пожал плечами Фрэнк. – Скорее всего, это всего на несколько ночей, пока она не забудет этот кошмар. Мэри, я не вижу в этом ничего плохого.

Как только Фрэнк высказал свое мнение, Мэри больше не возражала. За много лет Мэри Коломбо прекрасно выучила свою роль и хорошо знала мужа. Если Фрэнк считал, что для Патти Энн нормально спать в комнате Майкла, а не в своей собственной, Мэри не собиралась с этим спорить.

Начиная со следующей после кошмара ночи Патрисия спала в комнате брата.

9

Февраль 1989 года и октябрь 1973 года

Когда Патрисия закончила рассказ, сестра Берк на мгновение задумчиво поджала губы. Потом она сказала:

– Во сне у тебя была мысль, которую, по-моему, следует изучить, ты сказала, что подумала о мужчине из сна: «В моей спальне он этого делать не может...» *В моей спальне*. Когда у тебя возникла эта мысль, ты чувствовала, что где-нибудь в другом месте он это делать мог?

– Нет, я не помню, чтобы чувствовала это, – ответила Патрисия.

– У тебя было ощущение, что мужчина из сна был близок с тобой раньше?

– Да, очень сильное.

– Было ли у тебя это ощущение до того, как он сказал: «Патти, я хочу пройти с тобой весь путь до конца?» – или это ощущение появилось только после того, как он это сказал?

– Я... я не знаю. Извините.

– Не извиняйся, – посоветовала сестра Берк. – Когда мы что-то не помним, мы не виноваты, – никогда.

Она беззвучно постучала указательным пальцем по столешнице.

– Итак, у тебя было ощущение, что мужчина из сна был с тобой близок раньше. Много раз?

– Я... я думаю. Когда... я была совсем маленькой.

– До четырнадцати?

– Да.

– Насколько маленькой?

Патрисия пожала плечами.

– Двенадцать, – она на мгновение задумалась. – Десять. Восемь.

Она снова пожала плечами.

– Даже младше.

– Триш, мужчина во сне – твой отец?

– Я... не знаю. Я не уверена...

– Можешь вспомнить другой случай, когда отец трогал тебя, как в тот раз, когда тебе приснился сон?

– Я помню, как однажды он меня поцеловал, – сказала Патрисия.

– Отцы все время целуют дочерей, – заметила сестра Берк.

– Это не был поцелуй отца и дочери, – сказала Патрисия. – Даже близко.

– Расскажи мне об этом, – попросила сестра Берк.

Однажды ночью, когда ей было семнадцать, три года спустя после кошмара, Патрисия пришла домой из «Уолгрин», где работала на полставки, позже обычного и обнаружила отца, обмякшего в кресле в гостиной. В руке у него была открытая банка пива, а на лице выражение потери.

– Где ты, черт возьми, была, Патти Энн? – спросил он. Его тон был подозрительно лишен гнева.

– Я работала сверхурочно, а потом пошла поесть еще с парой девушек, – сказала она. – Извини, мне следовало позвонить.

Она хотела его обойти, надеясь, что с тем он ее отпустит, но вдруг со страхом поняла, что этого не произойдет. Тем не менее он на нее не злился, и она подумала, что могла ошибаться.

– Просто дай мне пройти в мою комнату, – взмолилась она.

– Твоя мать в больнице, – сказал Фрэнк Коломбо, прежде чем Патрисия успела выйти.

Она остановилась и недоверчиво повернулась к нему, на миг потеряв дар речи.

– Врачи думают, что у нее может быть рак. Толстой кишки. Ей они еще не сказали, но сказали мне. Завтра они собираются сделать ей кое-какие анализы, чтобы узнать наверняка.

Патрисия была ошарашена.

– Но как... я имею в виду, когда...

– С неделю у нее были сильные боли в животе – и что-то навроде судорог. И понос, чер-
ный. И она теряла вес – по полкилограмма в день с прошлой пятницы. Сначала она подумала,
что это такое пищевое отравление – как называется это тяжелое пищевое отравление?

– Сальмонеллез?

– Да. Сначала она подумала, что это оно. Но спазмы в животе становились все хуже и
хуже. И, наконец, сегодня вечером я отвез ее в отделение неотложной помощи Алексанского
братства. Они осмотрели ее и сделали анализ крови, а затем сказали, что она должна остаться.
Я посидел с ней, пока она не уснула, а потом вернулся домой.

– Я даже не знала, что она заболела, – сказала Патрисия не только отцу, но и себе.

– Откуда, черт возьми, тебе знать? – обвиняюще заявил Фрэнк Коломбо. – Тебя вечно
нет дома, вечно нет рядом.

Он отхлебнул пива и угрюмо посмотрел на нее.

– К твоему сведению, я звонил в «Уолгрин» из больницы. Там сказали, что ты не на
работе.

– Ну, я... я еще работала на складе. Может, тот, с кем ты говорил, не знал, что я там.

– Да. Может быть. Я попросил поговорить с менеджером магазина – напомни, как его
там?

– Э, мистер Делука. Фрэнк Делука.

– Да, Делука. Я просил поговорить с ним, но его тоже не было.

Патрисия не поняла, был ли это наезд или нет. «Наверное, нет. Надеюсь, что нет», –
подумала она. Отец явно очень расстроен, очень встревожен и, вполне естественно, не совсем
отдает себе отчет в том, что говорит. Ему требовалось утешение, понимание. Патрисия взяла
его за руку.

– Папа, пойдем на кухню. Я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

– Я не голоден.

– Может, кофе?

Он покачал головой.

– Нет.

– Когда тебе нужно вернуться в больницу? – спросила она.

– Они собираются сделать ей несколько анализов рано утром, до еды. К десяти часам или
около того они намерены выяснить, что это.

– Завтра я не пойду на работу, и мы поедем вместе, – сказала Патрисия. – Майкл знает?
Фрэнк Коломбо покачал головой.

– Он знает, что она в больнице, но не знает, насколько все серьезно.

– Что ж, давай ему не будем пока говорить, – решила Патрисия. – Скажем, что это аппен-
дицит. Матери его друга удалили аппендикс, и через пару дней она вернулась домой, поэтому
он знает, что это не страшно.

– Хорошо, – сказал отец. – Если ты думаешь, что так будет лучше.

Она все еще держала его руку и ласково потянула его к себе.

– Пойдем, пора спать. Сейчас для тебя самое лучшее – хорошенько выспаться. Утром я
приготовлю нам всем завтрак и отвезу Майкла в школу. Потом мы с тобой поедем в больницу.
Как тебе мой план?

– Хорошо. Хороший план, Патти.

Он позволил ей отвести его в спальню. У дверей в спальню он похлопал ее по руке.

– Спасибо, милая. Увидимся утром.

На следующий день в больнице Алексанского братства им сказали, что утром Мэри Коломбо прошла ирригоскопию и ей поставили диагноз «колоректальный рак»; однако врач считает, что они вовремя успели, и что ей рекомендована операция в форме колостомы, только надо взять еще несколько анализов.

– Мы хотим сделать внутривенную пиелограмму, чтобы проверить состояние ее почек. И колоноскопию, чтобы проверить состояние всей ее толстой кишки. Прежде всего это мера предосторожности, чтобы исключить непредвиденные ситуации во время операции.

После разговора с доктором Фрэнк Коломбо помрачнел.

– Он нам врет, – сказал он Патрисии, когда они поздно вечером вышли из больницы.

– Папа, это глупо, – сказала Патрисия. – Зачем ему врать?

– Он проверяет ее почки, потому что считает, что там тоже рак. И если рак не в одном месте, она не выживет.

Он с трудом сглотнул.

– Патти, мы ее потеряем...

– Нет! – заплакала Патрисия. – Папа, не говори так и не думай! Мама это переживет! Мы все это переживем!

Вернувшись домой, они забрали Майкла у соседей, потом Патрисия приготовила на ужин спагетти.

Майкл подозревал, что у матери что-то посерьезнее аппендицита, и ужин был омрачен необходимостью притворяться и убеждать Майкла, что мама скоро поправится и вернется домой. Майкл, как обычно, помалкивал и притворялся, что верит отцу и сестре, но те понимали, что это лишь вопрос времени и обладающий железной волей мальчик рано или поздно потребует правды.

Поздно ночью накануне операции Патрисия, снова спавшая в своей спальне, проснулась от непонятного шума и встала посмотреть, в чем дело. Незадолго до этого она заметила, что Майкл ворочался в своей постели, вошла, села на край кровати и некоторое время нежно гладила его по спине, пока он не успокоился. Она знала, что он тревожится из-за предстоящей маминной операции, если бы не это, он бы, как обычно, спал без задних ног.

Поэтому, услышав шум, Патрисия сначала решила, что это снова Майкл, но, заглянув в его комнату, увидела, что он недвижим, как статуя. Потом она подумала, что это отец на кухне. И, да, это был Фрэнк, только он сидел не на кухне, а в своем кресле в гостиной, и глядел на другое кресло, в котором обычно сидела Мэри. В тусклом свете ночника из прихожей Патрисия с удивлением разглядела, что отец полностью одет, хотя пошел спать два часа назад.

– Папа, что ты делаешь? – спросила она, подходя к нему. – Почему ты не лег спать?

– Зачем ложиться спать? – сказал он. – Зачем? Я не смогу заснуть.

– Ну, по крайней мере, ляг в постель, – сказала Патрисия, вставая перед ним на колени. Она положила руки ему на колени. – Почитай немного, может, тебе удастся заснуть. По крайней мере, ты отдохнешь. Ты не можешь просто просидеть тут в темноте всю ночь...

Отец так резко встал, что она чуть не упала. Она тоже встала, чтобы посмотреть ему в лицо.

– Патти, мне страшно...

Она впервые слышала, что у него дрожал голос, и это одновременно удивило и тронуло ее. Она обняла его.

– О, папа...

Внезапно он крепко, отчаянно схватил ее, сильными руками прижал к себе, заключив в жадное, требовательное объятие. Наклонившись вперед, уткнулся лицом ей в шею и плечо.

– Мне так страшно, Патти...

– Я знаю, что тебе страшно, папа. Мне тоже...

Он выпрямился и одной рукой прижал ее голову к своей груди. Его руки сжали ее тело, как оковы.

– Патти... Патти...

Она почувствовала, как Фрэнк взял ее за подбородок, приподнял лицо, а потом ощутила на своих губах губы отца, он пылко, страстно ее целовал, совсем не как отец, скорее как... Мысли Патрисии вернулись более чем на десятилетие назад, в квартиру на Огайо-стрит, в тот день, когда мать принесла Майкла из больницы домой, где было полно друзей и родственников, а маленькая Патти держала младшего брата на коленях, играла с ним и улавливала обрывки разговора взрослых. Кто-то сказал: «...хорошо, что Патти старшая, я имею в виду, если через несколько лет что-нибудь, не дай Бог, случится с Мэри, тогда ты попросишь Патти Энн помочь вырастить Майкла, верно? Она сможет, так сказать, занять место Мэри как хозяйки дома...»

Губы отца все еще были на ее губах, Фрэнк Коломбо целовал ее как любовник – и она вспомнила ночь кошмара, пенис отца у себя на бедре...

«*Hem!* – кричал ее разум. – *Hem! Hem!*»

Ей хотелось выкрикнуть это не только в уме, а в полный голос, но губы, рот и язык оказались парализованы внезапным напором отца, так же как тело находилось в плену его могучих рук.

Патрисия начала сопротивляться, издавая гортанные приглушенные звуки, и так же внезапно, как и впились, отцовские губы оторвались от ее губ, а руки отпустили ее тело. Она могла закричать на него в полный голос, но не закричала. Вместо этого она попятилась, шаг за шагом отступая назад, и повторяла, как в ночь кошмара:

– Нет, нет, нет.

Отец в отчаянии и замешательстве покачал головой.

– Патти Энн, я... я...

Но она его не слушала. Она лишь пятилась назад и повторяла:

– Нет.

Потом отступала еще дальше и снова повторяла:

– Нет.

И так до тех пор, пока не оказалась в прихожей, вне его поля зрения. Затем побежала в свою комнату и заперла двери.

И подумала: «Я все время была права насчет него».

10 Май 1976 года

Ровно через неделю после обнаружения тел Рэй Роуз и его люди следили за домом Лэниона Ричарда Митчелла на Хильда-лейн, 837, в Лейк-Вилла, пригороде милях в двадцати пяти к северу от Элк-Гроув-Виллидж и всего в пяти – к югу от границы штата Висконсин. Роуз благодарил судьбу за то, что тот не уехал дальше, поскольку, пересеки он границу штата Висконсин, где у Роуза не было полномочий, расследование могло бы увязнуть в междуштатной бумажной волоките. За это время подозреваемым порой удавалось составить себе алиби.

Полицейские прождали пару часов, когда на подъездную аллею въехал «Шевроле Вега» 1974 года, за рулем мужчина, на пассажирском сиденье – молодая женщина.

– Проверь номер, – сказал Роуз одному из своих людей, – ар-ди-эм семьдесят четыре, Иллинойс.

Рэй Роуз вышел из своей машины, дав знак другим полицейским сделать то же самое. Пиджаки у всех были расстегнуты, все готовы были мгновенно достать оружие, никто из полицейских не знал, кто перед ними – наемный убийца или полная заурядность.

– Лэнион Митчелл? – спросил Роуз, осторожно подходя к «Веге».

– Да, – неуверенно сказал выходящий с водительской стороны мужчина. Он внезапно осознал, что вокруг него много других мужчин.

– Следователь Рэймонд Роуз из полицейского управления Элк-Гроув-Виллидж, – представился Роуз и спросил: – Вы знаете женщину по имени Патти Коломбо?

Лицо Лэнни Митчелла стало белым, как хлопок в поле. Инстинкт Рэя Роуза сразу подсказал ему, что он посредственность. Оружие у парня может *быть*, но ему никогда не хватит духу пустить его в ход.

– Мистер Митчелл, мы расследуем убийство семьи Коломбо, и у нас есть основания полагать, что вы причастны к этому преступлению, – прямо сказал ему Роуз.

Лэнни Митчелл чуть не упал в обморок.

Лэнион Митчелл никогда не был полицейским, как опасался Рэй Роуз. Короткое время он был гражданским служащим Департамента шерифа округа Кук, нанятым в рамках федеральной программы трудоустройства. Он *хотел* быть полицейским или хотя бы *близким* к копам по статусу, но в конце концов начал продавать подержанные машины в пригороде.

Через двадцать четыре часа после того, как Рэй Роуз его нашел, Лэнни Митчелл признался в следующем.

Осенью 1975 года он познакомился с Патти Коломбо.

Патти Коломбо попросила его достать ей «незасвеченный» пистолет.

Патти Коломбо попросила его убить ее родителей и брата.

Патти Коломбо согласилась заплатить по десять тысяч долларов за каждого из трех членов семьи, которых она хотела убить.

Заплатить за убийства Патти Коломбо собиралась из доходов от страховки и выручки от продажи имущества.

Патти Коломбо хотела, чтобы убийства произошли накануне праздника как подарок семье.

Патти Коломбо хотела присутствовать при убийствах. Патти Коломбо и ее парень Фрэнк хотели, чтобы убийства произошли как можно скорее.

Патти Коломбо сказала Лэнни, что двери, ведущие из гаража в дом, не будут заперты.

Патти Коломбо сказала ему, что среди ценностей, которые можно забрать из дома, меха и рация гражданского диапазона с двадцатью тремя каналами, но бриллианты забирать не надо, потому что она их унаследует.

Наконец, Патти Коломбо дала указание, что надо угнать семейный автомобиль, чтобы в последующие дни казалось, что дома никого нет, что замедлит обнаружение тел.

Митчелл также признался, что он активно участвовал в планировании убийств вместе с Патти Коломбо, сказав ей однажды, что сможет попасть в дом Коломбо, открыв электрические двери гаража, а оказавшись в доме, спрячется, убьет семью, когда та вернется, и возьмет некоторые ценности, инсценируя ограбление.

Он также признался, что собирался пойти с Патти Коломбо в дом для разведки помещений, но все сорвалось, потому что Мэри Коломбо в тот момент неожиданно оказалась дома.

И он признался, что имел фотографии и написанные от руки описания каждой жертвы, планы дома Коломбо и другую информацию о повседневных привычках семьи. Он утверждал, что Патти Коломбо отдала ему все эти материалы, чтобы помочь ему в убийстве ее семьи. Он передал эти материалы полиции.

Но Лэнни Митчелл категорически заявил, что *на самом деле он Коломбо не убивал и не был соучастником их убийства.*

Митчелл добровольно согласился пройти проверку на детекторе лжи. Проверку в полицейском управлении Элк-Гроув-Виллидж с часу ночи субботы, 15 мая, проводил полиграфолог Стив Теодор.

Основная цель проверки заключалась в том, чтобы определить, говорил ли Лэнни Митчелл правду, утверждая, что Патти Коломбо подстрекала его убить Фрэнка Коломбо и что он не участвовал в убийствах. Эта проблема была сформулирована четырьмя вопросами и ответами:

Вопрос: Вы стреляли во Фрэнка Коломбо?

Ответ: Нет.

Вопрос: Вы когда-нибудь заходили в дом Коломбо?

Ответ: Нет.

Вопрос: Патти просила вас убить Фрэнка Коломбо?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы знаете, кто на самом деле застрелил Фрэнка Коломбо?

Ответ: Нет.

Было проведено пять проверок на полиграфе. Проверяющий не обнаружил значительных эмоциональных отклонений, указывающих на обман, и, по его мнению, на четыре ключевых вопроса Лэнни Митчелл дал правдивые ответы.

Рэй Роуз снова оказался прав. Лэнни Митчелл убийцей не был.

Теперь, обладая предоставленной Лэнионом Митчеллом информацией, Рэй Роуз был готов бросить Патрисии Коломбо вызов. Он продиктовал семистраничное заявление на получение ордера на обыск по двум основаниям для подозрений: первое – это слова Нэнси Гленн о том, что она «беседовала» с Патрисией Коломбо, и в этих беседах Патрисия Коломбо «неоднократно» ей говорила, что хочет убить родителей, второе – это признания и вещественные доказательства, полученные от Лэнни Митчелла. В заявлении содержалась просьба к суду разрешить провести обыск в квартире номер 911 на девятом этаже дома 2015 по Саут-Финли-роуд в пригороде Ломбард, штат Иллинойс, месте проживания Патти Коломбо и Фрэнка Делуки.

В заявлении на получение ордера на обыск Роуз просил разрешения на изъятие следующих предметов:

рация гражданского диапазона «Мидленд», серийный номер 04109709,
рация гражданского диапазона «Джонсон», заводской номер 023F045–46737,
стеклянная лампа со стеклянной основой и стеклянными кольцами,
мужской бумажник с удостоверением личности Фрэнка П. Коломбо,
удостоверение личности Мэри Ф. Коломбо,

пелерина из светло-коричневой норки,
два комплекта ключей, ключи от автомобиля и дома по адресу: Брэнтвуд, 55,
колье из опала с соответствующими серьгами,
вся одежда с явными пятнами крови,
устройство для открывания ворот гаража, установленное на частоту 305,20,
любое огнестрельное оружие и боеприпасы,
синяя футболка с изображением серфера,
вся обувь, как мужская, так и женская.

Все эти предметы, кроме обуви, следственная группа в доме убитых не обнаружила. Обувь подлежала изъятию, поскольку на кухне на месте преступления нашли два кровавых следа.

Заявление Роуза на получение ордера на обыск одобрил заместитель прокурора штата Джинно Л. Дивито и передал судье Мэрион Дж. Петерсон.

К тому времени уже установили личность друга Лэнни Митчелла – Романа, и к большому огорчению Роуза, тот когда-то был полицейским.

Одиннадцать лет назад Роман Игнатий Собчински, тридцати трех лет, четырнадцать месяцев проработал заместителем шерифа округа Кук с номером жетона 776. Он оставил эту работу и перешел на нынешнюю должность рекрутера – специалиста по подбору кадров – Комиссии гражданской службы округа Кук.

Поиски в архивах также показали, что Собчински был мелким вором. Воровал он как минимум тринадцать лет, как до, так и после того, как стал заместителем шерифа; первые протоколы его арестов в пригородах Чикаго датировались 1960 годом. Роуз поразился. Он никак не мог понять, как Собчински вообще доверили значок и пистолет. Роуз только радовался тому, что Собчински не проработал в полиции более десяти лет.

Рэй Роуз планировал в конечном итоге использовать Романа Собчински для подтверждения рассказа Лэнни Митчелла, но пока старший следователь расследование в этом направлении приостановил. Роузу пришлось заняться более насущным вопросом: судья по представленному им заявлению подписала ордер на обыск.

Рэй Роуз был готов бросить вызов Патти Коломбо.

11

Февраль 1989 года и май 1963 года

Когда на следующей неделе сестра Берк вернулась в исправительный центр Дуайт на их вторую с Патрисией Коломбо сессию, Патрисия спросила:

– Все, о чем мы здесь говорим, остается строго между нами? Я имею в виду, вы не передаете информацию Департаменту исполнения наказаний или еще кому-то?

– Точно нет, – с легкой улыбкой ответила сестра Берк. – Я не работаю в Департаменте исполнения наказаний. У меня совсем другой работодатель.

Патрисия не смогла сдержать улыбку. «Неплохо, сестра», – подумала она.

– Не могла бы ты сегодня немного рассказать о матери? – спросила сестра Берк.

– О матери?

Что это, черт возьми, такое? Это проклятый отец творил с ней все эти мерзости!

– А что насчет отца? – почти с вызовом спросила Патрисия.

– Мы, разумеется, коснемся его, – заверила ее сестра Берк. – Но если ты хочешь узнать, кто повлиял на тебя в детстве и способствовал формированию твоей личности в подростковом возрасте, мы не можем ограничиваться только отцом. Разве в твоей жизни не было других людей?

– Конечно, в моей жизни было много людей. Но не все они подвергали меня сексуальному насилию.

– Я уверена, что не подвергали, – признала сестра Берк. В этот момент она явно подозревала, что отец Патрисии тоже ее не растлевал, но ей требовалось понять, – почему Патрисия считала, что это был он. Сестра Берк знала случаи, когда мать по личным причинам убеждала дочь в том, что отец к ней приставал. Это была хорошая отправная точка для начала исследования. Однако, видя сопротивление Патрисии, сестра Берк изменила подход.

– Если не хочешь говорить о матери, не нужно.

– Я *не против* о ней поговорить, – быстро заявила Патрисия. – Что вы хотите узнать?

– Все, что ты захочешь мне рассказать. Вы ладили, когда ты была ребенком?

– Да, ладили, – пожала плечами Патрисия. – Я лучше ладил с крестной Джанет, но, думаю, с матерью у меня не было никаких настоящих проблем. Порой она *бывала* со мной неоправданно жестока. Как в тот раз, когда я соврала в школе, что у меня родилась сестренка.

Мэри Коломбо была ужасно расстроена, узнав, что учителя в начальной школе Тэлкотт подумали, что она родила еще одну девочку и ребенка назвали Сюзи. Это было иррациональное чувство: если не гнев, то возмущение. Возможно, в нем смешивались гордость за то, что она подарила мужу желанного сына, и естественная послеродовая депрессия, иногда сопровождающаяся агрессивностью по отношению к другим членам семьи.

Какова бы ни была причина, Мэри назвала Патрисию маленькой лгуньей и сказала ей, что она совершила ужасный поступок. Дочь была встревожена гневом матери, придуманную ею для занятия «покажи и расскажи» историю она сама уже почти забыла.

Джанет Гауэр пыталась успокоить Мэри после того, как Патрисия со слезами побежала к ней, но новоиспеченная мать была просто вне себя. Она не только хотела рассказать об обмане отцу Патрисии, но заставить Патрисию признаться одноклассникам, что она сознательно им солгала. Последнее условие, заявила Мэри Коломбо, не ее идея, так решила учительница Патрисии.

Патти громко рыдала, тетя Джанет горячо умоляла Мэри Коломбо не рассказывать ничего Фрэнку, и та в конце концов уступила. Однако со школой она ничего поделать не могла, это было дело учительницы, Патрисии придется признаться.

На следующий день в школе, когда пришло время занятия «покажи и расскажи», Патрисия встала и, опустив глаза, целенаправленно пошла к доске. Когда она повернулась и подняла глаза, ее взгляд скользнул по лицам выжидающе смотревших на нее одноклассников. Она всех их оглядела, потом немного подняла взор, устремив его на комплект таблиц умножения на задней стене.

– Я солгала о том, что моя мама родила девочку и назвала ее Сюзи, – четко, старательно произнесла она. – На самом деле у моей мамы мальчик. Его зовут Майкл.

Она посмотрела на учительницу, потом снова на одноклассников.

– Я лгунья, – безо всякого выражения проговорила она. Потом спросила учительницу: – Этого достаточно?

– Тебе стыдно, что ты солгала? – спросила учительница.

– Мне стыдно, что я солгала, – сказала классу Патрисия. Она стояла в ожидании дальнейших указаний.

– Хорошо, Патти, садись.

Подняв голову и не опуская глаз, Патрисия пошла обратно по проходу.

Покаявшись за ложь на занятии «покажи и расскажи» и обнаружив, что присутствие младшего брата не только терпимо, но и приятно, юная Патти Коломбо хотела поскорей освоиться с обязательной, по словам тети Джанет, ролью «большой девочки», которая во всем, в чем только можно, помогает маме с ребенком.

Патрисия так сильно любила маленького Майкла, что едва выдерживала до трех часов, когда кончится школа. Патрисия заботилась, чтобы на полке пеленального столика Майкла всегда были аккуратно сложены свежие подгузники из доставляемых раз в две недели на дом пеленок, чтобы в кроватке он всегда был укрыт маленьким голубым одеяльцем, а в ванной висели чистое детское полотенце и мочалка.

Для маленькой девочки все это было в новинку и очень волнующе. Когда Фрэнк Коломбо приходил с работы домой, он всегда спрашивал:

– Ну а сегодня ты помогала маме заботиться о маленьком Майкле?

Патрисия всегда улыбалась, говорила «да» и забиралась к папе на колени, чтобы рассказать ему все, чем она помогала. Она очень гордилась собой в роли старшей сестры, сияла, когда мать восклицала: «Патти Энн такая большая помощница. Не знаю, что бы я без нее делала».

Если днем Патрисия была «помощницей» матери, то вечерами она стала «ученицей» отца. Фрэнк Коломбо не мог нарадоваться тому, насколько умна его дочь. Он приносил домой наборы дидактических учебных карточек и с их помощью сначала проверял, а затем обучал Патрисию. Холодными зимними вечерами они часто сидели вместе у радиатора и перебирали тот или иной набор карточек: арифметика, правописание, столицы штатов, президенты США – Фрэнк покупал их все. Как и Мэри, он постоянно хвастался дочерью. В бакалейной лавке «Кармела» он хвастался крестному Майкла, Джо Батталье:

– Вчера вечером мы просмотрели набор карточек для *двенадцатилетних детей*, и она не узнала всего-навсего четыре из них. Надеюсь, твой крестник Майкл будет таким же умным.

Патрисии нравились похвалы обоих родителей. Ей нравилось быть идеальной маленькой девочкой.

Однажды днем, когда Патрисия спешила из школы домой, она увидела, что у тротуара припаркован знакомый красный фургон с конфетами, а на крыльце сидит, поджидая ее, дядя Гас.

– Патти Энн, дорогая, – сказал он, – мама повезла Майкла к врачу, ничего серьезного, но она сказала, что если не успеет вернуться, ты сможешь проехать остаток маршрута со мной.

Патрисия забралась в сиденье в форме ковша, на котором так часто ездила когда-то, и положила учебники на пол.

– Где мы работаем сегодня? – деловито спросила она.

– Логан-сквер, – сказал дядя Гас.

Не самый любимый маршрут Патрисии, но нормальный, по соседству множество кондитерских, небольшие продуктовые рынки, такие как Ройал Блю, и несколько магазинов сигар. Иногда дядя Гас мог с одной парковки в центре квартала обслужить двух или трех клиентов.

– Я буду ждать в кабине и делать уроки, – сказала Патрисия. Во всех магазинах она бывала по много раз, ничего нового для нее в них не было. Кроме того, ей нужно было выучить несколько орфографических правил.

Каждый раз, когда они где-нибудь парковались, Патрисия открывала на коленях учебник и учила, а дядя Гас специально запирали двери в кабине фургона и напоминал ей:

– Запомни, никого не пускай в грузовик, пока меня нет.

– Я помню.

В тот день Патрисия два часа, пока дядя Гас пополнял запасы клиентов в районе Логан-сквер, учила правила правописания. Маршрут Патрисия знала наизусть, поэтому, когда они выехали с последней парковки и не развернулись в обратный путь, Патрисии сразу же стало любопытно.

– Я подумал, что сегодня мы поступим немного иначе, – сказал он ей.

Была вторая половина дня, затишье перед началом вечерних автомобильных пробок. Дядя Гас поехал на станцию Логан-сквер и свернул на улицу с односторонним движением, идущую параллельно железнодорожным путям. С одной ее стороны виднелись задние фасады мелких офисных зданий, а с другой был заброшенный участок длиной в квартал, где добиравшиеся до центра горожане парковали машины. Дядя Гас переехал через тротуар и припарковал фургон в дальнем конце стоянки, в тени эстакады.

Заперев двери кабины, Гас открыл заднюю перегородку-гармошку и встал между двумя ковшеобразными сиденьями.

– Дорогая, пройди назад, – сказал он. – Я хочу тебе кое-что показать.

Патрисия зашла в фургон, а дядя Гас закрыл двери гармошкой и включил потолочный светильник. Его свет бросал на все жуткий желтый отблеск. Дядя Гас тотчас удостоверился, что гармошка плотно прилегает к стене, потом он открыл шкафчик под зарешеченными полками для конфет и вытащил свернутый кусок ковра и списанное армейское одеяло.

– Уютно я все устроил? – спросил он Патрисию, разворачивая и укладывая на пол между полками ковер, а поверх расстелив одеяло. – Когда я устаю, я могу просто остановиться и немного отдохнуть.

Дядя Гас улыбнулся своей лучшей улыбкой.

– Думаю немного отдохнуть прямо сейчас. Хочешь отдохнуть со мной?

Патрисия пожала плечами.

– Хорошо.

«Это странно», – подумала она. Но все будет в порядке. Это же дядя Гас.

Они легли на ковер рядом, и Гас прикрыл их одеялом.

– Мы ведь не будем спать? – спросила Патрисия.

– Нет.

– Хорошо, потому что я не хочу спать.

Патрисия заметила, что руки дяди Гаса двигались под одеялом, как будто он чесался. Вскоре он протянул ладонь и взял ее за руку.

– Я хочу, чтобы ты кое-что потрогала, – сказал он. Под одеялом он сжал ее пальцы вокруг чего-то твердого и теплого.

– Ты знаешь, что у Майкла между ног, – объяснил он. – У меня тоже есть такая штукавина, только намного больше. А у тебя такая штукавина есть?

– Дядя Гас! Ты же знаешь, что нет!

Патрисия смутно помнила времена, когда дядя Гас, прислонившись к дверному проему в ванной, смотрел, как мать купает ее.

– Они есть только у мальчиков, – сказала она.

– Иногда они вырастают и у маленьких девочек, – сказал дядя Гас. – Ты уверена, что у тебя ее нет?

– Дядя Гас, у меня *нет*!

– Что ж, я хочу проверить и убедиться, – сказал он. – Не двигайся.

Патрисия почувствовала его руку у себя на животе, его пальцы пробрались под пояс ее юбки, под резинку ее трусиков, и ей стало немного щекотно. В том, что дядя Гас к ней прикасался, даже щупал ее, не было ничего необычного, он часто сажал ее к себе на колени, поднимал на руки, гладил по голове, застегивал блузку, завязывал шнурки, она к нему *привыкла*. Когда он положил руку *туда*, Патрисия не испугалась.

Рука дяди Гаса слегка раздвинула ей ноги, и его пальцы начали касаться мягких гладких складок ее вульвы. Прикосновения не были грубыми или настойчивыми, он трогал ее нежно, с любовью, как она сама прикасалась к Майклу, в этом не было ничего тревожного. Это было почти... приятно.

Пока одной рукой дядя Гас проверял, не выросла ли у нее штукавина, Патрисия могла по движению одеяла сказать, что другой рукой он продолжал теперь очень быстро – и тяжело дыша – чесать себя, а потом он сделал самое смешное: вынул ладонь из ее трусиков, и сначала ненадолго поднес пальцы к ноздрям, а затем сунул в рот и принялся сосать, точно «Тутси Роллс».

Вскоре колени дяди Гаса приподнялись, полностью стянув с Патрисии одеяло, а все еще скрытая рука продолжала яростно чесать, пока дядя Гас, зажмурившись, лизал и посасывал пальцы, только что исследовавшие женское естество его маленькой девочки. Патрисия смотрела на него с любопытством, широко раскрытыми глазами. Мгновение спустя лицо дяди Гаса напряглось, глаза открылись и слегка закатились, он вынул пальцы изо рта, сунул руку под одеяло и, казалось, принялся что-то судорожно искать в заднем кармане. Потом он сомкнул колени, сжав между ними край одеяла, тихо застонал и внезапно обмяк.

Несколько мгновений дядя Гас лежал неподвижно, только тяжело дышал, а когда дыхание выровнялось, он приподнялся на локте и улыбнулся Патрисии.

– Я рад, что у тебя не выросла одна из этих штуковин, – сказал он и подмигнул ей. Когда он отбросил одеяло, она увидела, что в одной руке он держал скомканный носовой платок. А еще на его брюках была растегнута молния, но – штуковины, на которую он положил ее руку, видно не было.

– Ну, это был хороший отдых, – сказал он, встав на колени и складывая одеяло. Он попросил Патрисию посторониться, пока убирал одеяло и ковер обратно в шкаф.

Дядя Гас на пару сантиметров приоткрыл двери гармошкой и выглянул наружу.

Убедившись, что поблизости никого нет, он раскрыл ее полностью, и они оба вернулись в кабину.

По дороге домой дядя Гас сказал:

– Я не хочу, чтобы ты рассказывала маме или папе, тете Джанет или кому-либо еще о нашем маленьком отдыхе.

– Почему? – спросила Патрисия.

– Они могут на нас рассердиться. Все знают, что ты моя любимая маленькая девочка, а я – твой любимый дядя. Они могут на нас рассердиться, потому что мы так сильно друг друга любим. Взрослые называют это ревностью. Ты когда-нибудь слышала это слово «ревность»?

– Нет, – пожав плечами, сказала Патрисия.

– Ну, они называют это ревновать. Если ты им расскажешь, они могут заревновать – если тебе поверят.

– Почему нет? – озадаченно спросила Патрисия. Все это было ново и сбивало с толку.

– Они могут подумать, что это ложь, – непринужденно сказал дядя Гас, – как тогда, когда ты солгала в школе о сестренке.

Патрисия покраснела и посмотрела в окно. «Откуда он об этом узнал?» Должно быть, ему рассказала мать.

– Разумеется, твоя мать мне рассказала, – произнес дядя Гас, словно читая ее мысли. – Она и отцу рассказала, просто он пообещал ничего тебе об этом не говорить.

Дядя Гас протянул руку и сжал ее колено.

– Дорогая, я единственный, кому ты можешь доверять. И я всегда буду тебе верить, несмотря ни на что. Но давай не будем им ничего рассказывать. То, что мы делаем в конфетном фургоне, будет нашим секретом, хорошо?

Патрисия ответила не сразу. Она все еще была смущена, все еще глядела в боковое окно на освещенные витрины магазинов на Милуоки-авеню, одна за другой вспыхивающих в какой-то темной нише ее все более запутывающегося юного разума одновременно с назойливо повторяющимся вопросом: «Я в беде?»

Сама она ответить не могла.

– Хорошо? – уговаривал дядя Гас.

– Хорошо, – произнесла она.

Патрисия не рассказала.

Рассказала только спустя годы, когда ее жизнь обернулась трагической катастрофой.

В маленькой комнате для свиданий Патрисия, поняв, что она сейчас рассказала, замолчала и едва ли не в шоке уставилась на сестру Берк.

Она начала сеанс с того, что поведала монахине о покаянии на занятии «покажи и расскажи» и, прежде чем успела осознать сама, рассказала о Гасе Латини то, что было похоронено у нее в голове долгие годы.

– Это был не отец, – пробормотала она. – Это был дядя Гас. Мужчиной в кошмаре был он. Я... не понимаю...

– Порой, когда разум не хочет иметь с чем-то дело, – объяснила сестра Берк, – он хоронит это глубоко в подсознании. Потом жизненные ситуации могут всколыхнуть то, что похоронено, снова вытолкнуть на поверхность разума. И тогда два уровня, два разных времени, нередко смешиваются. Те мелкие происшествия с отцом – казалось, Триш, совсем незначачие происшествия – разбудили все похороненные воспоминания об этом дяде Гасе. А поскольку перед тобой был уже не дядя Гас, а отец, твой разум совершил подмену.

– Боже мой, – тихо сказала Патрисия, медленно покачав головой. – Все эти годы...

– Для человеческого разума время почти ничего не значит, – сказала сестра Берк. – Дети очень часто хоронят свои плохие воспоминания на двадцать лет и даже дольше. Когда маленькие девочки подвергаются домогательствам, подробности они могут начать вспоминать только уже женщинами за тридцать. Сколько тебе сейчас?

– Через несколько месяцев будет тридцать три.

Сестра Берк кивнула. Пример, как по методичке.

Патрисия уставилась в пространство.

– Неудивительно, что я их ненавидела...

– Кого ненавидела?

– Мать, отца...

– Как ты думаешь, почему ты их ненавидела?

– Из-за того, что сделал со мной дядя Гас. Они должны были знать. Они должны были это остановить...

Она повернулась и с горечью посмотрела на сестру Берк.

– Это продолжалось *годами*...

12

Май 1964 года – июнь 1966 года

Долгое время дядя Гас не заходил с Патрисией дальше проделанного в первый раз, только стал откровеннее. Однажды одеяло соскользнуло с его поднятых колен, и она, почти как загипнотизированная, смотрела, что делает Гас, а тот, казалось, с еще большим удовольствием наблюдал за ней. Маленькая девочка увидела, как из большой розовато-пурпурной головки брызнул «сок» – так называл его дядя Гас. И она поняла, зачем был нужен носовой платок.

С того дня Гас больше не заботился укрываться одеялом, а стелил его на ковер. Потом просто ложился с ней рядом, расстегивал молнию и принимался мастурбировать.

Только когда Патрисии было восемь, почти девять, Гас пошел дальше. Однажды теплым весенним днем за пару месяцев до ее девятого дня рождения Гас вообще снял брюки и трусы, и Патрисия впервые увидела член взрослого мужчины.

И испугалась – здоровый волосатый мешочек, густые черные волосы в паху и выше на большом животе, прямо человекообразная обезьяна, и нависает над ней, грозя обрушиться ей на лицо и задушить. Она заплакала.

– Милая, в чем дело? – с искренней тревогой в голосе спросил дядя Гас.

– Ты... меня... пугаешь... – всхлипывала Патрисия.

– Ой, дорогая, извини, я не хотел. Он упал на колени, чтобы обнять и успокоить девочку. Эрегированный член торчал между ними.

– Патти Энн, я никогда не хотел тебя пугать. Ты же знаешь, что дядя Гас тебя любит.

Он поцеловал ее в каждую щеку, потом отстранил на расстоянии вытянутой руки.

– Ты же знаешь, что штуковина дяди Гаса никогда тебе ничего плохого не сделает? – спросил он с улыбкой. – Ни раньше, ни теперь?

– Да...

– Вот видишь. Я снял штаны просто потому, что сегодня тепло. Можешь и ты, если хочешь.

– Я не... хочу, – сказала Патрисия.

– Тебе и не обязательно, дорогая, – проворковал он. И вдруг сказал: – Эй, у меня есть идея! Давай сегодня мой сок добудешь ты?

– Я? – нахмурилась Патрисия. – Как?

Гас взял ее маленькие ладошки...

* * *

Если из-за того, что делал Гас с Патрисией, в ней что-то переменялось, этого, похоже, никто не заметил. Приходя в гости, Гас вел себя как всегда, а Фрэнк и Мэри Коломбо принимали его с прежним радушием. Ни тетя Джанет, ни дядя Фил, ни другие близкие к семейству Коломбо люди отношения к Гасу Латини не изменили, равно как он к ним. Патрисия думала, не изменилось ничего, кроме нее самой. Почему-то это казалось неправильным, хотя она не знала почему.

В школе в ней тоже никто перемен не заметил. Свою учительницу, мисс Робин, она любила больше всех остальных учителей. Мисс Робин казалась много моложе большинства учителей начальной школы Тэлкотт. Хорошенькая, с короткими темными волосами, она умела увлечь детей на уроке. Патрисия нередко подумывала рассказать мисс Робин о дяде Гасе и спросить ее, можно ли делать то, что он хочет, если он друг мамы и папы и говорит, что ее любит. Патрисия даже вообразила, что мисс Робин улыбнется и ответит: «Конечно, Патти,

дорогая, все в порядке! Даже не думай об этом». Как хорошо было бы рассказать *кому-нибудь*, чтобы кто-нибудь взрослый успокоил ее, сказав, что она делает все нормально.

Но у нее никогда не хватало смелости признаться мисс Робин. Она все время вспоминала, что дядя Гас велел не рассказывать *никому*.

Шли годы на Огайо-стрит, и Фрэнк Коломбо, как и обещал, стремился продвинуться по службе, чтобы семья жила лучше. Мечта о доме в пригороде пока оставалась мечтой, а по мере дальнейшей деградации нижнего Вест-Сайда Фрэнку становилось все важнее переселить семью. Фрэнк неуклонно рос по служебной лестнице огромного консолидационного склада «Вестерн Ауто». Благодаря пятнадцатилетнему стажу работы за плечами и репутации надежного и эффективного сотрудника он пользовался уважением как профсоюзов, так и начальства, и его прочили на должность управляющего всем складом. Он уже возглавлял отдел погрузочно-разгрузочных работ и сплотил небольшую группу лояльных подчиненных, включая неизменно поддерживавшую его секретаршу Джеральдин Стрейнис.

Фрэнк Коломбо знал, что за упорную работу «Вестерн Ауто» его вознаградит. Однако понимал, что вознаграждение компании будет достаточным для *компании*, но не для *него*. Фрэнк Коломбо не хотел, чтобы его семья жила на то, что сочли достаточным другие, – и не там, где можно заработать иные деньги.

Став начальником отдела погрузочно-разгрузочных работ, Фрэнк пошел к братьям Тому и Эду Машекам, хозяевам автотранспортной фирмы «Малвихилл Картадж Компани», с которой «Вестерн Ауто» заключила договор на доставку грузов со своего склада по местной дистрибьюторской сети.

– У меня появилась идея для нового бизнеса, – сказал Фрэнк братьям.

Его идея состояла в создании небольшой компании, предоставляющей грузчиков для погрузочно-разгрузочных работ на «Вестерн Ауто». Грузчиков, разгружавших большие фуры и загружавших меньшие грузовики, нанимали исключительно поденно. Фирма, которую задумал Фрэнк Коломбо, могла нанять их на работу в погрузочно-разгрузочных терминалах «Вестерн Ауто» на неделю или дольше по регулярному графику.

– Мы уьем двух зайцев, – сказал Фрэнк Машекам. – Во-первых, поможем мне на погрузочно-разгрузочных терминалах, поскольку сократится текучка грузчиков и они будут лучше знать условия работы. Во-вторых, – он откинулся назад и улыбнулся, – мы все немного подзаработаем.

Машекам идея понравилась. Учредили компанию «Док Хелп Инкорпорейтед». Президентом был Эдвард Машек, секретарем – Томас Машек, а хозяевами – Фрэнк Коломбо и еще пара инвесторов. Фрэнк Коломбо сразу начал нанимать рабочих по контракту из новой фирмы.

Близкий друг Фрэнка посоветовал ему поостеречься, поскольку его ситуацию можно считать конфликтом интересов. Фрэнк покачал головой.

– Это совсем другое, – решительно заявил он. – «Вестерн Ауто» будет лучше работать и не переплатит ни цента. А я подзаработаю для себя и своей семьи. Выгода обоюдная. Это свободное предпринимательство, а не конфликт интересов.

Они с Мэри принялись по выходным присматривать дом в пригороде.

В ту пору на жизнь Патрисии заметно влияли три круга взрослых. Во-первых, привычная семья: папа, мама, младший брат Майкл, крестная тетя Джанет. Во-вторых, учителя начальной школы Тэлкотт и монахини в приходской школе, преподававшие катехизис. В-третьих, дядя Гас с их тайными отношениями в фургоне с конфетами. И именно эти отношения ложились на ее юный ум самым тяжелым бременем, поскольку эту жизненную ношу ей приходилось нести в одиночку.

Отношения с Гасом Латини уже давно вышли за границы его первых неуклюжих и неловких поползновений. Никаких предварительных разговоров об отдыхе, никаких упоминаний о пенисе как своей «штуковине» Гасу заводить больше не требовалось, как и не требовалось направлять ее дрожащую ладошку к нетерпеливому эрегированному члену. Патрисия усвоила свою роль, уразумела, чего от нее ждут, так же естественно, как с отцовскими дидактическими карточками. И научилась с этим управляться. В конце концов, чем быстрее она с этим управится, тем быстрее он отвезет ее домой, чтобы она могла поиграть с Майклом.

Обычно Патрисия доводила дядю Гаса до эякуляции всего за минуту. Действовала она механически, без страсти, без прелюдии, а потому потребную порцию предварительного удовольствия Гас доставлял себе сам, зная, что, едва руки маленькой девочки его коснутся, практически сразу все будет кончено.

Что касается Гаса Латини, Патрисия была *его*. Она принадлежала ему. Он даже больше ее не предупреждал, чтобы она не рассказывала свой «секрет» другим, – если она до сих пор никому ничего не рассказала, он не сомневался, что не расскажет и дальше.

Да и расскажи она, кто ей поверит?

Вскоре после десятого дня рождения Патрисии Фрэнк и Мэри Коломбо нашли желанный дом. Он был в новом районе Элк-Гроув-Виллидж, северо-западном пригороде, сразу за новым аэропортом. Симпатичный двухуровневый дом по адресу: Брэнтвуд, 55, с двумя спальнями наверху и двумя внизу, пристроенным гаражом на две машины и задним двором с патио. Он был расположен всего в квартале от Нортон-Парка, где была детская площадка, всего в трех кварталах от начальной школы Солт-Крик и в паре кварталов от нового торгового центра «Гроув» с супермаркетом, химчисткой, множеством маленьких магазинчиков и большой аптекой «Уолгрин».

Поселок был невелик: пожарная часть и полицейский участок находились прямо за торговым центром «Гроув». Средних размеров больница Алексанского братства располагалась всего в паре кварталов на той же улице. Поблизости были библиотека, общественный центр, еще несколько парков – Лайонс-Парк, Джейси-Парк, Бербанк-Парк, Эпплсид-Парк, Одибон-Парк и другие – почти все с игровыми площадками. Место явно предназначалось для семей с детьми.

С одной стороны границей городка служил лесной заповедник, с другой – западный забор аэропорта О’Хара, поэтому 50 процентов периметра поселения было защищено от любых посягательств. Ко второй половине примыкали два южных пригорода: тихие поселки для среднего класса Вуддейл и Итаска и загородный клуб «Солт-Крик», расположенный на берегу извилистого ручья Солт-Крик, до этого протекавшего по территории пяти общественных парков Элк-Гроув-Виллидж. Это был пригород шестидесятых, воплощенная американская мечта широких народных масс, соединившая лучшее из обоих миров: работу в шумном многолюдном Чикаго и семейную жизнь за городом, едва ли не в сельской идиллии с безопасными улицами, приличными школами и косившими каждую субботу газоны людьми.

Когда старшие Коломбо в первый раз привезли Патрисию и Майкла посмотреть дом, понять, кто из детей больше рад, труда не составляло. Разумеется, Майкла заворожала «собственная комната» и детская площадка рядом – не с гравием, как в городе, а с настоящей травой. На четвертом году ему не надо было сталкиваться со сменой школы или другими сложными эмоциональными проблемами.

Радость Патрисии была иного рода. Как и Майкл, Патрисия была в восторге от перспективы собственной декорированной по своему усмотрению спальни, возможности уединиться в чистоте от далеко не всегда опрятного младшего брата, с которым у нее до сих пор была общая спальня. Мысль о переводе в новую школу ее не тревожила, в школе на Огайо-стрит она ни кому особенно не привязалась, за все пять лет обучения ей понравилась только мисс Робин. Но

главная надежда Патрисии, ее самая большая победа, заключалась в том, что она ускользнет от дяди Гаса и уже пугающего ее красного конфетного фургона.

Помимо того, что ей просто не нравилось то, что они делали с Гасом, она, вопреки его заверениям в обратном, чувствовала, они занимаются чем-то неправильным, а необходимость все скрывать угнетала. Это был такой *секретный* секрет: она никогда не могла никому об этом рассказать. Для столкнувшегося со сложной проблемой нет ничего лучше и естественнее, как довериться кому-то понимающему, получить возможность все обсудить, для него это одно из самых целебных противоядий. Когда этот путь эмоционального облегчения закрыт, разум может превратиться в темницу, где ожившие и набравшие силу секретность, вина, обман и стыд отравляют все остальное. В возрасте десяти лет Патрисия Коломбо пыталась справиться с проблемой, с мучениями, способными довести до предела и куда более взрослого человека.

Вырваться из-под тайного гнета Гаса Латини благодаря столь неожиданному и простому побегу казалось чудом. Она сразу же настолько расчувствовалась, что включила в свои молитвы на катехизисе и воскресной мессе особые слова благодарности, хотя – внезапно пришло в голову ей – за все три года она ни разу не молилась о помощи в ее ситуации, связанной с совершаемым над ней сексуальным насилием. Только теперь, когда конец был близок, ей подумалось, что от разговора с Богом она воздерживалась потому, что это было так... грязно. Простое слово «*грязно*» было еще одним новым признанием. Прежде она никогда не позволяла себе думать о том, что она делала, в подобных выражениях. Дядя Гас вечно ее уверял, что все, что они делают, – это нормально, ибо они так сильно друг друга любят. Как-то он сказал ей, что «непристойным» и «скверным» это считается только тогда, когда между двумя людьми нет любви.

Патрисия часто задавалась вопросом, помогут ей отец или мать, если она им расскажет о том, что происходит. Вначале она задалась вопросом, *поверят* ли они ей, а если поверят, как они ей помогут? И вот, сами того не ведая, они *уже* ей помогали: покупая дом и увозя ее подальше от города, они невольно устраняли ее проблему. Она подумала, что наконец освободится от дяди Гаса и ей никогда, никогда не придется никому признаваться в отвратительных вещах, которые *она* проделывала в красном конфетном фургоне.

Для десятилетней Патрисии Коломбо это было самым замечательным событием.

Спустя годы в тюремной комнате для свиданий сестра Берк сказала Патрисии:

– Значит, твои родители в конце концов помогли тебе решить проблему дяди Гаса, даже не зная об этом. Когда ты говоришь, что ненавидишь их за то, что они тебе *не* помогли, ты имеешь в виду, что они не помогли тебе намеренно, или раньше, или как?

– Я имею в виду, – ровным голосом ответила Патрисия, – что им следовало уделять мне больше внимания, чтобы они могли почувствовать, что со мной что-то не так. Я была их *дочерью*, сестра Берк. Как такая ситуация могла продолжаться в течение трех лет, и никто из них *ничего не заподозрил*?

Сестра Берк кивнула.

– Я понимаю, о чем ты, Триш. Однако думаю, нельзя сказать, что они не увидели твою проблему, потому что не обращали на тебя достаточно внимания. Из того, что ты мне рассказала, ты, похоже, получала обильное внимание со стороны обоих родителей. Даже после рождения Майкла ты явно оставалась любимицей отца. Что касается матери, она, очевидно, не уделяла тебе столько же внимания, как отец, но уж точно тебя не игнорировала.

– Тогда почему они не видели, что происходит? – продолжала упорствовать Патрисия.

Сестра Берк тихо вздохнула.

– Хотела бы я ответить на этот вопрос, Триш. Хотела бы я дать простое объяснение, которое удовлетворило бы твой разум и смягчило бы твою враждебность к ним, – но у меня его нет. Ты никогда им об этом не говорила...

– Я не могла. Я не знала как.

– Я понимаю. В подобных ситуациях это случается нередко. И у тебя в этом возрасте явно хватало хладнокровия, чтобы *вести себя так*, как будто ничего плохого не происходит. И твой дядя Гас тоже сыграл свою роль достаточно хорошо, чтобы не вызывать подозрений. И, как и многие другие семейные растлители малолетних, он был достаточно осторожен, не заходя с тобой настолько далеко, чтобы на твоём теле остались следы.

Сестра Берк покачала головой.

– Честно говоря, Триш, у твоих родителей и в самом деле не было оснований для подозрений.

– Может быть, не во время того первого периода домогательств, – нехотя признала Патрисия, – но было много оснований заподозрить, когда все возобновилось.

Психолог уставилась на Патрисию, пытаясь скрыть удивление.

– Ты говоришь, что домогательства возобновились? – спросила она спокойным нейтральным тоном, на выработку которого у нее ушли годы. – После переезда в пригород?

– Да, все началось сначала – и на этот раз я дала родителям, в особенности матери, множество оснований для подозрений.

– Хорошо. Мы займемся этим. Но сначала я хочу, чтобы ты рассказала мне, как возобновились домогательства. Они были такими, как раньше?

– Хуже, – сказала Патрисия.

13 Сентябрь 1966 года

Первое, на что обратила внимание Патрисия в новом районе, – на полное отсутствие в квартале ровесниц. Пруд пруди было мальчишек и хоть отбавляй сверстников и сверстниц Майкла. Даже на Огайо-стрит у нее хоть Паула была. А тут, чтобы просто поиграть с девочками, ей требовалось подружиться с младшими.

И некоторое время она пыталась с ними подружиться. Не сознательно, а скорее уступая, поскольку малышек в околоте, казалось, к ней просто тянуло, а их матери под впечатлением от аккуратности Патрисии, ее вежливости и манер – манер ребенка не по годам зрелого и ответственного – с радостью оставляли маленьких дочерей ее попечению на целый день.

«Не могу поверить, насколько Патти *взрослая*», – фраза, ставшая на Брэнтвуд-авеню расхожей. «Она настоящая маленькая *леди*. Надеюсь, моя Синди – или Нэнси, или Хизер, или Тина – вырастет такой же».

Играя с младшими девочками, Патрисия коротала время, но не развлекалась. Они только начинали интересоваться тем, к чему она давно охладела. Поэтому Патрисия не столько с ними играла, сколько о них заботилась. С бесконечным терпением учила их завязывать шнурки, раскрашивать раскраски, правильно произносить трудные слова, петь детские песенки. Иногда выглянувшей на задний двор Мэри Коломбо казалось, что Патрисия – воспитательница детского сада. А за ужином Патрисия могла, как и на Огайо-стрит, сказать: «Я не знаю, что делать с Шерил. Она каждый день забывает алфавит».

Тем временем Майкл влился в ватагу мальчишек-дошкольников Брэнтвуда, шумную и неугомонную, жившую словно по принципу «спокойствие и тишина – это смерть». Когда Патрисия собирала во внутреннем дворе маленьких подруг и во двор Коломбо заявлялись мальчишки, громко изображая свои самолеты, самосвалы или пулеметы, Патрисия просто велела девочкам не обращать на них внимания, а сама продолжала заниматься тем, чем занималась. Если мальчики слишком шумели или иначе мешали «уроку», она быстро ставила их на место. В духе лучших учительниц-монахинь, она говорила: «Не *смей* нам мешать! Немедленно уходи отсюда, или я пойду в дом и позвоню твоей маме!» Ей редко приходилось повторять угрозу дважды.

Однажды вечером за обеденным столом Патрисия торжественными тоном, благодаря которому казалась намного старше, заявила родителям:

– Думаю, я рождена, чтобы учить.

Она действительно так считала.

В то первое лето в новом доме Патрисия также помогала матери, или играла с Майклом в игры, если брат хотел остаться дома, или просто находила, чем себя развлечь. Проведя столько времени в мире взрослых на Огайо-стрит, она умела сама придумывать себе занятия. Патрисия всегда была настолько тихой, что никогда не создавала проблем, временами Мэри Коломбо приходилось окликать ее, чтобы понять, дома дочь или нет.

В Элк-Гроув-Виллидж Патрисия открыла для себя новое удовольствие: публичную библиотеку. В городе филиал библиотеки располагался на Дамен-авеню, кварталах в двенадцати от дома – слишком далеко, чтобы идти одной, и взрослые никогда не предлагали ее проводить, да она и не просила. Библиотеку эту она видела всего один раз, во время экскурсии с классом начальной школы Тэлкотт, и затхлый запах, тесные книжные стеллажи и бесконечный перечень правил, зачитанный им главной библиотекаршей, ее отпугнули. Тем большее удовольствие она получила от знакомства с библиотекой Элк-Гроув-Виллидж.

Библиотека стояла на пересечении Брэнтвуд и бульвара Джона Кеннеди. Ее причудливо раскинувшееся на фоне парковой зелени одноэтажное здание резко отличалось от рядовой городской застройки. Большие окна пропускали много естественного света, проходы между книжными стеллажами были широкими, стандартные пластиковые столы и стулья – радостных цветов, а библиотекари – скорее радушными, чем строгими.

В первый раз попав в библиотеку Элк-Гроув, Патрисия провела в ней так много времени, что Мэри Коломбо ее отругала:

– Господи, Патти Энн, где ты пропадала? Я едва не вызвала полицию!

– Извини. Я была в библиотеке, она за углом, в конце парка. Ты должна это видеть – это такое милое местечко. Я принесла домой заявление на читательский билет...

После этого библиотека на некоторое время заняла в жизни Патрисии главное место. Она часами листала, читала книги, иногда, заметив на стеллажах беспорядок, правильно расставляла тома. Иногда она ждала открытия библиотеки и проводила в ней весь день, а дома только обедала. Недочитанную книгу она забирала домой на вечер. Чаще всего эту книгу она читала Майклу перед сном. Майкл считал замечательной такую старшую сестру, которая не только приносила все эти книги, но и читала их ему, пока он не засыпал. Вскоре он уже делал ей заказы на книги. «Патти, принеси книгу о лодках», – просил он, или: «Патти, посмотри, есть ли у них какие-нибудь книги о ковбоях».

Мэри Коломбо почему-то тревожило, что Патрисия пропадает в библиотеке. Она знала, что Патрисия *там*, потому что пару раз заглядывала удостовериться, что дочь не прикрывает библиотекой, скажем, свидания в парке с одним из соседских мальчишек. Патрисии было всего одиннадцать, но она была высокой и в ней уже начинала проглядывать будущая женщина: у нее уже были стройные ноги и красивый маленький зад. Еще через пару лет, когда у Патрисии нальются груди, Мэри предвидела проблемы с мальчиками, что при взрывном характере мужа ничего хорошего им не сулило.

Однако все подозрения Мэри относительно Патрисии оказались беспочвенны, она трижды заезжала в библиотеку под предлогом спросить дочь, не хочет ли та с ней куда-нибудь поехать, и всякий раз находила ее именно там, где положено, одну и совершенно невинную.

Тем не менее Мэри Коломбо не почувствовала облегчения, хотя и должна была. Мэри беспокоило, что Патрисия довольствовалась целыми днями книжного затворничества. Она чувствовала, что Патрисии следует *действовать*: проявлять больше активности и энергии в жизни, затрачивать усилия на что-то.

– Богом клянусь, она сама превратится в книгу, – не раз заявляла Мэри мужу.

Патрисии она говорила:

– Тебе не надоело все время ходить в эту библиотеку?

Патрисия простодушно отвечала:

– Мне нравится библиотека.

Ничего плохого в своих действиях она не видела. Пара старших мальчиков в квартале принялись дразнить ее книжным червем, но она быстро положила этому конец, обозвав их засранцами – словечком, подслушанным у отца и на детской площадке начальной школы Тэлкотт.

Однако Мэри Коломбо не могла отвлечься от мучительных опасений, она просто записала мужа. Ради ее спокойствия Фрэнк пару раз в неделю стал брать Патрисию с собой на работу. Он поручал ее заботам своей испытанной секретарши Джеральдин Стрейнис, и Патрисия целый день была ее «помощницей». В прежние времена, когда Патрисия была маленькой, еще до рождения Майкла, Фрэнк иногда брал дочь с собой на работу, однако теперь возникла проблема: Майкл регулярно устраивал истерику, почему не может пойти вместе с ними.

– Боже мой, эти проблемы, которые порой создает Патти Энн! – восклицала Мэри Коломбо, причем делала она это при дочери. Фрэнк же Коломбо явно никогда не позволял себе указывать жене, что именно она была первопричиной проблемы...

Время от времени Фрэнк также брал дочь – Майкл был слишком мал – на игры «Кабс» на «Ригли Филд». В тот год Фрэнк Коломбо оплакивал конец привычного бейсбола. В предыдущем сезоне Национальная и Американская лиги разделились на Восточный и Западный дивизионы и расширились с восьми до двенадцати команд каждая, в результате появились такие новые клубы, как «Атланта», «Хьюстон», «Сан-Диего» и «Монреаль».

– Ради всего святого, Монреаль! – сетовал Фрэнк. – Это даже не Америка! Скоро «Кабс» будут у них играть в Мексике или еще где!

Тем не менее он оставался преданным болельщиком и неизменно находил доброе слово даже для самого провального игрока, но никогда, *никогда* не *допускал*, что в руководстве команды могут быть не идиоты.

Мэри бейсбол не любила.

Патрисии нравились вылазки с отцом на «Ригли Филд», и хотя порой их сопровождал один или пара коллег Фрэнка, часто они были только вдвоем. Места у них были постоянные, они ели хот-доги, пили кока-колу, и Патрисия внимательно слушала, как Фрэнк давал личную оценку каждому выходящему пробивать игроку. Патрисия знала о том, насколько сильна страсть отца к «Чикаго Кабс», знала, что он никогда не горячился сильнее, чем в разговорах о бейсболе. Примером такой горячности может служить простое упоминание Лео Дюроше, скандального менеджера «Бруклин Доджерс», а потом «Нью-Йорк Джайентс». Фрэнк Коломбо яростно ненавидел Лео Дюроше, однажды Патрисия видела, как он продырявил кулаком гипсокартонную стену, разъярившись на действия Дюроше. Если Фрэнка выводил из себя сосед, автомеханик, политик или другой посторонний, гнев его еще можно было унять, но никто из семьи не осмеливался возражать ему там, где его суждение было непреложно, например, когда он заявлял, что Лео Дюроше не принадлежит роду человеческому.

Однако Мэри Коломбо считала, что Патрисия продолжала проводить в «этой проклятой библиотеке» слишком много времени. Точно мать приняла решение о библиотеке так же, как отец о Лео Дюроше. Ее аргументы порой доходили до абсурда.

Когда много лет спустя Патрисия в свете трагедии размышляла об отношении матери к ней, она все еще не могла его до конца понять. Мэри просто хотела контролировать дочь, руководить другой женщиной в доме, неумолимо приближающейся к женственности – и к равенству с Мэри? Или Мэри соперничала с единственной другой любимой женщиной в жизни Фрэнка Коломбо? Или проблема была проще – и куда распространеннее, чем принято считать, – родитель становится слишком строгим, потому что ему *не нравится* «человек», в которого вырос ребенок?

По мере того как Мэри все решительней – независимо от мотивов – пыталась контролировать дочь, ее жалобы на библиотеку становились все надуманнее – Патти не хватает свежего воздуха, Патти портит осанку этим сидением, – наконец, в качестве последнего довода Мэри Коломбо заявила, что библиотека – это место, где прячутся отслеживающие маленьких детей сексуальные извращенцы. Она решила сократить пребывание Патрисии в библиотеке и время от времени отправлять ее на выходные в город к тете Джанет.

– Гас обещал заехать за ней в пятницу после обеда, – сказала она Фрэнку. Оказывается, у него новый маршрут, поближе к окраине. – Он сказал, что заехать и забрать Патти, чтоб подвезти ее к Джанет, не составит ему никакого труда.

Когда Патрисия услышала эту новость, единственное, что ей удалось, – не закричать.

* * *

– Ты сказала матери, что не хочешь снова ехать в фургоне с дядей Гасом? – спросила сестра Берк, когда Патрисия закончила рассказ.

– Так я не говорила, – ответила Патрисия. – Но я ясно дала ей понять, что не хочу навещать тетю Джанет раз в месяц.

– Это не совсем одно и то же, – отметила сестра Берк. – Ты вообще сказала матери, что у тебя есть причина, *веская* причина не ездить в этом фургоне?

– Я... нет, думаю, не сказала, – прикусив нижнюю губу, Патрисия уставилась в пустоту.

– А как насчет отца? – спросила монахиня. – Ему ты жаловалась?

– Не особо. Чуть-чуть. Гас был одним из лучших друзей отца, у меня бы никогда не хватило смелости рассказать ему, что делает Гас.

– Почему нет? Ты думала, он тебе не поверит?

– Нет, я думаю, он бы мне поверил. Просто мне было слишком стыдно ему рассказать.

– Почему тебе было стыдно? В том, что происходило, не было твоей вины.

– Я... я боялась, что кто-то – мать – может подумать, что это не так, – у нее задрожал голос. – И, как бы глупо это ни прозвучало, я нарушала данное Гасу обещание. То, что мы делали, было *нашим* секретом, я не должна была *никому* рассказывать. Я воспринимала это очень серьезно.

– Это естественно, – заверила ее сестра Берк. – Несмотря на то, что этот человек с тобой делал, он тем не менее был для тебя авторитетом. И я полагаю, ты ему доверяла.

– О да, – решительно кивнула Патрисия. – Я знаю, что это странно, но были времена, когда он был единственным человеком в жизни, на которого я могла положиться.

– И все же ты радовалась избавлению от него, когда переехала из города, – напомнила ей сестра Берк.

– Да. Потому что мне не нравилось то, что я делала в этом фургоне.

– Поэтому ты противилась возобновлению связи?

– Да. Я не хотела начинать все это снова.

– Но твои попытки окончились полным провалом?

– Да.

– Самому Гасу ты сопротивлялась, когда он пытался начать снова?

– Я... думаю, да. Я пыталась, – неуверенно покачала головой Патрисия.

– Расскажи мне, – осторожно попросила сестра Берк, – как возобновилась связь.

– Я не знаю, смогу ли я, – сказала Патрисия. Она повернулась на стуле и уставилась в стену.

– В конце концов, тебе это нужно.

Целую долгую минуту в комнате царил тишина. Потом Патрисия, запинаясь, принялась рассказывать о том, что произошло.

– Я была... очень напряжена... в тот день, когда все началось снова...

14

Сентябрь 1966 года – май 1968 года

Патрисия сидела прямо на пассажирском сиденье конфетного фургона, глядя прямо перед собой в лобовое стекло.

– Как дела, дорогая? – спросил дядя Гас.

– Хорошо, – чуть слышно пробормотала Патрисия.

– Ты скучала по поездкам со своим старым дядей Гасом? – он взглянул на нее и улыбнулся.

Патрисия просто пожала плечами.

– Я по тебе точно скучал, – мгновение спустя сказал дядя Гас. – Все это время мне было очень одиноко.

Патрисия сидела невозмутимо, решив не отвечать. Она знала, чего он от нее хочет, она отчаянно пыталась придумать, как это предотвратить.

– Ты знаешь, многие на нашем маршруте тоже по тебе скучали, – сказал он, голос у него был заискивающим, почти раболепным. – Они постоянно спрашивали меня: «Эй, Гас, где твоя хорошенькая маленькая помощница? Как ты можешь работать без нее?»

Патрисия снова промолчала.

Когда они ехали по улице, идущей мимо лесных заповедников, дядя Гас сказал:

– Боже, как здесь хорошо, а, Патти? Конечно, лучше бросить город, со всем его шумом и грязью. Ты только посмотри на лес. Ты когда-нибудь ходила играть в лес?

Это был прямой вопрос, поэтому ей ничего не оставалось, кроме как ответить.

– Нет.

– Ты знаешь, что, мне кажется, было бы весело? – воодушевленно сказал дядя Гас. – Давай прокатимся по лесу. времени у нас много, твоя тетя Джанет будет на работе еще пару часов...

Патрисия стиснула зубы и сморгнула слезы. Она точно знала, что будет дальше.

В фургоне дядя Гас снял брюки и шорты.

– Помнишь это? – лаская себя и вверх-вниз размахивая, точно шлангом, твердеющим пенисом, спросил он.

Патрисия отвернулась и ничего не сказала. Дядя Гас сел на одеяло и взял ее за руку.

– Эй, давай, в чем дело? Это твой дядя Гас! Разве ты меня больше не любишь?

Она не ответила.

– Я спросил, ты больше не любишь меня? – повторил он. На этот раз в его тоне послышался легчайший намек на резкость.

– Да, я все еще люблю тебя, – робко и нехотя сказала Патрисия.

– Эй, вот это моя девочка! – радостно сказал дядя Гас. Он усадил ее рядом с собой. Небрежно положил левую руку ей на ногу, чуть выше колена, там, где кончалась юбка.

– Знаешь, Патти Энн, я знал, что могу на тебя рассчитывать. Я имею в виду, почему нет, после всего, через что мы прошли вместе? Я всегда был рядом с тобой, каждый раз, когда ты нуждалась во мне.

С этими словами Гас принялся одной рукой гладить ногу Патрисии, а другой – свой уже твердый член.

– Ты хочешь помочь дяде Гасу почувствовать себя хорошо? Показать мне, что ты меня все еще любишь?

– Наверное, – допустила Патрисия.

– Тогда давай и поцелуй меня крепко.

Он наклонился к ней, протянул руку, сжал ее бедро, и поцеловал ее в губы. Потом он сказал:

– Как насчет того, чтобы позволить мне поцеловать тебя и в другом местечке...

– Сегодня я не хочу, – сказала Патрисия, изо всех сил стараясь говорить тем же тоном, которым всегда говорили ее учительницы и она сама, когда проводила на Брэнтвуд «уроки» с малышами. – Может быть, я разрешу тебе поцеловать меня там в следующий раз.

– Ой, милая, – сказал Гас с вытянувшимся от ужасного разочарования лицом. – Я всю неделю этого ждал. Все, о чем я думал, это просто побыть с моей маленькой возлюбленной, которую я так люблю, и поцеловать ее нашим тайным поцелуем. А ты хочешь меня подвести.

Для вящего эффекта он сделал паузу и добавил:

– Я думаю, ты вообще меня не любишь.

– Дядя Гас, это не так!

– Ну, тогда позволь мне поцеловать тебя там, – уговаривал он. Его ладонь плавно скользила по ее платью, пока его пальцы не дотянулись до ее трусиков и не спустили их вниз. Он уткнулся лицом в ее лоно.

– О, это хорошо, Патти, – говорил он между движениями губ и языка, – это так сладко, так вкусно, Патти – о, дорогая, скажи дяде Гасу, что любишь его...

– Я люблю тебя, дядя Гас, – послушно ответила она.

Когда она это сказала, Гас крепко прижал ее плоть к своему лицу и застонал. Он напрягся, дернулся и, наконец, замер. Патрисия поняла, что все кончено.

Патрисия начала ходить в начальную школу Солт-Крик, кварталах в трех от своего нового дома. Это была типичная, и более новая и более привлекательная, чем Тэлкотт, школа – здание из серого бетона и красного кирпича. Раньше здесь была фабрика с модульной архитектурой, классы трансформировались, расширялись, окна пропускали много света, коридоры были широкими и незахламленными.

Патрисии школа понравилась. Благодаря выработавшимся летом читательским привычкам она намного опережала сверстников, и почти сразу стало ясно, что она оказалась самой способной ученицей в классе. Вскоре после начала занятий учительница задала вопрос:

– Патрисия, в чикагской школе ты училась на класс старше?

Дальше учительница спросила, не посещала ли Патрисия специальных занятий. Патрисия ответила отрицательно, но сказала, что с одобрения предыдущей учительницы помогала отстающим ученикам после выполнения своих заданий. Ее нынешняя учительница сочла это очень интересным. Несколько дней спустя Патрисии предложили на пару часов в день, при условии, что она сделала свои уроки, стать помощницей воспитательницы в группе дошколят. Патрисия приняла предложение с энтузиазмом.

Новый распорядок начался сразу. Теперь в собственном классе она не ждала, скучая, пока другие закончат задание, а сдав свое, сразу получала следующее, и у нее накапливалось до часа свободного времени, которое она проводила в детском саду, помогая воспитателям. Но сколь бы замечательной ни казалась идея, на самом деле девушку снова изъяли из компании сверстников и поместили в другую среду, – и на другой уровень ответственности, от нее требовалось действовать почти как взрослая – потому что для детсадовцев она и *была* взрослая.

Ни Патрисия, ни учителя не видели в этом ничего плохого, Патрисии эта работа очень понравилась. В одиннадцать лет она была идеальной насадкой, обучала своих маленьких цыпляток цифрам, буквам, цветам и фигурам, гладила по головкам, заправляла рубашки, завязывала шнурки. Но по факту она росла не так, как должна бы расти девочка ее возраста.

На протяжении первого учебного года в Элк-Гроув Мэри Коломбо продолжала настаивать на том, чтобы один выходной в месяц Патрисия проводила с тетей Джанет в городе.

– Это хорошо для Патти, – говорила Мэри мужу. – Она отвлекается от привычных занятий.

Как же мало Мэри знала. Визит означал поездку с дядей Гасом, который всегда приезжал за ней на фургоне с конфетами в назначенный полдень пятницы. И всегда останавливался где-нибудь по дороге в город. Со временем Патрисии уже начало казаться, что это просто дань, которую она обязана платить, и изменить что-либо не в ее силах...

Патрисия знала, что начинает меняться физически. Там, где вчера грудь у нее была такой же плоской, как у Майкла, теперь появились два бутона, они набухали и росли, зеркало в ванной говорило ей, что скоро у нее появятся «сиськи», как у некоторых девочек из старших классов.

Конечно, заметил их и дядя Гас.

– Милая, у тебя будут отличные груди, – говорил он ей. – Они будут хорошие, большие и круглые, а сосочки твердые и мило торчащие. Никогда никому не говори, что я тебе такое сказал, это часть нашего общего секрета, твоего и моего. Но в один прекрасный день, дорогая, у тебя будет парочка чудесных «буферов».

И дядя Гас заговорил с ней, почти как со взрослой, он задавал ей много смущающих Патрисию вопросов, в основном о мальчиках и девочках.

Однажды дядя Гас спросил:

– Ты знаешь, что для мальчика и девочки означает дойти до конца?

– Я не знаю, – очень тихо ответила Патрисия. Она *полагала*, что знает, но идея обсуждать это с дядей Гасом ей не нравилась.

– Когда ты подрастешь, мы с тобой дойдем до конца, – сказал он, словно обещая ей какой-то особенный подарок. – Тебе это *действительно* понравится.

Патрисия сидела на пассажирском сиденье, глядя прямо перед собой, не говоря ни слова, замерев. Она ощущала страх и тошноту.

Негодование было крошечной точкой, которая расширялась, точно зрачок, компенсирующий недостаток света во внезапно наступившей темноте. Сначала всего лишь крохотное пятнышко в сознании, нечто смутно беспокоившее время от времени, оно росло и расширялось – и превратилось в бедствие, от которого разум Патрисии не мог избавиться.

«Почему они допустили, чтобы это с ней произошло?»

Мать.

Отец.

Тетя Джанет.

Дядя Фил, крестный.

Почему никто не понял, что происходит, и ничего с этим не сделал?

Каждый раз, после каждого месячного инцидента Патрисия будет по несколько дней пытаться придумать, *как* рассказать хоть *кому-нибудь*.

Начинала она всегда с матери. Считалось, что девочки могут разговаривать с матерями, в школе на лекциях по гигиене для девочек им проповедовали:

«Поделись своими проблемами с матерью, получи от матери совет, помни о том, что мать может быть твоим лучшим другом – и все, через что ты сейчас проходишь, она уже прошла».

Кандидатура Мэри Коломбо снималась почти так же быстро, как и выдвигалась. Во-первых, Патрисия знала, что ее мать *не* прошла через то, через что проходила она. Во-вторых, она инстинктивно чувствовала, что Мэри Коломбо ей не поверит.

– Я вижу тебя насквозь, юная леди, – слышала она воображаемый ответ матери. – Ты просто пытаешься увильнуть от того, что тебе не нравится. Как тебе не стыдно говорить такие ужасные вещи о своем дяде Гасе!

Далее отец. Патрисия знала вспыльчивый нрав Фрэнка Коломбо, его склонность к насилию. Если он ей поверит, а она полагала, что скорее всего поверит, он просто пойдет и убьет дядю Гаса, забьет до смерти голыми руками, частенько он именно так грозил расправиться с Лео Дюроше. Нет, об отце не могло быть и речи, это вызовет больше проблем, чем решит.

Фил Капоне, ее крестный? Патрисия не считала его покровителем или защитником. Высокий, дородный, симпатичный итальянец, работавший в ресторанном бизнесе, он довольно часто приходил к ним в гости. Точно не рыцарь в сияющих доспехах.

Наперсницей Патрисии могла стать тетя Джанет. Но рассказать крестной о ситуации с дядей Гасом ей мешал страх того, что Джанет Гауэр уже *знает* – или, по крайней мере, подозревает. Патрисия не понимала, как тетя Джанет *могла не* знать. Джанет всегда первой видела ее после этого. Конечно, она могла сказать по лицу, по наружности, что творится у Патрисии в душе. Понятно, родители, которые не видели ее, пока Джанет не привозила ее домой в воскресенье, или дядя Фил, которого она не так часто встречала, могли не распознать никаких примет, не уловить никаких подсказок – но почему ничего не заметила тетя Джанет?

Смущенный, но быстро взрослеющий ум Патрисия метался от одного вывода к другому. Джанет *знала* – и ничего не предпринимала. Джанет *не* знала, но обязана была знать.

Это сводило с ума.

Прошли месяцы.

Учебный год закончился. Пришло и миновало еще одно лето. Начался еще один учебный год.

Патрисия продолжала развиваться физически: грудь, ягодицы, бедра. На лобке появились пушистые волоски. С телом начали происходить странные вещи, проявились новые чувства. Ей было двенадцать, почти подросток. В средней школе ее ждали яркая, захватывающая жизнь и новые знания... Но она смотрела вперед не с радостью, а со страхом.

Патрисия понимала, что с каждым днем она все ближе и ближе подходит к тому времени, когда дядя Гас пройдет весь путь «до конца».

– Тогда я впервые подумала о самоубийстве, – вспоминала Патрисия в тюрьме два десятилетия спустя. – Я подумала, что если этот мужчина введет в меня свой член, я никогда не смогу спокойно смотреть в глаза другому человеку. По непонятной причине у меня в голове засела мысль, что люди *узнают*, что они смогут посмотреть на меня и *сказать*. Это как мои глаза поменяют цвет, или я покроюсь сыпью, или я просто знала, что не выдержу этого. Я должна была убить себя.

– Несмотря на растущий страх, – спросила сестра Берк, – ты все еще не могла заставить себя кому-то рассказать о Гасе?

– Нет, не могла. Я старалась даже не думать *об этом*. Мне приходилось терпеть это всего раз в месяц, поэтому я просто покорялась. Я возвращалась домой с этого ежемесячного уик-энда и просто пыталась забыться – в школе и в другом. Впереди же еще целый месяц... Прежде чем мне придется снова пройти через *это*. Думаю, так продолжалось бы до бесконечности, если бы Гас не начал заговаривать про настоящий половой акт. *До конца*. Это было то, что меня смертельно напугало, что заставило меня задуматься о самоубийстве.

– Насколько далеко ты зашла в своих мыслях? – спросила сестра Берк. – Ты думала о *том, как* убить себя?

– Я думала перерезать себе запястья лезвием бритвы в ванне с водой. Это был единственный известный мне способ, о нем я читала в книге. Я собиралась сделать это в один из выходных у тети Джанет. Я боялась, что дома Майкл увидит меня мертвой. Его бы это напугало.

– Тебе было двенадцать лет, – сказала сестра Берк. – Ты собиралась оставить кому-нибудь предсмертную записку?

Патрисия пожала плечами.

– Думаю, нет. Если и собиралась, то не помню.

– Оглядываясь назад, если бы ты *решила* оставить записку, кому бы ты ее написала?

– Тете Джанет, – без раздумий ответила Патрисия. – Я думаю, что она была единственной, кроме Майкла, кто бы опечалился и кто не злился бы на меня за это.

«Господи, какие порой чудовищные выводы мы заставляем делать наших детей», – сказала сестра Берк после этого визита одному из коллег.

– Когда ты перестала думать о самоубийстве?

– Когда меня спасли от дяди Гаса во второй раз. Спасла меня, даже не подозревая об этом, тетя Джанет...

15 Май 1976 года

В 7:00 утра в субботу, 15 мая, под прохладным морозящим дождем четыре полицейские машины тихо подъехали к многоэтажному жилому дому 2015 по Саут-Финли-роуд в Ломбарде. Это было через одиннадцать дней после убийства семьи Коломбо.

Технически полицейскими руководил Рэй Роуз, потому что он вел дело Коломбо, хотя в группу входили заместитель начальника полиции Уильям Конке и лейтенант Фрэнк Браун из Департамента шерифа округа Кук, а также заместители прокурора штата Колин Симпсон и Терри Салливан. Еще в группе были заместители шерифа Джин Гаргано, Рой Фиске и Гленн Гейбл, следователи Майкл Северенс и Джон Ландерс, а также криминалисты Крис Маркуссен и Роберт Сальваторе, все из полицейского управления Элк-Гроув-Виллидж. К ним также присоединились несколько полицейских из Ломбарда.

Один из прокуроров, Симпсон, остался у входных дверей дома, внизу также остались Джин Гаргано и Джон Ландерс. Роуз и другие поднялись на девятый этаж.

– Я бы хотел, чтобы она жила в другой квартире, – пробурчал один из мужчин. Раздался тихий смешок. У Патти Коломбо была квартира номер 911, телефон федеральной службы экстренной помощи.

На девятом этаже полицейские подошли к дверям квартиры. Лейтенанту Брауну пришлось стучать в двери несколько раз, прежде чем наконец ответили. Мужской голос изнутри спросил:

– Да? Кто там?

– Полиция, – сказал Браун. – У нас есть ордер на обыск. Пожалуйста, откройте двери.

Реакции не последовало. Браун постучал снова.

– Пожалуйста, откройте двери. У нас есть ордер на обыск.

– Подождите минутку, – сказал мужской голос. – Я хочу позвонить, прежде чем открою.

– Мы полицейские, – сказал Браун. – Я поднесу к глазку в дверях свое удостоверение, чтобы вы могли его увидеть. У нас есть ордер на обыск, и вы обязаны немедленно открыть двери.

Теперь изнутри раздался женский голос:

– Ублюдки, вы сюда не зайдете!

– Если вы не откроете двери, – предупредил Браун, – нам придется их выбить.

– Вы гребаные животные! – крикнула женщина.

Рэй Роуз сделал знак двум своим людям, Майку Северенсу и Бобу Сальваторе.

– Выбивайте!

Остальные отошли в сторону, и Северенс и Сальваторе принялись выбивать двери квартиры ногами. Минут пять они поочередно пинали двери, двери не поддавались.

– Проверьте коридор и лестницу, – сказал Роуз нескольким полицейским. – Посмотрите, есть ли тут пожарный топор. Будем рубить.

Топор не нашли, только огнетушители. Роуз повернулся к полицейским из Ломбарда.

– Сможете вызвать пару пожарных? С топорами?

– Конечно, – один из полицейских принялся вызывать пожарную охрану по рации. Тем временем Северенс и Сальваторе продолжали бить по дверям ногами.

Наконец мужской голос в квартире сдался.

– Ладно, ладно. Погодите, черт побери! Я открою!

На пороге предстал Фрэнк Делука, босиком, с голым торсом и в одних брюках. За ним стояла Патти Коломбо, тоже босая, в черном комбинезоне, она держала за ошейник большую щерившуюся черную немецкую овчарку.

Рэй Роуз вошел в квартиру и протянул Делуке сложенный лист бумаги.

– Это копия нашего официального ордера на обыск, – сказал он ему.

Заместитель шерифа Рой Фиске прошел мимо Роуза к Патти.

– Эту собаку вам лучше куда-нибудь увести, чтобы она не пострадала, – сказал Фиске.

Патти потащила собаку в спальню:

– Давай, Дьюк, давай!

– Не туда, – сказал Фиске. – Обыскивается и спальня. Вытащите ее на балкон.

Роуз прошел в квартиру. И сразу увидел на столе раскрытый блокнот. Его листы выглядели точно так же, как листы бумаги, полученные им от Лэнни Митчелла, на которых были записаны распоряжки дня Фрэнка, Мэри и Майкла Коломбо, а также от руки нарисован эскиз дома 55 по Брэнтвуд. Роуз жестом попросил одного из криминалистов положить блокнот в мешок.

Лейтенант Браун внимательно осмотрел маленькую гостиную. На ближайшем столике – пепельница с несколькими окурками, он сразу опознал коричневые сигареты марки «Мог». Похожие окурки были обнаружены в брошенном «Олдсмобиле» Мэри Коломбо, с которым работал один из людей Брауна, Джин Гаргано. Браун поручил криминалисту собрать содержимое пепельницы.

На кухонном столе Браун нашел небольшую стопку фотографий. На верхней была обнаженная Патти Коломбо, выполняющая фелляцию обнаженного мужчины, голова мужчины в кадр не попала. Фотографии Браун тоже забрал как улики.

– Мы забираем вас, мисс Коломбо, – сказал Гейбл. – Вы хотите взять обувь и верхнюю одежду?

Патти Коломбо ждал серьезный допрос. Приказ об этом получили Гленн Гейбл и Рой Фиске.

Гейбл пошел с ней в спальню, она взяла пару черных туфель с ремешком и розовый плащ. Затем Гейбл сковал ее запястья наручниками за спиной, и они с Фиске повезли ее вниз на лифте.

На улице продолжало моросить. Патти не надела туфли, а просто несла их, держа за спиной, плащ был накинут на одно плечо. Гейбл зачитал ей ее права и посадил на заднее сиденье полицейской машины. Он сел с ней, а Фиске – за руль.

Последний раз Патти была в полицейской машине, когда ее несовершеннолетней арестовали за использование чужой кредитной карты. Тогда она заплакала и попросила позвонить папе.

На этот раз папы, чтобы ему позвонить, у нее не было.

16

Май 1968 года – май 1971 года

Джанет Гауэр, которая, по мнению Патрисии, должна была спасти ее от Гаса Латини, наконец-то это сделала – да так, как Патрисия никогда и вообразить себе не могла. Джанет Гауэр вышла замуж.

Ее жених, Билл Морган, как и Джанет, был ветераном «Иллинойс Белл». Для Патрисии этот брак был совершенно неожиданным, она даже не знала мистера Моргана – и вдруг он стал «дядей Биллом». В тот момент почетный титул «дядя» вполне мог по весьма понятным причинам вызвать у нее к Биллу Моргану неприязнь. Однако этого не произошло. Во всяком случае, новый муж тети Джанет выступил почти как сказочный рыцарь, просто забрав Джанет с Огайо-стрит. Они перебрались в дальний Вест-Сайд, гораздо ближе к Элк-Гроув-Виллидж. Патрисия думала, что никогда не забудет слова Мэри Коломбо: «Что ж, теперь, когда тетя Джанет будет жить ближе, ты сможешь видеться с ней гораздо чаще одного раз в месяц. А твоему дяде Гасу не потребуются съезжать с маршрута, чтобы тебя подвезти».

Все было кончено.

Ей никогда, ни при каких обстоятельствах, больше не придется снова садиться в этот ужасный фургон для доставки конфет.

Все было кончено. Точка.

И Гас Латини так и не дошел с ней до конца. Какая жалость, *дядя Гас*, втайне съязвила Патрисия. В ту ночь в постели она зажала ладони между ног и тихонько плакала слезами счастья.

У Патрисии Коломбо началось отрочество без *болезни сознания*. Когда она перешла в среднюю школу Гроув, она впервые почувствовала себя хорошо, как будто избавилась от какой-то нечистоты. Она была такой же, как все, не было никакой скрытой заразы, никакого маленького грязного секрета, который она обязана хранить. Теперь, разговаривая, она больше не смотрела в пол.

В средней школе она училась хорошо. Еще так много предстояло *сделать*. Помимо основной учебы, в школе кипела активность: учебные группы по интересам, клубы, команды, кружки – у каждого междусобойчика было название. Были незапланированные, но регулярные «тусовки» перед школой, во время обеда, после школы, в любое время, бесконечный обмен записками, разговоры на бегу между занятиями, непрерывные планы – в особенности у девочек; это было похоже на улей. Большая часть встреч превращалась в обсуждение, где и когда они встретятся в следующий раз, это было так *весело*.

А потом стали заметны мальчики.

В подростковом возрасте мальчики вытянулись, у них на лицах появлялся пушок, некоторые ходили с красным лицом, они были слишком шумные, слишком неловкие, грубили, вечно глазели на едва проклевывавшиеся девичьи груди. Большинство мальчиков – по мнению девочек – не были *классными*. Хотя имелись и исключения: капитан футбольной и центровый баскетбольной команды, президент класса, владелец мотоцикла, *старшекласник*, переживший короткий «роман» с «пожилой женщиной». Это были аномалии, за ними тайком наблюдали, их изучали, обсуждали, анализировали. Все остальные мальчишки были «задротами» с большой буквы «З».

Патрисия мальчиками совершенно не интересовалась, но доказать это Мэри Коломбо было невозможно.

– Патти, почему бы тебе не приходить из школы прямо домой, как Майкл? – подозрительно спрашивала она.

Патрисия пожимала плечами.

– У меня просто кое-какие дела.

– Какие дела?

– Ну, я не знаю. Просто *дела*.

– Ты после школы встречаешься с мальчиками?

– Нет, – Патрисия отвечала с явным раздражением, – с мальчиками я не встречаюсь.

Не нравилась Мэри и одежда Патрисии.

– Боже мой, будь эта юбка чуть короче, тебя бы арестовали за непристойное поведение!

Где ты вообще взяла эту юбку?

Патрисия отвечала терпеливым тоном:

– В торговом центре «Йорктаун», мама. Мы купили ее вместе с тобой.

– Я не поняла, что она такая короткая. Думаю, тебе стоит носить подлиннее.

Патрисия закатила большие карие глаза.

– Подлиннее больше не *шьют*, мама. Это мода.

– Мода. Лучше молись, чтобы отец не увидел тебя в этом.

Патрисия чувствовала, что мать ее *не понимает*. И она была не одинока в этом, то же самое чувствовала большая часть девочек в школе.

– Матери, – сказала однажды одна ее подруга, – не любят, когда мы начинаем расти. Они привыкли обращаться с нами как с детьми. А теперь им приходится общаться с нами, как с молодыми женщинами. Они не знают, как к этому подступить.

Патрисию это *поразило*. Она много об этом думала. В конце концов она решила, что подруга абсолютно права.

Годы спустя Патрисия сказала сестре Берк:

– Я думаю, что отношения с мамой на тот момент были скорее всего вполне нормальными. По крайней мере, казались нормальными на фоне того, что подруги рассказывали о *своих* матерях. А вообще они были так похожи, наши матери. Одна из нас начинает что-то рассказывать о своей матери, другие тут же кивают, типа, да, мы тоже через это прошли.

– Итак, вы считаете, – заметила сестра Берк, – что в этот момент ваша жизнь в значительной степени успокоилась?

– Точно. Когда я стала уверена – я имею в виду, *абсолютно* уверена, – что история с Гасом завершилась, что с ней покончено, я решила полностью об этом забыть. Оглядываясь назад, я думаю, что на самом деле я себя на это запрограммировала. Всякий раз, когда у меня в голове всплывали мысли или воспоминание о том, что он сделал со мной, я начинала петь песню «Raindrops Keep Falling on My Head», ее исполнял Би Джей Томаса. Когда могла, я пела ее вслух – дома это сводило Майкла с ума. Когда вслух петь нельзя (в школе, например), я пела про себя. Это был такой трюк, он помог мне избавиться от Гаса Латини.

– Ты имеешь в виду, вытеснить его в подсознание, – поправила сестра Берк. – К сожалению, мы никогда не можем полностью избавиться от нежелательных мыслей и воспоминаний. Будь это возможно, не было бы нужды в таких людях, как я.

Маленькая монахиня-психолог улыбнулась одной из своих редких мимолетных улыбок:

– Я полагаю, ты думаешь: какое *это* было бы счастье!

Патрисия улыбнулась в ответ:

– Наконец вы в чем-то ошиблись, сестра. Какими бы трудными ни были эти занятия, я действительно очень рада, что познакомилась с вами.

Она перестала улыбаться и смущенно отвернулась.

– Вы первый за долгое время человек из свободного мира, который в моей жизни что-то значит... – она сглотнула. – Я... я не уверена, что когда-нибудь пойму себя, но все, что я пойму, я пойму благодаря вам.

– Лишь отчасти, Триш, – сказала монахиня. – Тут мы в одной лодке. Я ничем не смогла бы тебе помочь, если бы ты не *захотела*, чтобы тебе помогли, и если бы ты не захотела помочь себе сама. Познавать себя, начать осознавать свои сильные и слабые стороны, напрямую устранять собственные недостатки – вот настоящая реабилитация.

Сестра Берк снова улыбнулась – дважды за одно занятие.

– Итак, на сегодня хватит взаимных похвал, давай вернемся к работе...

Теперь сестра Берк сместила фокус на то, чтобы узнать, как жизнь Патрисии снова пошла под откос – та самая жизнь, в которой больше не было домогательств Гаса Латини и которую Патрисия назвала «нормальной».

Психолог считала, что причиной мог быть кошмарный сон Патрисии, который, как они теперь выяснили, был о дяде Гасе, однако Патрисия думала, что он об отце.

– Твоя песня «Raindrops» явно тебе помогла, – сказала сестра Берк через пять или шесть месяцев после начала их сессий.

Было лето, и им разрешили гулять по территории, а не сидеть в маленькой комнате для свиданий.

– Фактически песня так хорошо помогла, что когда тебе приснилось, что к тебе домогаются в твоей собственной спальне, ты не знала, кто этот мужчина во сне. То, что с тобой сделал Гас, к тому времени было так глубоко похоронено в твоём подсознании, что растлителя во сне ты не узнала. Ты не смотрела на него, пока не проснулась и не увидела лицо отца. Крайне при-
скорбно, что ты также увидела пенис отца и он тебя коснулся. Все это соединилось и убедило тебя, что мужчиной во сне был отец. А поскольку мужчина во сне был связан с приставанием к тебе в прошлом, твой разум просто обвинил во всем отца.

– Но твой голос... – сказала снова сестра Берк. – Он колебался. Ты сама сомневалась, хотя думала, что была уверена. Но когда я тем вечером возвращалась в Чикаго, меня осенило.

– Что именно?

– Когда ты проснулась и обнаружила, что рядом с тобой лежит отец, у него не было эрекции. Он пришел, чтобы тебя утешить. Как отец.

Так они вышли за пределы травмы.

– Давай поговорим, как действовала семья *после* того, *как* тебе приснился кошмар, – сказала сестра Берк. – Мать была против того, чтобы ты делила спальню с Майклом, но отец не видел в этом ничего плохого?

– Да. Позже я поняла, что папа разрешил мне только потому, что думал, что это ненадолго, он думал, что мне быстро надоест и я вернусь в свою комнату внизу. Он понятия не имел, насколько он тогда меня напугал или насколько я подозрительно относилась к малейшему его движению. Всякий раз, когда он был рядом, я за ним наблюдала, как ястреб, ища какой-нибудь неприметный знак, чтобы подкрепить свои подозрения о его нечистых намерениях относительно меня.

– Ты помнишь, чтобы в доме было напряжение?

Патрисия покачала головой.

– Думаю, только с моей стороны. Быть может, немного с маминой. Со стороны папы – нет. Майкла – никогда.

– Майкл совсем не обиделся, что ты вторглась в его личную жизнь?

– Нет. – Патрисия чуть заметно улыбнулась. – Время от времени он *пытался*, но тщетно. Несмотря на улыбку, глаза у нее наполнились слезами.

– Майкл любил меня больше всех на свете...

Сестра Берк сидела тихо, давая Патрисии возможность прийти в себя. Патрисия впервые прямо упомянула свои отношения с Майклом. До этого она никогда ни слова не сказала о смерти брата или своих чувствах к нему.

– Когда мне было пятнадцать, – сказала она сестре Берк после того, как овладела собой, – а Майклу восемь, мы оба по-настоящему поняли, что значит быть братом и сестрой. Несмотря на то, что он был моложе на семь лет, в том году он помог мне пережить очень тяжелые времена.

– Хочешь мне об этом рассказать? – спросила сестра Берк. – Ты готова поговорить о Майкле?

На лице у Патрисии было страдание, голос был надломлен:

– Думаю, я готова, как никогда ...

17

Лето 1970 года

Вопреки предсказанию Фрэнка Коломбо желание Патрисии спать в комнате Майкла не прошло через «пару ночей». Миновала неделя, другая, еще несколько. Патрисия не собиралась возвращаться в свою спальню на нижнем уровне. Отца начало это беспокоить.

– Я не думал, что это продлится так долго, – признался он жене, – это неправильно.

Фрэнк задумался. Он подумал было перевести Майкла вниз, но решил, что это будет несправедливо по отношению к сыну, Майкл свою комнату любил и обустроил по своему вкусу. Проблема заключалась в том, чтобы вытащить *оттуда* Патти, вечно так продолжаться не может.

В конце концов он придумал решение: они с Мэри уйдут вниз и отдадут Патти свою спальню. Это даст им, родителям, говорил он Мэри, уединение от *обоих* детей: в их с Мэри распоряжении окажется весь нижний этаж, поскольку у детей не будет причин туда спускаться. Мэри было под сорок; все еще стройная и привлекательная, она продолжала наслаждаться близостью с не растерявшим запала мужем. И она сразу поддержала идею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.